КОРТИК · БРОНЗОВАЯ ПТИЦА · ВЫСТРЕЛ

ВСЕМИРНАЯ ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

Бронзовая птица
Анатолий Наумович Рыбаков

Аннотация
Анатолий Рыбаков. Бронзовая птица
Часть первая. Беглецы
  Глава 1. Чрезвычайное происшествие
  Глава 2. Неприятное объяснение
  Глава 3. Усадьба
  Глава 4. Отряд
  Глава 5. Помещичий дом и его обитатели
  Глава 6. Что делать дальше
  Глава 7. Васька Жердяй
  Глава 8. Николай, брат Жердяя
  Глава 9. В деревне
  Глава 10. Загадочное убийство
  Глава 11. «Графиня»
  Глава 12. Новые планы
  Глава 13. Художник-анархист
  Глава 14. Всегда готовы
Часть вторая. Погоня
  Глава 15. Лодочная станция
  Глава 16. На реке
  Глава 17. Лодочник
  Глава 18. В чем дело

Глава 19. Удивительная встреча
Глава 20. Неожиданный поворот
Глава 21. Плот
Глава 22. Путешествие продолжается
Глава 23. Беглецы
Глава 24. В городе у следователя
Глава 25. Серов
Глава 26. Борис Сергеевич
Глава 27. Быт помещика
Часть третья. Голыгинская гать
Глава 28. Сенька Ерофеев
Глава 29. Гвоздь
Глава 30. В больнице
Глава 31. Сельская живопись
Глава 32. «Зелень»
Глава 33. Что такое самохарактеристики?
Глава 34. Самохарактеристики
Глава 35. Самохарактеристики. (Продолжение)
Глава 36. Следователь в лагере
Глава 37. Надо идти в лес
Глава 38. Славкины розыски
Глава 39. Костер
Глава 40. Опасная экспедиция
Часть четвертая. Краеведческий музей
Глава 41. Ерофеев
Глава 42. Клуб

Глава 43. Борьба разгорается
Глава 44. Борьба продолжается
Глава 45. Опять у Серова
Глава 46. Победа
Глава 47. Опять в музее
Глава 48. Снова лодочник
Глава 49. Полезный больной
Глава 50. Людская
Глава 51. Ночь в музее
Глава 52. Вторая ночь в музее
Глава 53. Незнакомец
Часть пятая. Тайна бронзовой птицы
Глава 54. Кит объелся
Глава 55. В таинственном доме
Глава 56. Чертеж
Глава 57. Кладоискатели
Глава 58. Рассказ врача
Глава 59. Неужели все потеряно?
Глава 60. Копии
Глава 61. Орлы
Глава 62. Халзан
Глава 63. Халзан – степь – курган
Глава 64. Коммуна
Глава 65. Сходка
Глава 66. Орел-ягнятник
Глава 67. Граф Карагаев

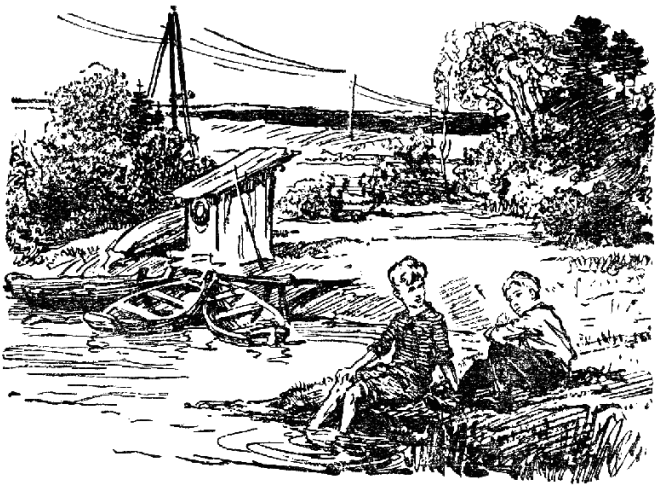
Глава 68. Склеп
Глава 69. Итоги и недоделки

Аннотация

Герои Анатолия Рыбакова – обычные московские школьники. Наблюдательность и любопытство арбатских мальчишек Миши, Генки и Славки не дают им скучать, они предпочитают жизнь насыщенную и беспокойную. Загадка старинного кортика увлекает ребят в приключения, полные таинственных событий и опасностей.

Анатолий Рыбаков
Бронзовая птица

Часть первая
Беглецы



Глава 1
Чрезвычайное происшествие

Генка и Славка сидели на берегу Утчи.

Штаны у Генки были закатаны выше колен, рукава полосатой тельняшки — выше локтей, рыжие волосы торчали в разные стороны. Он презрительно посматривал на крохотную будку лодочной станции и, болтая ногами в воде, говорил:

— Подумаешь, станция! Прицепили на курятник спасательный круг и вообразили, что станция!

Славка молчал. Его бледное, едва тронутое розоватым загаром лицо было задумчиво. Меланхолически жуя травинку, он размышлял о некоторых горестных происшествиях лагерной жизни…

И надо было всему случиться именно тогда, когда он, Славка, остался в лагере за старшего! Правда, вместе с Генкой. Но ведь Генке на все наплевать. Вот и сейчас он как ни в чем не бывало сидит и болтает ногами в воде.

Генка действительно болтал ногами и рассуж-

дал про лодочную станцию:

— Станция! Три разбитые лоханки! Терпеть не могу, когда люди из себя что-то выстраивают! И нечего фасонить! Написали бы просто: «прокат лодок» — скромно, хорошо, по существу. А то «станция»!

— Не знаю, что мы Коле скажем, — вздохнул Славка.

— При чем тут мы? А если он будет выговаривать, то я ему прямо скажу: «Коля! Надо быть объективным. Никто тут не виноват. И вообще, в жизни без происшествий не бывает». — И он с философским видом добавил: — Да без них и жизнь была бы неинтересной.

— Без кого — без них?

— Без происшествий.

Вглядываясь в дорогу, идущую к железнодорожной станции, Славка сказал:

— Ты лишен чувства ответственности.

Генка презрительно покрутил в воздухе рукой:

— «Чувство», «ответственность»!.. Красивые слова... Фразеология... Каждый отвечает за себя. А я еще в Москве предупреждал: «Не надо брать в лагерь пионеров». Ведь предупреждал, правда? Не послушались.

— Нечего с тобой говорить, — равнодушно от-

ветил Славка.

Некоторое время они сидели молча, Генка — болтая ногами в воде, Славка — жуя травинку.

Июльское солнце пекло неимоверно. В траве неутомимо стрекотал кузнечик. Речка, узкая и глубокая, прикрытая нависшими с берегов кустами, извивалась меж полей, прижималась к подножиям холмов, осторожно обходила деревни и пряталась в лесах, тихая, темная, студеная…

Из приютившейся под горой деревни ветер доносил отдаленные звуки сельской улицы. Но сама деревня казалась на этом расстоянии беспорядочным нагромождением железных, деревянных, соломенных крыш, утопающих в зелени садов. И только возле реки, у съезда к парому, чернела густая паутинка тропинок.

Славка продолжал вглядываться в дорогу. Поезд из Москвы уже, наверно, пришел. Значит, сейчас Коля Севостьянов и Миша Поляков будут здесь… Славка вздохнул.

Генка усмехнулся:

— Вздыхаешь? Типично интеллигентские охи-вздохи!.. Эх, Славка, Славка! Сколько раз я тебе говорил…

Славка встал, приставил ладонь козырьком ко лбу:

— Идут!

Генка перестал болтать ногами и вылез на берег.

— Где? Гм!. Действительно, идут. Впереди — Миша. За ним… Нет, не Коля… Мальчишка какой-то… Коровин! Честное слово, Коровин, беспризорник бывший! И мешки тащат на плечах…

— Книги, наверно…

Мальчики вглядывались в маленькие фигурки, двигавшиеся по узкой полевой тропинке. И, хотя они были еще далеко, Генка зашептал:

— Только имей в виду, Славка, я сам объясню. Ты в разговор не вмешивайся, а то все испортишь. А я, будь здоров, я сумею… Тем более — Коля не приехал. А Миша что? Подумаешь! Помощник вожатого…

Но как ни храбрился Генка, ему стало не по себе. Предстояло неприятное объяснение.

Глава 2
Неприятное объяснение

Миша и Коровин опустили на землю мешки.

— Почему вы здесь? — спросил Миша.

Он был в синей кепке и кожаной куртке, которую не снимал даже летом — ведь в ней он выглядел заправским комсомольским активистом.

— Так просто. — Генка ощупал мешки: — Книги?

— Книги.

— А где Коля?

— Коля больше не приедет. Его мобилизовали во флот…

— Вот оно что… — протянул Генка. — А кого пришлют вместо него?

Миша медлил с ответом. Он снял кепку и пригладил свои черные волосы, которые частым смачиванием превратил из курчавых в гладкие.

— Кого же пришлют? — переспросил Генка.

Миша медлил с ответом потому, что вожатым отряда назначили его самого. И он не знал, как сообщить эту новость ребятам, чтобы они

не подумали, что он задается, но и чтобы сразу признали его вожатым… Сложная задача — командовать товарищами, с которыми сидишь на одной парте. Но по дороге Миша придумал два спасительных словечка. Скромно, с подчеркнутым безразличием он сказал:

– *Пока* меня назначили.

«Пока» и было первым спасительным словом. Действительно, кто должен временно заменить вожатого, как не его помощник?

Но скромное и учтивое «пока» не произвело ожидаемого действия. Генка вытаращил глаза:

— Тебя? Но какой же авторитет мы будем иметь в деревне? Колю все уважали… И старики.

Тогда Миша произнес второе спасительное слово:

— Я отказывался, но *райком* утвердил. — И, почувствовав за собой авторитет райкома, строго спросил: — Как же вы бросили лагерь?

— Там Зина Круглова осталась, — поспешно ответил Генка.

Вот что значит спросить построже… А Славка и вовсе каким-то извиняющимся тоном начал:

— Видишь ли, Миша…

Но Генка перебил его:

— Ну как, Коровин, в гости к нам приехал?

— По делу, — ответил Коровин и шумно втянул носом воздух. Плотный, коренастый, он в форменной одежде трудколониста выглядел совсем толстым и неуклюжим. Лицо его лоснилось от пота, и он все время отмахивался от мух.

— Раздобрел ты на колонистских хлебах, — заметил Генка.

— Кормят подходяще, — ответил простодушный Коровин.

— А по какому делу ты приехал?

Миша объяснил, что детдом, в котором живет Коровин, превращается в трудовую коммуну. И разместится трудкоммуна здесь, в усадьбе. Завтра сюда приедет директор. А Коровина вперед послали. Узнать, что к чему.

Из скромности Миша умолчал о том, что это, собственно говоря, его идея. Вчера он встретил Коровина на улице и узнал от него, что детдом ищет под Москвой место для трудовой коммуны. Миша объявил, что знает такое место. Их лагерь размещен в бывшей помещичьей усадьбе Карагаево. Правда, это Рязанская губерния, но и от Москвы недалеко. Усадьба пуста. В огромном помещичьем доме никто не живет. Отличное место. Ничего лучшего для коммуны не придумаешь… Коровин рассказал об этом своему директору.

Директор велел ему ехать с Мишей, а сам обещал приехать на другой день.

Вот как было на самом деле. Но Миша не рассказал этого, чтобы ребята не подумали, что он хвастается. Он им только сообщил, что здесь будет трудкоммуна.

— Фью! — засвистел Генка. — Так и пустит их графиня в усадьбу!

Коровин вопросительно посмотрел на Мишу:

— Кто такая?

Размахивая руками, Генка начал объяснять:

— В усадьбе раньше жил помещик, граф Карагаев. После революции он удрал за границу. Все с собой увез, а дом, конечно, оставил. И тут живет теперь одна старуха, родственница графа или приживалка. В общем, мы ее зовем графиней. Она охраняет усадьбу. И никого туда не пускает. И вас не пустит.

Коровин опять втянул носом воздух, но уже с некоторым оттенком обиды:

— Как — не пустит? Ведь усадьба государственная.

Миша поспешил его успокоить:

— Вот именно. Правда, у графини есть охранная грамота на дом как на историческую ценность. Не то царица Елизавета здесь жила, не то Ека-

терина Вторая. И графиня всем тычет в нос этой грамотой. Но ты сам пойми: если будут пустовать все дома, в которых веселились цари и царицы, то где, спрашивается, народ будет жить? — И, считая вопрос исчерпанным, Миша сказал: — Пошли, ребята! Мы с Коровиным от самой станции мешки тащили. Теперь понесете вы.

Генка с готовностью ухватился за мешок. Но Слава, не двигаясь с места, сказал:

— Видишь ли, Миша… Вчера Игорь и Сева…

— Ах да, — перебил его Генка, опуская мешок, — я только хотел сказать, а Славка вперед вылез. Всегда ты, Славка, вперед лезешь!

Потом он заканючил:

— Понимаешь, какое дело, Миша… Такое, понимаешь, дело… Как бы тебе сказать…

Миша рассердился:

— Что ты тянешь? Тянет, тянет… «Как бы», «что бы»!

— Сейчас, сейчас… Так вот… Игорь и Сева убежали.

— Куда убежали?

— Фашистов бить.

— Каких фашистов?

— Итальянских.

— Глупости ты болтаешь!

— Почитай сам.

Генка протянул Мише записку. Она была очень короткой: «Ребята, до свиданья, мы уезжаем бить фашистов. Игорь, Сева».

Миша прочитал записку раз, потом другой, пожал плечами:

— Чепуха какая-то!.. Когда это случилось?

Генка начал путано объяснять:

— Вчера, то есть сегодня. Вчера они легли спать вместе со всеми, а утром просыпаемся — их нет. Только вот эта записка. Мне, правда, они еще вчера показались очень подозрительными. Вздумали ботинки чистить! Никакого праздника нет, а они вдруг ботинки чистить… Смешно…

И он неестественно засмеялся, приглашая Мишу тоже посмеяться над тем, что Игорь и Сева вздумали чистить ботинки.

Но Мише было не до смеха.

— Где вы их искали?

— Всюду. И в лесу, и в деревне…

— Может, они с жиганами связались? — сказал Коровин. — У нас как кто убежит — значит, ищи жигана поблизости. Он подбил. И обязательно в Крым бегут. Сейчас все в Крым бегут.

Миша махнул рукой.

— Какие здесь жиганы! Просто эти вот помощ-

нички всех распустили. — И он смерил Генку и Славку взглядом, исполненным глубочайшего презрения.

— При чем здесь мы? — в один голос закричали Генка и Славка.

— При том! Раньше не бегали, вот при чем!

Генка прижал руки к груди:

— Честное благородное слово…

— Не нужно твоего благородного слова! — оборвал его Миша. — Пошли в лагерь!

Генка и Славка взвалили на плечи мешки. Мальчики двинулись к лагерю.

Глава 3
Усадьба

Тропинка, по которой шли мальчики, вилась полями.

Генка болтал без умолку. Но разговаривать он умел, только размахивая руками. Мешок с книгами как-то незаметно, сам собой перекочевал обратно на плечи Коровина.

— Если вам даже удастся перебороть графиню, — разглагольствовал Генка, — то все равно организовать здесь коммуну, наладить хозяйство будет очень трудно. Прямо скажем — невозможно. В усадьбе ничего нет. Только один дом. Инвентаря никакого. Ни живого, ни мертвого. Ни бороны, ни сохи, ни плуга, ни телеги. И думаешь, все крестьянам досталось? Ничего подобного. Кулаки растащили. Честное слово! Тут, брат Коровин, такие кулаки, каких, может быть, больше нигде и нет. Ты себе представить не можешь, что они вытворяют.

— А что?

— Ах ты, чудак! Ведь мы сюда приехали, чтобы организовать пионерский отряд. А все против

нас. Во-первых, кулаки. Во-вторых, религия. В-третьих, несознательность родителей: не пускают ребят в отряд. Даем спектакль — битком набито. Объявим после спектакля собрание — все разбегаются.

— Дело известное, — глубокомысленно заметил Коровин.

— Вот именно, — подхватил Генка. — А сами ребята деревенские… Сколько у них предрассудков! Только и рассуждают о леших и чертях. Поработай с ними!

— Трудно, значит?

— Нелегко, — сокрушенно подтвердил Генка. Но тут же хвастливо добавил: — Но мы ведь и потруднее дела делали. Раз должны организовать — значит, организуем. Вот книжечки им привезли, — он тронул рукой мешок, который за него тащил Коровин, — спектакли даем, в ликбезе работаем, ликвидируем неграмотность. Увидишь: мы здесь самые первые организуем пионерский отряд. Правда, Миша?

Миша ничего не ответил. Он молча шагал по дороге и думал о том, как неудачно начинается его работа в качестве вожатого отряда. В первый же день пропали два пионера. Куда они делись? Без денег, без продуктов они далеко не убегут. Но

мало ли что может случиться с ними в дороге. Могут и в лесу заблудиться, и в реке утонуть, и под поезд попасть… Такая неприятность!

Поставить в известность их родителей или нет? Пожалуй, не стоит. Зачем зря волновать? Ведь все равно беглецы найдутся. А родители всех взбудоражат. Подымут на ноги всю Москву. Неприятностей не оберешься. В школе, в райкоме только и будут говорить об этом происшествии. А в деревне уже, наверно, сплетничают, что пионеры разбегаются и, значит, не надо отдавать ребят в отряд. Вот что наделали Игорь и Сева… Подорвали авторитет отряда. Отряд целый месяц работал в таких трудных условиях, и на тебе!

Эти мрачные размышления прервал Генкин выкрик:

— А вот и усадьба!

Мальчики остановились.

Перед ними, высоко на горе, в гуще деревьев, стоял двухэтажный помещичий дом. Казалось, что у него несколько крыш и много дымовых труб. Большая полукруглая веранда, огороженная барьером из белых каменных столбиков, разделяла дом на две равные части. Над верандой возвышался мезонин с двумя окнами по бокам и нишей посередине. К дому, пересекая сад, вела

широкая аллея, вначале ровная, земляная, затем в виде отлогих каменных ступеней, постепенно образующих каменную лестницу, двумя крыльями огибающую веранду.

Генка прищелкнул языком:

— Красиво?

Коровин с шумом втянул воздух:

— Хозяйство — вот что важно.

— А хозяйства там никакого нет, — заверил его Генка.

Действительно, усадьба казалась заброшенной. Сад зарос. Скамейки вдоль аллей были сломаны, большая гипсовая ваза на клумбе разбита, пруд затянулся ядовито-зеленой тиной. Все было мертво, безжизненно, мрачно.

И только когда мальчики углубились в сад, звонкие ребячьи голоса нарушили эту угнетающую тишину…

За сломанной оградой на лужайке белели палатки. Это и был лагерь. Ребята бежали навстречу мальчикам. Впереди — Зина Круглова. На своих толстых, коротких ногах она бегала быстрее всех.

Глава 4
Отряд

Собственно говоря, здесь был не весь отряд, а только пятнадцать ребят, самых старших. Из них девять комсомольцев. Остальные будут вступать в комсомол этой осенью. Но называли они себя отрядом — а как же еще?

Три палатки стояли под деревьями по окружности лужайки. В середине высилась мачта с развевающимся в воздухе вымпелом. В стороне горел костер. На двух треногах лежала палка, порядком обгоревшая. Возле костра хлопотали дежурные, варили обед. Сильно пахло подгоревшим молоком.

— Все в порядке, — быстрой скороговоркой докладывала Зина, — письмо краснофлотцам отправили, занятия в ликбезе вчера провели. Пришло восемь человек вместо двенадцати. А насчет Игоря и Севы они, — Зина кивнула на Генку и Славку, — наверно, уже тебе рассказали.

При упоминании об Игоре и Севе ребята загалдели. Всех перекричал Борька Баранов. Он совсем не рос, и его по-прежнему звали Бяшкой. Но он

стал ужасным борцом за правду. Ему казалось, что если бы не он, Бяшка, то в мире воцарились бы ложь и несправедливость. И он громче всех закричал:

— Они убежали из-за Генки!

— Что ты врешь, Бяшка несчастная! — возмутился Генка.

Но Миша велел Бяшке рассказывать.

Как всегда, когда он боролся за правду, Бяшка начал очень торжественно:

— Я расскажу всю правду. Мне незачем прибавлять и выдумывать.

— Ближе к делу, — поторопил его Миша: Бяшкино предисловие могло затянуться на добрых полчаса.

— Так вот, — продолжал Бяшка, — когда мы легли спать, то начали разговаривать. Это было после спектакля «Смерть фашизму». Игорь и Сева сказали, что надо не спектакли ставить, а фашистов громить, чтобы не убивали коммунистов. Тогда Генка начал над ними смеяться: «Поезжайте, поезжайте бить фашистов, а мы посмотрим». Игорь разозлился и сказал: «Захотим — и поедем». Тогда Генка говорит: «Захотите, захотите!» Такой был разговор. А утром Генка проснулся и спрашивает: «Вы еще здесь? А я думал, что вы убежали

фашистов бить». И потом каждое утро Генка как проснется, так и спрашивает их: «Вы сколько сегодня фашистов побили?» Так их задразнил, что они в конце концов и убежали. Вот как было. А врать мне незачем. Я никогда не вру.

— Генка, это правда? — спросил Миша.

— Правда, правда! — закричали ребята из Генкиного звена.

— Он все время дразнится! — проворчал Филя Китов, по прозвищу «Кит». Как и раньше, он любил поесть, всегда жевал что-нибудь и еще больше растолстел.

— Генка, это правда?

Генка пожал плечами:

— Какое это имеет отношение? Верно. Я их немного подразнил. Но для чего? Для того, чтобы они эту чепуху выбросили из головы. А они, дурачки, взяли да убежали. Пошутить нельзя! Смешно, честное слово!

— Ах, смешно! — закричал Миша.

Не в силах сдержать свое возмущение, он вдруг сорвал с головы кепку, бросил ее на землю, повернулся вокруг себя один раз, потом другой и, застыв на месте, уставился на Генку.

Пораженный Генка ошалело вытаращил глаза. Все ребята, остолбенев, смотрели на Мишу.

Миша вспомнил, что он теперь вожатый отряда и должен сдерживать себя. Он поднял кепку, натянул ее на голову.

— Ладно! Мы их сначала найдем, а потом разберемся, кто виноват. Быстро обедайте, и начнем искать.

Генка сразу оживился:

— Правильно! Мы их враз найдем. Вот увидишь, Миша…

За обедом Миша опросил дежурных. Но они клялись, что ничего не видели. А ведь Игорь и Сева забрали все свои вещи, вплоть до кружек и ложек. И никто этого не заметил.

Конечно, они могли уехать домой. Но, прежде чем ехать за ними в Москву, надо как следует поискать здесь.

Наиболее вероятным местом, где могли спрятаться мальчики, представлялась Мише усадьба. Он пойдет туда сам вместе с Коровиным. А остальные ребята пусть прочешут лес.

— Прочешете лес, — сказал Миша. — Генка со своим звеном — со стороны деревни, звено Славки — от реки, звено Зины — из парка. Идите цепью и все время перекликайтесь. К семи часам возвращайтесь в лагерь.

Выстроив свои звенья, Генка, Славка и Зина

побежали к ближнему лесу, каждый со своей стороны.

Миша и Коровин пошли в усадьбу.

В лагере остался только Кит. Он всегда охотно дежурил за других на кухне. Облизнув губы, Кит начал готовить ужин.

Глава 5
Помещичий дом и его обитатели

Чтобы не попасться на глаза «графине», Миша пошел не по главной аллее, а по боковой.

— Посмотрим сначала, дома ли хозяйка, — сказал он Коровину.

— Как ты узнаешь?

— Увидишь, — загадочно ответил Миша.

Продираясь сквозь кусты, они дошли до центральной аллеи и отогнули ветви деревьев.

Старый дом стоял прямо перед ними. Штукатурка на нем местами облупилась, оттуда торчали полосы дранки и клочья пакли. Разбитые стекла в окнах были заменены фанерой, обрезанной простой пилой, с неровными краями и кое-как прибитой. Иные окна и вовсе были заколочены досками, разными по размеру и толщине.

— Дома, — с досадой прошептал Миша.

В ответ на вопросительный взгляд Коровина Миша глазами показал ему на мезонин.

В нише, широко распластав крылья, стояла большая бронзовая птица с непомерно длинной шеей и загнутым книзу хищным клювом. Ост-

рыми когтями она цеплялась за толстый сук. Глаза, огромные, круглые, под длинными, как у человека, бровями, придавали птице странное и жуткое выражение.

— Видел?

— Видел, — прошептал Коровин, ошеломленный зловещим видом бронзового истукана.

— Орел.

Коровин с сомнением качнул головой:

— Какой же это орел? Видал я на Волге орлов.

— Орлы бывают разные, — зашептал Миша, — на Волге одни, здесь другие. Но не в этом дело. Посмотри внимательно. За птицей ставни? Они открыты, видишь?

— Вижу.

— Ну вот, раз ставни открыты — значит, графиня дома. Как только она уезжает в город, то закрывает ставни, а приезжает — открывает. Понял? Только имей в виду: это секрет, никому не рассказывай.

— А мне и ни к чему, — равнодушно ответил Коровин, — все равно мы дом отберем. Ребят двести можно разместить, а она одна живет. Разве правильно?

— Конечно, неправильно, — согласился Миша. — И забирайте усадьбу поскорее… Вот что! Поищем ребят в сараях. Может быть, они там спрятались. Сидят и посмеиваются над нами.

Прячась за кустами, мальчики обогнули дом, подошли к задней стене конюшни и через маленькое разбитое оконце проникли в нее.

Затхлый запах трухлявых бревен, сгнивших досок, старого навоза ударил им в нос. Перегородки между стойлами были разобраны; там, где лежали опорные бревна, чернели провалы

земли. Мальчики вздрогнули: не замеченная ими стая воробьев поднялась и с шумом вылетела из конюшни. Осторожно ступая по разбитому деревянному полу, Миша и Коровин перебрались из конюшни в сарай.

Здесь было темнее. Окон не было, а ворота, снятые с петель, были прислонены к проему и не пропускали света.

Пахло мышами, прелой соломой, протухшей мучной пылью.

Миша ухватился за стропила, подтянулся и вскарабкался на сеновал. Затем помог подняться и неуклюжему Коровину. Сгнившее перекрытие подгибалось под ногами. Крыша изнутри была усеяна комками осиных гнезд. Сквозь прорехи крыши синело небо.

Друзья обошли сеновал, через слуховое окно перебрались в соседний сарай. Тех, кого они искали, не было. Впрочем, искал один Миша. Коровин пробовал крепость бревен, сокрушенно причмокивал губами в знак того, что все здесь очень старое.

Тем же путем мальчики спустились обратно. Теперь предстояло осмотреть сарай, который назывался машинным: раньше в нем хранился сельскохозяйственный инвентарь. Он стоял на

отшибе. Чтобы попасть в него, надо было перебежать кусок площадки, прямо на виду у дома.

Миша уже собирался выскользнуть из сарая, как вдруг отпрянул назад, чуть не опрокинув стоявшего за ним Коровина. Коровин хотел посмотреть, что так взволновало приятеля. Но Миша крепко стиснул его руку и головой показал на дом.

На верхней ступеньке лестницы стояла высокая, худая старуха в черном платье и с черным платком на голове. Ее седая голова была опущена, лицо изборождено длинными морщинами, острый крючковатый нос загнут книзу, как у птицы. Эта черная, неподвижная фигура казалась мрачной и зловещей в пустынном молчании заброшенной усадьбы.

Мальчики стояли не шевелясь.

Потом старуха повернулась, сделала несколько шагов, медленных, прямых, точно шла она, не сгибая колен, и исчезла за дверью.

— Видал? — прошептал Миша.

— Прямо сердце захолонуло, — тяжело отдуваясь, ответил Коровин.

Глава 6
Что делать дальше

Миша и Коровин вернулись в лагерь. Все были уже в сборе. В лесу тоже никого не нашли.

Огорченные неудачей, обеспокоенные судьбой пропавших товарищей, усталые и измученные, сели в этот вечер ребята за ужин. А тут еще Кит объявил, что продуктов осталось мало, едва хватит на завтрашний день.

— Не суди по собственному аппетиту, — заметил Генка.

— Можете сами проверить, — обиделся Кит. — Масла почти совсем нет. Сухарей тоже. Круп…

— Не волнуйся! — сказал Миша. — Завтра Генка и Бяшка поедут в Москву и привезут продукты.

Теперь обиделся Генка:

— Все Генка и Генка! Думаешь, приятно таскаться по такой жаре с мешками? Да еще выпрашивать у родителей продукты! Тех дома нет, те не приготовили. Клянчишь, клянчишь…

— Ничего не поделаешь, — сказал Миша. — Не будет же нас кормить государство. Ведь наше государство только восстанавливается. А родите-

лям тоже трудно. В московских семьях размещено десять тысяч детей с Поволжья. Кроме того, каждый москвич отчисляет дневной заработок в пользу голодающих. Понимать надо! — Он многозначительно поднял вверх ложку. — И посылаю тебя потому, что у тебя есть опыт.

Запихивая в рот кашу, Генка самодовольно ухмыльнулся:

— Да, уж будь здоров! Привык я с ними разговаривать: «Ваш Юрочка поправляется. Аппетит зверский. Вчера отгрыз хвост у хозяйской овцы». Вот мне и дают… Эх, черт возьми, найти бы нам богатых шефов, вот бы подкормили! Какую-нибудь кондитерскую фабрику.

— Лучше бы колбасную, — вздохнул Кит и, представив себе, как шипит на сковородке жареная колбаса, зажмурил глаза от удовольствия.

Ребята кончили ужинать, но все еще сидели у костра. Дежурные мыли посуду. Кит, шевеля губами, пересчитывал кульки с мукой и ломти хлеба. Его толстое лицо выражало озабоченность, как и всегда, когда глаза видели, а руки ощупывали что-либо съестное. Генка и Бяшка готовили мешки и сумки для сбора продуктов. Вернее, готовил их Бяшка. Генка же давал ему руководящие указания, а сам в это время осматривал свой

знаменитый портфель. Хотя и потрепанный, этот портфель был настоящий, кожаный, со множеством карманчиков и отделений и блестящими никелированными замками. Генка им очень гордился. Отправляясь в Москву за продуктами, он всегда брал его с собой. Генке казалось, что портфель производит большое впечатление на родителей. Чтобы усилить это впечатление, Генка, разговаривая, клал портфель на стол и с важным видом щелкал замками.

«Действует неотразимо, — говорил Генка про свой портфель. — Если бы не портфель, весь отряд давно бы помер с голоду».

А в то время как Генка упражнялся со своим портфелем, Генкин спутник должен был таскать мешок с продуктами.

— Вот что, Генка, — сказал Миша, — родителям Игоря и Севы ничего не говори, а постарайся дипломатично выяснить, не приезжали ли Игорь и Сева в Москву.

— Все выясню, не беспокойся.

— Только осторожно, а то разволнуешь родителей.

— Сказал: не беспокойся! Мамаши и не догадаются. Я спрошу так, между прочим.

— Как ты спросишь?

— Я даже не спрошу, а так это, безразлично скажу: ваш Игорь собирается приехать к вам…

— А зачем?

— Помыться в бане.

— Кто тебе поверит?

— Ага! Тогда я скажу так: он должен приехать в Москву за книгами.

— Это ничего.

— Ну вот, — продолжал Генка, — а если он в Москве, то мамаша скажет: «Ведь он уже дома». А я скажу: «Да? Удивительно! Значит, он меня опередил». Потом спрошу: «А где он?» Она скажет: «Играет на заднем дворе». Тогда я вежливо попрощаюсь, выйду на задний двор и закачу этому Игорю такую плюху, что он подпрыгнет до четвертого этажа.

— Драться, пожалуй, не надо, — заметил Слава.

— Драться, конечно, не надо, — согласился Миша, — но проучить их придется. Я сам бы поехал, но… — он презрительно посмотрел на Славку, — не на кого лагерь оставить. Пусть уж едут Генка и Бяшка.

Бяшка вдруг объявил:

— Я, конечно, поеду, но предупреждаю: если Генка заставит меня таскать мешок, а сам будет своим портфелем размахивать, то я все брошу и

уеду! Вот! Прямо заявляю!

— Когда я заставлял тебя одного таскать?! — с негодованием возразил Генка.

— Всегда заставляешь! — закричали все, кто ездил с Генкой за продуктами.

— Спокойно! — сказал Миша. — Таскать будете одинаково. Только не проспите поезд. А мы завтра отправимся в деревню. Пора уже клуб закончить.

Некоторое время все сидели молча, усталые после забот и треволнений сегодняшнего дня.

Костер горел ярким пламенем. Сухие ветки трещали в огне. Искры взвивались в воздух и пропадали в темной вышине ночи.

— Тише! — прошептала вдруг Зина.

Все замолчали и обернулись к лесу.

Хрустнула ветка… Зашелестели листья деревьев, точно слабый ветерок пробежал по ним… Послышался чей-то вздох…

Миша сделал рукой знак всем сидеть на месте, поднялся и замер, вглядываясь в темный лес, прислушиваясь к странным звукам…

Неужели Игорь и Сева наконец вернулись?

Глава 7
Васька Жердяй

Но это были не Сева и не Игорь…

К костру подошел Васька Жердяй, высокий парнишка в белой рубахе и узких холщовых штанах, едва прикрывавших острые, худые колени. Прозвали его Жердяем, потому что был он высок для своих лет, очень худ и тощ. Он жил с матерью и старшим братом Николаем на самом краю деревни, в полуразвалившейся избушке. Отец его погиб в германскую войну.

Жердяй больше других деревенских ребят дружил с комсомольцами. И они любили его. Он был добр, услужлив. Правда, верил в чертей и прочую ерунду, но зато знал хорошо лес, реку и очень интересно рассказывал всякие истории и небылицы. Старший брат Жердяя, Николай, был плотник и помогал ребятам устраивать клуб.

— Ты, Жердяй… — разочарованно протянул Миша.

— Я! — Жердяй присел к костру и дружелюбно улыбнулся.

В мелькающих тенях костра его большая голо-

ва с неровно подстриженными (видно, тупыми ножницами) белобрысыми космами казалась еще всклокоченнее, чем обычно. Он веточкой подгреб угли к костру и сказал:

— На деревне говорят, у вас два пионера пропали.

— Ерунда, — деланно безразличным голосом ответил Миша, — найдутся.

Жердяй с сомнением покачал головой:

— Не скажи… Если на Голыгинскую гать забредут, так могут и не вернуться.

Заинтересованные словами Жердяя, ребята теснее окружили костер.

— Что за гать такая? — спросила Зина.

— Гать-то? Дорога лесная.

— Гать — дорога из хвороста, а иногда из бревен. Строится обычно на болоте, — пояснил Славка.

— Верно, — подтвердил Жердяй, — из хвороста. И на болоте построена. Только давно. Ею никто и не пользуется.

Генка нетерпеливо спросил:

— Что ты хочешь рассказать про эту самую гать?

— Про Голыгинскую? А то, что если попали ваши ребята на Голыгинскую гать, так могут и не вернуться.

— Утонут? — спросила Зина Круглова.

Жердяй покачал головой:

— Утонуть не утонут, а увидят старого графа и помрут.

— Опять ты басни рассказываешь! — усмехнулся Генка. — Не надоело выдумывать?

— Не выдумываю я, — серьезно ответил Жердяй, — всё истинная правда. Старики рассказывают. Там граф с сыном закопаны. Прямо в гати. Царица приезжала сюда, давно, еще до Наполеона. Вот царица приехала и казнила графа с сыном. А хоронить не позволила. Велела прямо в грязь закопать, на гати, чтобы все по ним ездили. Так они там закопанные и лежат.

— А наши ребята здесь при чем? — спросил Миша.

— Вот слушай… Значит, старый граф с сыном там закопаны. Только не похоронены они как полагается, вот и томятся их души. Никак не попадут ни в рай, ни в ад.

— Ох, и умора! — закричал Генка. — Бабьи сказки!

Коровин недовольно заметил:

— Дай послушать, что человек говорит!

— Томятся, значит, их душеньки, — строго и печально продолжал Жердяй, — так и стонут

под гатью, так и стонут. Я сам туда ходил, слышал. Старый граф этак глухо стонет; постонет да перестанет, постонет да перестанет. А молодой — громко, точно плачет, ей-богу!..

— Страшно! — прошептали сестры Некрасовы и опасливо посмотрели на лес; но им сделалось еще страшнее, и они придвинулись ближе к костру.

Жердяй глухим, монотонным голосом, подражая старикам, продолжал:

— А в самую глухую полночь старый граф выходит на гать. Старый, борода до колен, белый весь, седой. Выходит и ждет. Увидит прохожего человека и говорит ему: «Пойди, говорит, к царице и скажи, пусть, мол, похоронят нас по христианскому обычаю. Сделай милость, сходи!» Так это просит слезно да жалостливо… А потом кланяется. А вместо шапки снимает голову. Держит ее в руках и кланяется. Стоит без головы и кланяется. Тут кто хошь испугается, с места не сдвинешься от страху. А старый граф кланяется, голову в руках держит и идет на тебя. А прохожему главное что? Главное — на месте выстоять. Коли выстоишь, так он подойдет к тебе вплотную и сгинет. А ежели побежишь, так тут и упадешь замертво. Упадешь замертво, а граф тебя под гать и утащит.

— И много он утащил? — улыбнулся Миша.

— Раньше много утаскивал. А теперь туда и не ходит никто. Из Москвы приезжали. Рыли эту самую гать. Да разве их найдешь! Как милиция уехала, так они снова залегли.

— А за что их казнили? — спросил кто-то.

— Кто их знает! Кто говорит — за измену, кто говорит — клад золотой царский запрятали.

— Ну конечно, — иронически заметил Генка, — клад уж обязательно. Без клада не обойдется.

Миша протянул руку по направлению к помещичьему дому:

— Про этих графов ты рассказываешь?

— Про них, — кивнул головой Жердяй, — про предков ихних. Который граф за границу убежал, так тому, что под гатью, он внуком приходится.

Миша зевнул:

— Сказки!

— Не говори, — возразил Жердяй, — старики рассказывают!

— Мало ли что старики рассказывают, — пожал плечами Миша. — Сколько чудес рассказывали про мощи, а когда стали в церквах изымать ценности в пользу голодающих, так ничего и не нашли в этих мощах. Одна труха, и больше ничего. Обман! Опиум! Затуманивают вам мозги,

и всё!

Потом Миша посмотрел на свои часы. Хотя он носил их на руке, но они были переделаны из карманных, такие большие, что даже рукава рубашки не могли их закрыть. Полдевятого.

— Давай отбой! — приказал Миша горнисту.

В ночной тишине громко прозвучал горн.

Прощаясь с Жердяем, Миша сказал:

— Завтра мы придем клуб оборудовать. Так ты сходи с ребятами в лес и наруби еловых веток. Мы ими клуб украсим.

— Можно, — согласился Жердяй. — А книжки принесете?

— Обязательно. И попроси Николая, чтобы он тоже пришел. Поможет нам закончить сцену и скамейки.

— Придет! — уверенно ответил Жердяй.

Белая рубашка мелькнула среди деревьев. Послышался хруст ветвей. Все стихло.

— Как он не боится ходить ночью по лесу один! — сказала Зина.

— А чего бояться? — хвастливо возразил Генка. — Я ночью куда угодно пойду. Хотя бы даже на эту дурацкую гать.

— Ложись лучше спать, — сказал Миша, — а то завтра к поезду опоздаешь.

Все разошлись по палаткам. Некоторое время слышались смех и возня. Миша в последний раз обошел лагерь, проверил посты. Останавливаясь у палаток, он громко говорил: «А ну давайте заснем»… Наконец лег и Миша. Все стихло.

Луна освещала спящий лагерь.

Но спали не все.

Часовые ходили по поляне, сходились у мачты и снова расходились в разные стороны.

Миша лежал и думал о том, куда могли деваться Игорь и Сева и что предпринимать, если их завтра не окажется в Москве.

Славка терзался тем, что ребята сбежали именно тогда, когда он оставался за старшего.

Девочки прислушивались к тишине ночного леса и, вспоминая рассказ Жердяя про Голыгинскую гать, боязливо натягивали на себя одеяла.

Коровин размышлял о том, что усадьба, в общем, подходящая для трудкоммуны. А старуха хоть и страшная, но директор детдома Борис Сергеевич так ее шуганет, что она сразу образумится.

Генка как лег, так и заснул.

Бяшка лежал и уже заранее негодовал при мысли, что Генка будет размахивать портфелем, а его заставит таскать мешок с продуктами. И он

придумал справедливый и гордый ответ Генке и злорадствовал при мысли, как опешит Генка, когда увидит, что он, Бяшка, взял с собой вместо одного два мешка, чтобы им тащить поровну.

Дольше всех ворочался Кит. Он прикидывал, какие продукты привезут завтра из города Генка и Бяшка и что из этого можно будет сварить.

Наконец в мечтах о завтраке уснул и Кит.

Глава 8
Николай, брат Жердяя

Миша проснулся. В щели палатки пробивались первые лучи солнца. Пахло сухими еловыми ветками, служившими ребятам постелью.

Миша просунул часы под полог палатки… Что такое? Всего полпятого. Может быть, часы остановились?.. Он поднес их к уху и услышал равнодушное тиканье. Пытаясь снова заснуть, Миша натянул на себя одеяло. Но сон не возвращался. Беспокойные мысли лезли ему в голову. Но за всеми заботами, которые владели им теперь как вожатым отряда, неотступно стояла мысль об Игоре и Севе.

Не в силах больше заснуть, Миша осторожно, чтобы не задеть лежащих кругом ребят, выбрался из палатки.

Поляна была подернута прозрачным холодноватым утренним светом. С верхушек деревьев доносился птичий гомон. Возле мачты, лениво передвигая ноги, бродил Юрка Палицын, дежурный. Второй дежурный, Сашка Губан, спал, привалившись к дереву… Так и есть — спят по

очереди! На дежурстве! Нечего сказать… Миша подкрался к Губану и дал ему щелчка в лоб. Губан вскочил и уставился на Мишу.

— На посту не спят! — прошептал Миша внушительно.

Потом он обошел лагерь. Все в порядке, все на месте. До побудки еще два часа. Можно бы еще поспать. Но уж раз встал, чего теперь ложиться… Сходить, пожалуй, искупаться, тогда уже не захочется спать…

С реки тянуло влажным холодком. Острые закрытые бутоны лилий торчали на воде среди широких зеленых листьев. Берег был влажен от росы.

Миша разделся, бросился в ледяную воду и сажёнками поплыл на другую сторону. Он раза три переплыл узкую, но глубокую речку, пока наконец согрелся. Но когда вылез на берег, снова ощутил холод. Стуча зубами, он долго прыгал на одной ноге, пытаясь другой попасть в штанину.

Потом он увидел подходивших к реке Николая Рыбалина, брата Жердяя, и еще одного крестьянина из их деревни — Кузьмина, пожилого, хмурого, бородатого мужчину. Они шли к маленькой бухточке, где неподвижно покоилось на воде несколько простых деревенских лодчонок.

Увидев Мишу, Николай заулыбался и приветливо махнул ему рукой. Это был человек лет двадцати пяти, в накинутой на плечи старой солдатской шинели без хлястика, высокий, худой, костлявый. Но лицо его, тоже худое и костлявое, с острыми, выпирающими скулами, длинным, острым носом и тонкими, бледными губами, было добродушно и приветливо.

— Зябко небось купаться? — спросил Николай.

— Холодно, — признался Миша.

От нечего делать он пошел за ними к лодкам.

Кузьмин долго возился с замком. Скручивая цигарку, Николай молча посматривал на Мишу, улыбаясь неизвестно чему — может быть, тому, что он встретил Мишу, а может, тому, что начиналось прекрасное, погожее утро.

— Николай, — сказал Миша, — помните, вы обещали поработать сегодня с нами в клубе…

— Поработаем, — ответил Николай. — Съезжу только с Севастьяновичем на Халзин луг, вернусь, и поработаем.

— Не подведите.

Кузьмин справился наконец с замком и бросил цепь на дно лодки.

Николай перешел в лодку и сказал:

— Зачем подводить? Разве можно подводить?

Кузьмин тоже вошел в лодку и, упираясь ногой в сиденье, оттолкнулся веслом от берега.

На Кузьмине была рубаха без пояса, серые холщовые брюки, а на ногах — стоптанные короткие сапоги, похожие на боты.

Так Кузьмин и запомнился Мише — хмурый бородатый мужик со спутанными волосами, упирающийся ногой в сиденье и отталкивающийся от берега веслом…

— Мы вас будем ждать в клубе, — сказал Миша Николаю.

Николай опять улыбнулся в знак того, что он не обманет и исполнит обещанное.

Глава 9
В деревне

После завтрака Генка и Бяшка отправились на станцию. Плата за проезд в поездах и трамваях была введена недавно, ребята к ней еще не привыкли. Да и денег у отряда было мало.

— Туда поедете зайцем, — сказал Миша, — а обратно возьмете один билет. С ним Бяшка будет сидеть возле продуктов. А Генка будет бегать от контролера.

— Не надо нам никакого билета, — заявил Генка, — не в первый раз. Проедем.

— Нет! С мешками трудно бегать. Только продукты растеряете. Так что один билет возьмите обязательно.

Коровин тоже пошел на станцию — встречать директора детдома Бориса Сергеевича.

Звено Зины Кругловой осталось в лагере по хозяйственным делам.

Остальные ребята, предводительствуемые Мишей и Славкой, отправились в деревню.

Деревня раскинулась под горой, на самом берегу реки. Бревенчатые избы, крытые тесом и

соломой, тянулись вдоль широкой, длинной улицы. Дворы были обсажены ветлами. Дома богатеев были двухэтажные, на красном кирпичном основании, а дом кулака Ерофеева был весь выложен из кирпича. Высокие, могучие дубы группами по два-три дерева виднелись здесь и там. Возле новых, выложенных из свежеобтесанных бревен срубов валялась на земле желтоватая стружка.

Трубя в горн, отряд прошел по улице и остановился возле сельсовета. За ним тянулся длинный пустой сарай. Это и был будущий клуб.

Привлекаемые звуками трубы и видом шагающего по деревне отряда, деревенские мальчишки и девчонки сбегались со всех сторон. Кто постарше, подошел ближе, малыши стояли в отдалении: засунув пальцы в рот и тараща глаза, они смотрели на пионеров, хотя видели их уже не в первый раз.

Но почему-то не было Жердяя.

— Что же вы елок для клуба не припасли? — спросил Миша.

— Пошли мы утром в лес, а он как заверещит, как застрекочет! — ответил маленький чернявый паренек по прозвищу «Муха».

— Кто — он?

— Известно… Леший.

Пионеры засмеялись.

Муха боязливо оглянулся по сторонам:

— Вы не смейтесь. Грешно смеяться.

Кит, которому на этот раз не удалось остаться на кухне, сказал:

— Дрова, хворост, грибы вы небось собираете, не боитесь.

Муха качнул головой:

— То другое дело. Тогда леший молчит, не сердится. А на клуб, видишь, не дает, не позволяет.

— И без лешего обойдемся, — сказал Миша. — Славка, беги со своим звеном за елками, а мы здесь займемся книгами.

С книгами возились долго. Одни ребята принесли прочитанные, другие побежали за книгами домой, третьи просили, чтобы им дали новые, а старые они потом отдадут. Еще дольше выбирали книги. Каждый рассматривал свою, затем ту, которую взял сосед. И, конечно, последняя нравилась больше. Книги с картинками брали охотно, а от антирелигиозных отказывались: «Мамка увидит — выбросит».

Подошли еще два мальчика. Один, толстый, мордастый, с носом кнопкой, — Сенька, сын кулака Ерофеева. Второй — шестнадцатилетний,

высокий, глуповатый, — Акимка-балбес, хотя и бедняцкий сын, но верный друг и холуй Сеньки Ерофеева.

— А! — закричал Сенька. — Пионеры юные, головы чугунные, сами оловянные, черти окаянные!.. Это что? — Он вырвал у одной девочки книгу. — Опять против бога? — Потом с заискивающей и в то же время нахальной улыбкой обратился к Мише: — Дал бы и мне почитать, а?

— Дать можно. Только не эту. Эту Вера берет.

Миша хладнокровно взял из рук Сеньки книгу и возвратил ее Вере.

— Подумаешь, Верка сопливая! — хмыкнул Сенька. Потом ехидно спросил: — Что это вас так мало? Разбежались, что ли?

— В лагере остались, — ответил Миша.

— Знаем! — Сенька обернулся к Акимке-балбесу. — Разбежались кто куда. Теперь не соберете.

— А ты и рад! — укоризненно заметил Муха.

— Помалкивай, Муха! — огрызнулся на него Сенька. — Ты мне плот подавай, слышишь! Голову оторву.

— Не брал я твоего плота.

— Врешь, брал! Вместе с Жердяем и утащили. Своего нет, так чужое воруете, жулье несчастное!

Начиная кое о чем догадываться, Миша спросил:

— Что за плот?

— Плот у меня Жердяй с Мухой угнали, — сердито проговорил Сенька. — Угнали, подлюги, и не говорят куда. Жулье!

— Почему ты думаешь, что это сделали именно они?

— Кому же больше! Жердяй — вор. Брат его Кузьмина убил? Убил. Наплачется теперь в тюрьме.

— Какой брат?.. Какого Кузьмина?.. — ничего не понимая, спросил Миша.

С радостным удивлением сплетника Сенька уставился на Мишу:

— А ты не знаешь?

— Ничего не знаю…

— Так ведь Николай, Жердяев брат, Кузьмина убил, — делая страшное лицо, сказал Сенька, — Кузьмина, мужика нашего одного. Из револьверта застрелил. Как же вы не знаете? Там уж вся деревня была. И доктор приезжал, и милиция. Уж их в город увезли — и Кузьмина мертвого, и Николая, бандита этого…

— Когда это было, где? — в страшном волнении спросил Миша.

— Утром сегодня. На Халзином лугу. Там его

Николай и застрелил. И лодку куда-то запрятал. А еще активист считается! Все они, активисты, — бандиты.

— А где Жердяй?

— Кто его знает? Дома сидит. Стыдно небось людям в глаза смотреть, вот и сидит дома… А вы и не знаете ничего? Эх вы, пионеры-комсомольцы!.. Пошли, Акимка…

И они, лузгая семечки, вразвалку пошли по улице. Ошеломленный, Миша растерянно глядел им вслед. Может быть, Сенька все наврал?..

Но Муха печально проговорил:

— Это он верно рассказал. Николая заарестовали и в город увезли. На телеге.

Миша приказал Славке вести отряд в клуб, а сам побежал к Жердяю.

Глава 10
Загадочное убийство

Только теперь Миша обратил внимание на то, как взбудоражена деревня.

Везде стояли кучки крестьян, а возле сельпо шумела большая толпа. И по тому, как люди волновались, было очевидно, что говорят они именно об этом загадочном убийстве. А оно было загадочным. Трудно поверить в то, что Николай убил Кузьмина. Как мог этот добрый, приветливый человек убить?.. Ведь всего несколько часов назад Миша видел Николая и Кузьмина, разговаривал с ними. Они как живые стояли перед его глазами: Николай в потертой солдатской шинели без хлыстика, Кузьмин в старых ботах, веслом отталкивающий лодку от берега. И это тихое утро, первые лучи солнца, свежий холодок реки, лилии меж зеленых листьев... Нет. Николай не виноват! Недоразумение, ошибка... И зачем ему было убивать Кузьмина? Миша никак не мог в это поверить. И с каким злорадством говорил Сенька Ерофеев: «Все активисты — бандиты...»

Рыбалины жили на краю деревни, в покосив-

шейся избе под соломенной крышей. Концы тонких стропил торчали над ней крест-накрест. Два крохотных оконца падали на завалинку. Дверь из грубо сколоченных досок вела в холодные сени, где висели хомуты и уздечки, хотя ни лошади, ни даже коровы у Рыбалиных не было. Они были безлошадники, наибеднейшие крестьяне…

— Здравствуйте, — сказал Миша, входя в избу.

Мать Жердяя, Мария Ивановна, худая женщина с изможденным лицом, раздувала на загнетке огонь под черным чугунным горшком. Не разгибая спины, она обернулась на Мишин голос, тупо посмотрела на него и снова отвернулась к печке.

Жердяй тоже с безучастным видом посмотрел на Мишу и отвернулся.

На земляном, плотно убитом полу виднелись закругленные следы метелки. Грубый деревянный стол был испещрен светлыми полосками от ножа, которым его скоблили. Вдоль стен тянулись лавки, темные, потертые, гладкие; видно, что на них сидели уже не один десяток лет. В переднем углу висела маленькая потускневшая икона с двумя засохшими веточками под ней. На другой стене — портрет Ленина и плакат, на котором был изображен красноармеец, прон-

зающий штыком всех белых генералов сразу: и Деникина, и Юденича, и барона Врангеля, и адмирала Колчака. Красноармеец был большой, а генералы маленькие, черненькие, они смешно барахтались на острие штыка.

— Чего в клуб не идешь? — спросил Миша, присаживаясь рядом с Жердяем.

Жердяй посмотрел на спину матери и ничего не ответил. Миша кивнул головой на дверь:

— Пойдем!

— Николая нашего арестовали, — сказал Жердяй, и губы его задрожали.

— Я слыхал, — ответил Миша. — Я их утром видел, они в лодку садились. И Николай, и Кузьмин.

Ворочая ухватом горшок в печи, Мария Ивановна вдруг сказала:

— Может, они и поспорили там, не знаю. Только не мог его Николай убить. Он и муху не тронет. И незачем ему. И спорить им не из-за чего. И никакого револьвера у него нету. — Она вдруг бросила ухват и, закрыв руками лицо, заплакала. — Четыре года в армии отслужил… Только жить начал… И такая беда… Такая беда… — Она тряслась и повторяла: — Такая беда… Такая беда…

— Надо ехать в город и защищать его, — сказал

Миша.

Мария Ивановна вытерла глаза передником:

— На защитников деньги нужны. А где их возьмешь?

— Никаких денег не надо. В городе есть бесплатная юридическая помощь. При Доме крестьянина. И вообще Николая оправдают. Вот увидите.

Мария Ивановна тяжело вздохнула и снова принялась за свои горшки и ухваты.

Миша глядел на ее сгорбленную спину, худую, натруженную спину батрачки, на безмолвного Жердяя, на убогую обстановку нищей избы, и его сердце сжималось от жалости и сострадания к этим людям, на которых свалилось такое неожиданное и страшное горе. И хотя Миша ни секунды не сомневался, что Николай невиновен и его оправдают, он понимал, как тяжело теперь Марии Ивановне и Жердяю. Сидят одни в избе, стыдятся выйти на улицу, никто к ним не ходит.

— Спрашивает его милиционер, — снова заговорила Мария Ивановна, — «Ты убил?» — «Нет, не я». — «А кто?» — «Не знаю». — «Как же не знаешь?» — «А так, не знаю. Обмерили мы луг, я и ушел». — «А почему один ушел?» — «А потому, что Кузьмин на Халзан пошел».

— Что за Халзан? — спросил Миша.

— Речушка тут маленькая, — объяснил Жердяй, — Халзан называется. Ручеек вроде. Ну, и луг — Халзин.

Мария Ивановна продолжала свой рассказ:

— Вот и говорит ему Николай: «Кузьмин на Халзан пошел. Верши там у него расставлены. А я уж как стал к деревне подходить, гляжу — за мной бегут. Говорят, Кузьмина убили. Побежали мы обратно. Действительно, лежит Кузьмин». — «Стрелял-то кто?» — «Не знаю». — «А лодка где?» — «Не знаю». А милиционер говорит: «Ловок ты, брат, сочинять». Нет того, чтобы разобраться…

Миша пытался себе представить и луг, и убитого Кузьмина, и Николая, и толпу вокруг них, и милиционера… А может быть, поблизости орудуют бандиты… Миша подумал об Игоре и Севе. Ведь и их могли бандиты пристукнуть… Вот что делается…

Миша не хотел оставлять Жердяя и Марию Ивановну одних. Но Коровин со своим директором уже, наверно, пришли со станции. Надо идти в лагерь.

— Вы только ни о чем не беспокойтесь, — сказал он вставая, — все разъяснится. Николай не сегодня-завтра вернется домой. Да его и взяли в город как свидетеля.

— Нет уж, — вздохнула Мария Ивановна, — не скоро ее, правду-то, докажешь!

Глава 11
«Графиня»

Директор детского дома Борис Сергеевич оказался высоким, сутуловатым, еще молодым человеком в красноармейской гимнастерке, кавалерийских галифе и запыленных коричневых сапогах. Но он был в очках. Это удивило Мишу: военная, да еще кавалерийская форма, и вдруг — очки! Как-то не вяжется…

Очки придавали молодому директору строгий и даже хмурый вид. Он искоса и, как показалось Мише, неодобрительно посмотрел на палатки, точно ему не нравился и лагерь, и вообще все. Мишу это задело. С того дня, как его назначили вожатым, он стал очень чувствителен. Ему казалось, что взрослые относятся к нему снисходительно, не так, как к настоящему вожатому отряда. Не глядя на Бориса Сергеевича, Миша продолжал выговаривать Зине за то, что ее звено запоздало с обедом. Хоть Борис Сергеевич и директор, а он, Миша, тоже вожатый отряда и начальник этого лагеря.

Впрочем, по дороге в усадьбу Миша убедился,

что директору вообще все здесь не нравится. Борис Сергеевич зыркал по сторонам глазами и так многозначительно молчал, что Миша начинал себя чувствовать виноватым в том, что усадьба запущена.

Они вышли на главную аллею и сразу увидели «графиню». Старуха неподвижно стояла на террасе, подняв кверху голову, в той самой позе, в какой ее уже видели мальчики, когда прятались в конюшне. Казалось, что она поджидает их. И приближаться к этой неподвижной фигуре было довольно жутко.

Они остановились у нижних ступенек террасы. Но старуха к ним не спустилась. И так они все молча и неподвижно стояли: старуха наверху, а директор с мальчиками внизу.

Борис Сергеевич спокойно, со знакомым уже Мише неодобрением смотрел на старуху, на ее обрамленное седыми волосами лицо с крючковатым носом и грязно-пепельными бровями. И Миша видел, как под действием его взгляда все беспокойнее становится «графиня» и ее большие круглые глаза с волнением и ненавистью смотрят на пришельцев.

И чем больше наблюдал Миша эту сцену, тем больше нравились ему уверенность и спокой-

ствие Бориса Сергеевича. И странно — Коровин тоже держался так, точно этой старухи и не было здесь вовсе. А когда приходил сюда с Мишей, так «сердце захолонуло».

Наконец старуха спросила:

— Что вам угодно?

— Будьте любезны спуститься, — ответил Борис Сергеевич голосом педагога, убежденного, что ученик обязательно выполнит его приказание.

Старуха сделала несколько шагов и остановилась. Но опять же двумя-тремя ступеньками выше Бориса Сергеевича и мальчиков.

Потом она надменно проговорила:

— Слушаю вас.

Ответа не последовало. Борис Сергеевич точно не видел старухи. Миша был восхищен его выдержкой. Вот что значит настоящий руководитель! Ничего не говорит, не произносит ни слова, а приказывает… Вот кому следует подражать!

И только тогда, когда «графиня» сделала еще несколько шагов и очутилась на одной ступеньке с Борисом Сергеевичем, он сказал:

— Я директор московского детского дома номер сто шестнадцать. Разрешите узнать, кто вы.

— Я хранительница усадьбы, — объявила старуха.

— Прекрасно, — сказал Борис Сергеевич. — Есть предположение организовать здесь детскую трудовую коммуну. Я бы хотел осмотреть дом.

Старуха вдруг закрыла глаза. Миша испугался. Ему показалось, что она сейчас умрет. Но ничего со старухой не случилось. Она постояла с закрытыми глазами, потом открыла их и сказала:

— Этот дом — историческая ценность. Я имею на него охранную грамоту.

— Покажите, — сухо проговорил Борис Сергеевич.

Старуха вытащила из-под платка бумагу, подержала ее в руках и протянула Борису Сергеевичу.

Тот взял и, по своему обыкновению недовольно морщась, начал читать.

Подавшись вперед и скосив глаза, Миша из-за плеча Бориса Сергеевича тоже заглянул в бумагу.

В левом углу стоял большой расплывшийся штамп, точно наляпанный фиолетовыми чернилами. Текст был напечатан на пишущей машинке. Сверху крупно: «Охранная грамота». Ниже, обыкновенными буквами: «Удостоверяется, что жилой дом в бывшей усадьбе Карагаево, как представляющей историческую ценность, находится под охраной государства. Всем орга-

низациям и лицам использовать дом без особого на то разрешения губнаробраза воспрещается. Нарушение охранной грамоты рассматривается как порча ценного государственного имущества и карается по законам Республики. Зам. зав. губернским отделом народного образования Серов». И затем следовала мелкая, но длинная подпись этого самого Серова.

— Все правильно, — сказал Борис Сергеевич, возвращая бумагу, — и все же здесь будет организована коммуна.

— Не извольте мне приказывать, — старуха вскинула голову, — и попрошу больше не беспокоить.

Она повернулась, поднялась по лестнице и скрылась за высокой дубовой дверью.

Борис Сергеевич обошел усадьбу, осмотрел сараи, конюшни, сад, пруд и расстилающиеся за усадьбой поля.

И Коровин тоже долго и внимательно смотрел на поля. Потом Борис Сергеевич сказал:

— Под самой Москвой — и помещики сохранились. На шестом году революции. Удивительно!

Когда они покидали усадьбу, Борис Сергеевич обернулся и снова посмотрел на дом. Остановились и мальчики. В ярких лучах заката бронзовая

птица горела, как золотая.

Она смотрела круглыми злыми глазами, словно была готова сорваться и броситься на них.

— Эффектная птица, — заметил Борис Сергеевич.

— Самый обыкновенный орел, — презрительно сказал Миша.

— Да? — ответил Борис Сергеевич, но, как показалось Мише, с некоторым сомнением в голосе.

Глава 12
Новые планы

Борис Сергеевич и Коровин уехали в Москву. Через час должны приехать Генка с Бяшкой. Хотя в Мише еще теплилась надежда, что они разыскали беглецов в Москве, он был почти уверен, что именно Игорь и Сева забрали Сенькин плот и поплыли на нем вниз по реке… Но все же вдруг…

Приехали Генка и Бяшка и объявили, что Игоря и Севы в Москве нет.

Генка делал вид, что он очень устал, хотя оба мешка тащил Бяшка; Генка взял один перед самым лагерем, чтобы показать, что и он работал.

В мешках оказалось много хлеба: по четверть и по полбуханки и даже две целые буханки.

— Я старался горбушками собирать, — хвастался Генка. — Если мне давали середину, то я говорил: «Нельзя! Плохая выпечка. Может случиться заворот кишок».

И Генка театрально размахивал руками, показывая, как он все это говорил.

Затем Кит извлек из мешка несколько кульков с крупами, пакет с сухими фруктами для компота

и немного муки — вещь очень ценная, потому что из нее можно выпекать оладьи.

— Нам этих круп надолго хватит, — разглагольствовал Генка, — при экономном расходовании — до конца лагеря. Если, конечно, Кит не сожрет всю эту крупу в сыром виде. Вот по линии сахара слабовато. Никто не дал. Зато есть немного конфет.

Эти слипшиеся конфеты Миша распорядился тут же пересчитать и выдавать поштучно: две конфеты в день, к утреннему и вечернему чаю.

Потом Кит вытащил кусок свиного сала, пакет с селедками, топленое масло в вощеной бумаге, десятка два крутых яиц.

В добавление ко всему Генка вручил Мише деньги — тридцать восемь рублей.

— Урожай хороший, — одобрительно заметил Миша. — Видишь, Генка, что значит тебя посылать.

Генка хотел рассказать, кто из родителей что дал, но Миша остановил его:

— У нас все общее, следовательно, кто что дал, не имеет никакого значения. Как только продукты очутились в мешке, они принадлежат всему отряду. И незачем об этом говорить. Лучше расскажи, что ты узнал дома у Игоря и Севы.

— Пришли мы к Севиной маме, — начал рассказывать Генка, — я ей вежливо говорю: «Здрасте!» Она мне тоже отвечает: «Здрасте!» Потом я говорю: «Вот приехали за продуктами». А она спрашивает: «Как там мой Сева?» Я отвечаю: «Здоров, купается». — «А когда он вернется?» — это она спрашивает. «В самые ближайшие дни», — отвечаю я. «Зачем?» — «За книгами». — «Очень хорошо. Передайте ему привет». Мы попрощались и ушли. Так же приблизительно было и у Игоря.

— Приблизительно, да не так, — вставил борец за справедливость Бяшка.

— Начинается! — пробормотал Генка.

— А как было у Игоря? — спросил Миша, предчувствуя, что Генка что-то натворил.

— Мы как вышли от Севиной мамы, — начал Бяшка, — так Генка говорит: «Что-то очень подозрительно Севина мама с нами разговаривала. Может быть, Сева уже приехал, прячется от нас, а мамаше своей велел ничего нам не говорить. Нет, у Игоря мы будем умнее, они нас не проведут». Я его еще предупредил: «Не выдумывай, Генка, а то напортишь». Ведь предупреждал тебя, предупреждал?

— Рассказывай, рассказывай, — мрачно произ-

нес Генка, — я потом отвечу.

— Ну вот, — продолжал Бяшка, — приходим мы к Игорю, а там бабушка — мама дежурит на работе. «Ну, — шепчет мне Генка, — эту старушенцию мы вокруг пальца обведем». Я попытался его удержать, но Генка меня не слушает и говорит: «Здрасте, мы к Игорю». А бабушка отвечает: «Игоря нет, он в лагере». Тогда Генка подмигивает ей и говорит: «Вы нас не бойтесь. Мы тоже из лагеря сбежали. А теперь нам надо посоветоваться с Игорем, как действовать дальше». Бабушка хлопает на нас глазами, видно, что ничего не понимает, а Генка все свое: «Давайте, говорит, побыстрее своего Игоря, нам тоже некогда». Старушка сначала онемела, глотает воздух, потом как завопит: «Батюшки! Значит, наш Игорек сбежал из лагеря! Куда же это он? Да где же это он? Что теперь делать? Надо поскорее матери сообщить! Надо сейчас же в милицию бежать!..» Верно, Генка, так ведь было?

— Ладно, ладно, рассказывай.

— Тут, конечно, Генка перетрусил, стал говорить, что нарочно соврал. Я тоже стал доказывать, что Генка просто пошутил; если бы Игорь действительно сбежал, то мы не брали бы для него продукты. Едва-едва старушку успокоили. Но

хоть мы ее на время успокоили, она все равно Игоревой маме все расскажет. Вот увидите!

— Ты безответственный человек, Генка, — с сердцем сказал Миша, — тебе ничего нельзя поручить! Мало того, что Игорь и Сева из-за тебя сбежали, ты еще их родителей разволновал. А ведь предупреждали тебя! Теперь всё! Найдем ребят и выгоним тебя из звеньевых.

— Как же так? — плаксиво пробормотал расстроенный Генка. — Я комсомолец, я назначен…

— Тем более что комсомолец. Безобразие! Что ему ни поручи — все наоборот делает!

Глава 13
Художник-анархист

Итак, беглецов надо искать на реке. Ясно: они уплыли на Сенькином плоту. И, конечно, вниз. Какой им смысл подниматься против течения?

На чем же гнаться за ними? Готового плота нет, да и движется плот слишком медленно. Значит, надо плыть за ними на лодке. Ее можно достать на лодочной станции. Но ведь лодочник заломит такую цену, что никаких денег не хватит!

Есть еще лодки у некоторых крестьян, но кто даст? Особенно нравилась Мише одна лодка, хотя и четырехвесельная и нелепо раскрашенная, но небольшая, быстроходная и легкая. Она принадлежала странному человеку, который жил в деревне у своей матери и именовал себя художником-анархистом. В чем заключался его анархизм, Миша не знал. Он видел его два раза на улице. Художник был пьян и то бормотал, то выкрикивал какие-то непонятные слова. Это был маленький голубоглазый человек лет тридцати, вечно небритый и вечно пьяный.

Единственный, кто мог помочь Мише достать

у художника лодку, был Жердяй. К нему и направился Миша, тем более что решил взять Жердяя с собой. Никто так не знает реку, окрестные леса и села, как Жердяй. И ему самому будет интересно поехать. Ведь они поплывут мимо Халзина луга, и мало ли что бывает: вдруг нападут на след истинных убийц Кузьмина? И тогда легко будет оправдать Николая. Этот довод подействовал на Жердяя. Он согласился ехать с Мишей и идти к анархисту за лодкой.

— Зовут его Кондратий Степанович, — рассказывал Жердяй про анархиста, — художник он. Картин у него полно, всю избу разрисовал. Если он пьяный — слова не даст сказать, если с похмелья — то вовсе прогонит, а если трезвый — тогда, может, и уступит лодку.

Изба сельского художника поразила Мишу прежде всего смешанным запахом овчины, олифы, масляных красок, сивухи, огуречного рассола и прокисших щей. Она была довольно вместительной, но заставлена необычными для крестьянской избы вещами: мольбертом, коробками красок, старинной, видимо привезенной из города, мебелью.

Но поразительнее всего было то, что и изба, и все предметы в ней были разрисованы самым

странным и даже диким образом.

Стены — одна зеленая, другая желтая, третья голубая, четвертая и вовсе не поймешь какая. Печь вся в разноцветных квадратиках, ромбах и треугольниках. Полы желтые. Потолок красный. Скамейки вдоль стен коричневые. Оконные рамы белые. Ухваты возле печи и те были разных цветов, а кочерга красная. Только городская мебель сохраняла свой натуральный цвет, но было ясно, что и до нее доберется эта деятельная кисть.

Художник сидел на лавке и что-то сосредоточенно строгал. Редкие на висках, но длинные сзади волосы рыжими мохнатыми космами опускались на белый от перхоти ворот толстовки, не то бархатной, не то вельветовой, изрядно вытертой и перепачканной всевозможными красками. Шея была повязана грязной тряпкой, изображавшей бант. Он поднял на ребят мутные голубые глаза и тут же опустил, продолжая свою работу.

— Мы к вам, Кондратий Степанович, — сказал Жердяй.

— Зачем? — спросил художник низким, глухим басом, неожиданным в этом маленьком и тщедушном человечке.

Жердяй показал на Мишу:

— Начальник отряда к вам пришел.

Художник опять поднял голову. Взгляд его остановился на Мишином комсомольском значке.

— Комсомол?

— Комсомол, — ответил Миша.

— А кто я есть, тебе известно?

— Вы художник.

— По убеждениям?

— Не знаю, — едва удерживаясь от смеха, ответил Миша.

— По убеждениям я есть анархист-максималист, — важно объявил Кондратий Степанович.

— Мы хотели попросить у вас лодку на два дня, — сказал Миша.

— Анархисты-максималисты, — продолжал Кондратий Степанович, — не признают власти. По отношению к советской власти — нейтралитет. В опыт не верим, но и не мешаем. Вот так... — Больше ему нечего было сказать о своих

политических взглядах, и он повторил: — Вот так... — И снова начал строгать.

— А лодку дадите? — спросил Миша.

— Зачем?

Миша уклончиво ответил:

— Нам надо съездить в одно место.

— Анархисты имеют отрицательное отношение к собственности, — витиевато проговорил Кондратий Степанович. — Почему лодка моя?

Миша пожал плечами:

— Говорят, что ваша.

— Зря говорят! Привыкли к собственности, вот и говорят. Все общее.

— Значит, нам можно взять лодку?

— Берите, — продолжая строгать, сказал Кондратий Степанович.

— Спасибо! — обрадовался Миша. — Мы ее вернем в целости и сохранности.

Жердяй тихонько толкнул его в бок:

— Ключ проси!

— Тогда дайте нам ключ от лодки, — сказал Миша.

Кондратий Степанович сокрушенно покачал головой:

— Ключ... Трудное дело...

— Почему? — обеспокоенно спросил Миша,

начиная понимать, что получить лодку будет вовсе не так просто, как ему показалось.

— Ключ — это личная собственность.

— Ну и что же?

— Лодка — общественная собственность, пользуйтесь, а ключ — собственность личная, могу и не дать.

— Что же нам, замок взломать?

Кондратий Степанович скорбно покачал головой:

— Экс-про-при-ация! Нельзя без общества.

— А мы всем отрядом, — нашелся Миша.

Кондратий Степанович еще печальнее качнул головой:

— В милицию заберут.

— Ведь вы не признаете милиции, — ехидно заметил Миша.

Совсем упавшим голосом художник сказал:

— Мы не признаем. Она нас признает.

— Мы бы вам заплатили за лодку, но у нас нет денег, — признался Миша.

Кондратий Степанович отрицательно замотал головой:

— Анархисты-максималисты не признают денежных знаков. — И, подумав, добавил: — Обмен — это можно.

— Какой обмен?

— Ключ я дам, а вы взамен дадите мне подряд на оборудование клуба.

— Что за подряд? — удивился Миша.

— Клуб вы устраиваете? Украсить его надо? Вот я его и оформлю.

— Но ведь мы делаем его бесплатно.

— Плохо, — поник головой художник. — Труд должен вознаграждаться.

— Ведь анархисты не признают денег, — опять съехидничал Миша.

— Я не говорю — оплачиваться, а говорю — вознаграждаться, — пояснил анархист.

— Ребята вам за это картошку прополют, Кондратий Степанович, — сказал практичный Жердяй.

— Эксплуатация, — задумчиво пожевал губами художник.

— Какая же это эксплуатация! — возразил Миша. — Вы вложили в лодку свой труд, а мы вам поможем своим трудом.

— Разве что так, — размышлял вслух Кондратий Степанович. — А когда прополете? Время не ждет. — И он посмотрел в окно, через которое виднелся заросший бурьяном огород.

— Как только вернемся, — ответил Миша, —

дня через два.

— Ладно уж, — согласился наконец художник, — и насчет клуба подумайте. Я его так оформлю, что и в Москве такого не найдется.

Он снял со стены и протянул Мише ржавый ключ.

— Хорошо, — радостно говорил Миша, пряча ключ в карман. — Мы обязательно подумаем насчет клуба.

Жердяй снова подтолкнул его:

— Весла!

— А где весла? — спросил Миша.

— Весла… — проговорил Кондратий Степанович печально.

Миша с испугом подумал, что он опять начнет рассуждать о собственности и не даст весел.

— Весла и уключины. Иначе как же мы на ней поедем?! — решительно сказал Миша.

— И уключины… — вздохнул Кондратий Степанович.

Ему очень хотелось еще поговорить, но, вспомнив, видимо, и о прополке и о клубе, он еще раз вздохнул и сказал:

— Весла и уключины в сарае возьмете. А потом на место поставите.

Глава 14
Всегда готовы

На время своей отлучки Миша решил оставить старшей в лагере Зину Круглову. Генка легкомыслен, Славка нерешителен, Зина же хоть и девочка, а ребята ее уважают и даже побаиваются.

Но чтобы Генка и Славка не обиделись, Миша решил их взять с собой в поездку. Значит, вместе с Жердяем их поедет четверо. Двое — на веслах, третий — за рулем, четвертый — дозорным, на носу.

Вернувшись в лагерь, Миша приказал Генке готовить снаряжение, а Славке — провизию.

— Рассчитывайте на два дня, — сказал Миша. — Ты, Генка, проверь лодку; нет ли течи, как сидят уключины и весла. Приготовь на всякий случай запасное весло и шест. Возьми пару удочек. Не забудь компас, топор, веревку, ведро, котелок, фонарик с батарейками. И свистки для каждого. И два флажка для сигнализации.

— А палатку?

— Не надо. И так переночуем. Да, спички не забудь. Все! Записал?

— Записал! — Генка подвел под списком жирную черту.

Миша повернулся к Славке:

— Теперь ты, Славка! Продукты возьмешь в двух мешках — на случай, если разделимся попарно. Каждому — кружку, ложку, нож. Продукты: одну буханку хлеба, лапши на две варки, крупы какой-нибудь тоже на две варки, немного масла, чай, восемь штук конфет. Все!

Генка зароптал:

— Голодать будем! А яйца, сало?

— Надо здесь ребятам побольше оставить. А мы наловим рыбы. Не забудь соль.

— Можно картошки взять, — предложил Славка.

— Верно, — согласился Миша. — И учти: никаких бумажных пакетов, только из материи. Вообще все снаряжение надо подогнать так, чтобы ничего не скрипело, не болталось, а главное, не звякало и не брякало. Понятно? Ты, Генка, смажь уключины и возьми с собой кусок холстины: может быть, придется обвязать весла для бесшумности.

— Не беспокойся, Миша, — заверил Генка, — все будет сделано как нельзя лучше.

— Мы, конечно, всё сделаем, — сказал рас-

судительный Славка, — но, честно говоря, я сомневаюсь в успехе нашей поездки.

— Ты всегда во всем сомневаешься! — разозлился Генка.

— Сева и Игорь имеют перед нами преимущество двух суток, — продолжал Славка, — и мы их никогда не догоним.

— Мы не догоним таких пентюхов? — закричал Генка.

Миша сказал:

— Во-первых, они плывут на плоту, а мы на лодке, это втрое быстрее. Во-вторых, они делают много остановок: и продукты им надо купить, и маршрут они плохо знают, и дрыхнут, наверно, до полудня. И, наконец, в-третьих, не вечно же они собираются плыть по реке! Где-то они должны остановиться и пересесть на железную дорогу. Значит, в этом месте они оставят плот. Мы этот плот увидим. И по этому следу будем их искать.

— Понятно теперь? — насмешливо заключил Генка. — А если непонятно, то сиди здесь и вари с Китом кашу.

К вечеру все было готово. Снаряжение и продукты сложены в лодку, а сама она, проверенная и смазанная, подведена ближе к лагерю, и возле нее поставлены часовые. Отплытие было назна-

чено на четыре часа утра. Чтобы не опоздать, Жердяй остался ночевать в лагере.

Вечером у костра Миша, взывая к сознательности ребят, убеждал их слушаться Зину.

— Положение очень серьезное. Я уже не говорю о международной обстановке, это все знают. Но даже здесь тревожно. Сева и Игорь убежали. А тут загадочное убийство. Может быть, рядом бродят бандиты. И помещичья усадьба со старухой тоже очень подозрительна. Так что нам надо быть настороже. Дисциплина прежде всего.

Зина Круглова, чтобы усилить впечатление, добавила:

— Эта старорежимная графиня возьмет и сожжет усадьбу, чтобы коммуне не досталась.

— Даже очень просто, — подтвердил Миша, единственно для поддержки Зининого авторитета. В то, что старуха сожжет усадьбу, он, конечно, не верил.

— Подумать только, — закричал Генка, — один человек занимает такую домину! Двести ребят можно разместить. Безобразие, честное слово!

— Безобразие, — согласился Славка. — Но какое это имеет отношение к Игорю и Севе? Усадьба, убийство Кузьмина — при чем тут Игорь и Сева?

— А при том, что идет классовая борьба, — нази-

дательно проговорил Миша, — понял? Зря людей не убивают. И графиня, наверно, тоже ждет, когда вернутся всякие там помещики и князья. Вот и стережет для них усадьбу.

Славка в знак сомнения покачал головой:

— Вряд ли есть люди, которые надеются, что вернется старый режим.

— Не беспокойся, есть, — заверил его Миша.

Жердяй сказал:

— Кулаки у нас на деревне говорят… Теперь лорд этот самый английский…

— Лорд Керзон, — подсказал Миша.

— Вот-вот… Керзон этот самый… Написал Ленину письмо.

— Ультиматум.

— Так говорят, теперь советской власти конец.

Все рассмеялись.

— Эх ты, Жердяйчик! — закричал Генка. — Не дождутся ваши кулаки конца советской власти. И графиня тоже не дождется. И граф ее, белоэмигрант, тоже не дождется!

— Керзон нам предъявил наглые требования, — сказал Миша, — совсем заврался. Требует, чтобы мы отозвали своих представителей из Ирана и Афганистана. Видали его? Английские капиталисты боятся, что их колонии не захотят больше

быть колониями. Понятно? Народы Востока! А ну-ка, Славка, прочитай газету, которую Генка сегодня из Москвы привез.

Славка развернул газету. Вверху, слева, было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а справа: «Берегите газеты, у нас их мало!»

Славка вслух прочитал и об ультиматуме Керзона, и о демонстрациях против ультиматума под лозунгом «Руки прочь от Советской России!».

— Видал? Нас поддерживают рабочие всего мира, — объяснил Миша. — И никакие капиталисты нам не страшны.

Жердяй задумчиво сказал:

— Еще говорят, что Ленин совсем болен.

— Что же из того, что он болен? Переутомился, вот и болен. Слушай… — Миша взял у Славки газету и громко прочитал: — «Резолюция рабочих Гознака… Дать Владимиру Ильичу трехмесячный отпуск и потребовать от него точного исполнения предписаний врачей, дабы он мог восстановить свои силы на благо трудящихся». Понятно? — сказал Миша, свертывая газету. — Ленин отдохнет и выздоровеет. Так что пусть ваши кулаки не радуются.

Неожиданная мысль пришла ему в голову, и он сказал:

— Знаете что, ребята? Сейчас все пишут Ленину, давайте и мы напишем.

Все удивились. Что они могут написать Ленину?

А Миша уже увлекся своей идеей. Забыв, что он твердо решил быть таким же спокойным и невозмутимым, как директор детского дома Борис Сергеевич, он вскочил и, размахивая руками, сказал:

— Напишем, чтобы он скорее выздоровел.

— Правильно! — поддержал его Генка. — Все пишут.

Зина Круглова сказала:

— Если даже Ильич не прочтет нашего письма, то ему о нем расскажут. И ему будет приятно, что все о нем помнят, любят и желают ему здоровья.

И ребята, крича и перебивая друг друга, сочинили такое письмо Владимиру Ильичу Ленину:

«Дорогой Ильич! Мы, юные пионеры и комсомольцы, шлем тебе горячий пролетарский привет. Мы хотим, чтобы ты скорее выздоровел. Мы хотим бороться за рабочее дело так же, как боролся и ты всю свою жизнь. Мы всегда готовы защищать и укреплять Советскую Россию. Выздоравливай скорее, дорогой наш Ильич!»

Часть вторая
Погоня

Глава 15
Лодочная станция

Миша уперся ногой в скользкий от ночной росы берег, столкнул лодку в воду, перевалился через борт и вскарабкался на нос.

Поехали!

Белесый туман окутывал реку. Берега едва виднелись. Кусты ракитника достигали почти середины реки. Толстые стволы лежали над самой водой. Генка и Славка едва не задевали их веслами. Но сидевший на корме Жердяй искусно направлял лодку по узкой и извилистой речонке.

Миша засек время. Если они будут делать восемь километров в час, то к вечеру достигнут устья реки. Туда считается не то семьдесят, не то восемьдесят километров.

Размышляя таким образом, Миша зорко поглядывал по сторонам. В этот предутренний час река казалась совсем чужой. Все вдруг стало огромным, глубоким, таинственным, причудливым: неожиданно высокие деревья, верхушек которых не было видно, кусты, казавшиеся непроходимы-

ми… Почему они никак не могут обогнуть мысок, за которым должна быть лодочная станция? Может быть, в темноте он проглядел ее?..

Миша приподнялся. В эту минуту они обогнули мыс. Сразу стало светлее. Миша увидел маленькую будку лодочной станции. Но тут же он заметил приближающуюся к станции женщину. Миша узнал ее. Это была «графиня». Зачем она пришла сюда так рано? Миша торопливо прошептал:

— Тихо! Не гребите!

Генка и Славка подняли весла. Лодка сразу сбавила ход. Ухватившись рукой за ветку, Миша подтянул лодку под куст орешника. Отсюда была хорошо видна лодочная станция.

Туман еще не сошел. Люди у будки казались мутными тенями. За будкой виднелся неподвижный силуэт лошади, запряженной в повозку. И оттого, что будка была очень маленькой, лошадь и телега казались громадными.

На берегу стояли «графиня» и кулак Ерофеев, отец Сеньки, маленький кособокий старичок в черном картузе и очках в железной оправе.

Лодочник Дмитрий Петрович возился в лодке, потом выпрямился и вышел на берег. Это был человек лет тридцати, среднего роста, ловкий и

сильный. Миша его не то что побаивался, а чувствовал себя с ним неудобно: как-то неискренне и хитро улыбался всегда лодочник. Ходил он босиком, в сатиновой рубашке без пояса. Но лицо у него было чистое, холеное, совсем не крестьянское, с маленькими острыми усиками.

Ерофеев и лодочник подошли к телеге. С нее кто-то соскочил. Ребята вгляделись — это был Сенька. Ерофеев снял с телеги рогожу. Затем они втроем перетащили в лодку два больших мешка.

Дмитрий Петрович прыгнул в лодку. Ерофеев оттолкнул ее. Лодка качнулась, отошла от берега и, влекомая течением, повернулась на середине реки. Табаня одним веслом, Дмитрий Петрович направил ее вниз по течению.

Все смотрели вслед лодке: мальчики — из своего укрытия, старуха и Ерофеев — с берега, Сенька — с телеги.

Лодка скрылась за поворотом. Ерофеев что-то сказал «графине» и пошел к телеге. Уже держа в руках вожжи, он опять что-то сказал. Старуха молча кивнула головой.

По береговой дороге телега двинулась к деревне. Старуха полевой тропинкой пошла к усадьбе. В высокой пшенице мелькнул ее черный платок. Раз, другой… Потом она совсем скрылась

из глаз...

Глава 16
На реке

Первым нарушил молчание Генка.

— Интересно, что они увезли в лодке? — проговорил он, вставая и вглядываясь в даль реки, хотя ни лодки, ни лодочника уже не было видно. — Недаром эта несчастная лодочная станция всегда казалась мне подозрительной. Я еще вчера Славке говорил. Правда, Славка, говорил я тебе, что станция очень подозрительная, говорил?

— Не вчера, а позавчера, — ответил точный Славка, — и ничего подозрительного я здесь не вижу. Мало ли что людям надо перевезти на лодке.

— «Перевезти», ага! — передразнил его Генка. — В такую рань, чтобы никто не видел! И Ерофеев, кулак и мироед, со своим Сенькой примазались. — Он обернулся к Мише: — Знаешь, Миша, давай лучше высадим Славку.

— Зачем?

— Он всю дорогу будет сомневаться: «Ничего такого», «Ничего особенного», «Ничего у нас не выйдет», «Ничего мы не найдем»... Так и будет

канючить…

Миша в ответ только отмахнулся. Но что все это значит? «Графиня», лодочник, Ерофеев — все вместе. Что-то отправляют, ночью, тайком…

— Возможно, старуха инвентарь вывозит, чтобы коммуне не достался, — предположил он.

— Какой у нее инвентарь! — сказал Жердяй. — Нет у нее никакого инвентаря.

— Что же по-твоему?

— А я почем знаю!

— Ладно! — решил Миша. — Все равно нам плыть вниз. Будем искать Игоря и Севу и заодно посмотрим, куда лодочник отвезет эти мешки. Главное — чтобы он нас не увидел. Поехали!

Жердяй оттолкнул лодку от берега. Генка и Славка взмахнули веслами. Приставив к глазам бинокль, Миша вглядывался вперед. Лодочника не было видно. Но ничего, они его нагонят.

Извилистая речка протекала в глубокой, узкой долине. Высокий, правый берег был сильно подмыт — над водой желтели ноздреватые известняки, белели причудливые обрывы мела. На низком левом берегу виднелись узкие полоски заливных лугов и торфяных болот. Сквозь мутную воду дно проглядывалось только на очень мелких местах — вязкое, покрытое тиной. Места-

ми вода быстро кружилась — на дне били ключи и родники.

Мальчики миновали деревню, паромную переправу, а лодочника все не было. Неужели на двух парах весел они не могут его догнать? Миша дал знак пристать к берегу, вылез из лодки и взобрался на холмик, пытаясь оттуда увидеть лодочника.

Широкая панорама долины открылась перед ним: бескрайные поля, темные леса, тихие перелески, одинокие ветряные мельницы, белые колокольни церквей, на ближних полях телеги с поднятыми к небу оглоблями… Солнце медленно подымалось из-за горизонта. Его косые лучи раздвигали дали, окрашивая весь мир в яркие краски. Но узкая черная полоска реки была скрыта холмами и зарослями, и ничего на ней нельзя было увидеть.

Миша вернулся в лодку. Они с Жердяем сменили Генку и Славку и поплыли дальше. Теперь Генка сидел на руле, а Славка с биноклем в руках — на носу.

— Нажмем, Жердяй, — говорил Миша, изо всех сил работая веслами. — Ты, Генка, на руле поосторожнее…

— За меня не беспокойся, не в первый раз, — не

замедлил ответить Генка.

В тельняшке и подвернутых брюках, с кормовым веслом в руках он выглядел очень живописно.

— Ты, Славка, — продолжал командовать Миша, — смотри в оба! И не только за лодочником. Главное — Игорь и Сева. Смотри, нет ли плота или каких-нибудь других следов.

— Пока ничего нет, — ответил Славка, — ни лодочника, ни ребят, ни плота, ни следов.

Так плыли они еще с полчаса, гребя изо всех сил. Миша уже хотел произвести замену, как вдруг Славка, не отрывая глаз от бинокля и поворачивая его то в одну, то в другую сторону, сказал:

— Тише, ребята! Кажется, лодочник…

— Где?!

Миша и Жердяй подняли весла. Генка привстал, всматриваясь вперед.

— Опять пропал, — поворачивая бинокль, сказал Славка. — Только что, за тем поворотом, я видел лодку. Ага, вот он опять мелькнул…

— Сколько до него?

— С километр, — неуверенно проговорил Славка.

— Сейчас будет Халзин луг, — волнуясь, сказал

Жердяй.

— К берегу! — тихо скомандовал Миша.

Когда он с Жердяем выскочили на берег и посмотрели на реку, то увидели, что лодочник не гребет. Его лодка покачивалась на воде, а сам он, повернув голову, смотрел на берег.

— На Халзин луг смотрит, — прошептал Жердяй, белый как полотно.

— А ты чего волнуешься? Нечего волноваться.

Лодочник по-прежнему смотрел на луг, изредка медленным движением весла выравнивая лодку. Ага, не хочет подплывать к месту, где убили Кузьмина…

Генка не утерпел и тоже вылез на берег. Теперь они трое, как и лодочник, смотрели на Халзин луг.

Покрытый ярко-зеленой травой, залитый солнечным светом, он тянулся по левому берегу Утчи и по правому берегу впадающей в Утчу крошечной, почти высохшей речушки Халзан.

В зеленом однообразии луга было столько спокойствия, что мальчикам казалось, будто они слышат оттуда монотонное жужжание комаров и звонкое стрекотание кузнечиков. Место было совершенно открытое. Несколько одиноких деревьев свешивали к земле свою низкую листву.

И только на берегу довольно густо росли кусты. Откуда же стреляли в Кузьмина? И почему Николай не слышал выстрела? И кто угнал лодку? Странно…

Наконец лодочник взмахнул веслами. Лодка поплыла дальше. Мальчики тут же сползли с берега и двинулись вслед за ней. На веслах — Генка и Славка, на носу — Миша, на корме — Жердяй.

Теперь они держались от лодочника на таком расстоянии, чтобы за каким-нибудь поворотом можно было рассмотреть его в бинокль.

Лодочник то появлялся, то исчезал за частыми излучинами реки. Он сидел на веслах, лицом к следовавшим за ним мальчикам, и им приходилось быть очень осторожными, чтобы не попасться ему на глаза. Перед каждым поворотом реки Миша выскакивал на берег и смотрел в бинокль, где лодочник. В азарте погони они совсем забыли о цели своего путешествия.

— Сейчас самые лесистые места пойдут, — сказал Жердяй, — скоро я вам тропочку покажу. Если по этой тропочке идти, то как раз на Голыгинскую гать и выйдешь.

— Ту самую, где мертвый граф закопан?

— Ту самую.

— Так далеко от усадьбы?

— По реке далеко. А через лес близко.

Длинная излучина реки, прикрытая густыми зарослями, опять укрыла лодочника. Боясь потерять его из виду, Миша приказал грести скорее. Генка и Славка налегли на весла. Лодка вынеслась за поворот. И Миша сразу убедился в опрометчивости своего поступка… Метрах в трехстах от них лодочник, шагая по воде, втягивал свою лодку в маленькую бухточку возле двух белых камней… Ребят выручило только то, что лодочник стоял к ним спиной и, расплескивая ногами воду, не слышал шума их весел.

Мальчики быстро подтянулись к берегу и укрылись за высоким деревом, ветки которого спускались к самой воде. Оставаясь сами незамеченными, они хорошо видели лодочника.

— От этих двух камней и идет дорога на Голыгинскую гать, — прошептал Жердяй.

Миша сделал ему знак молчать.

Лодочник вытащил лодку, забросил цепь за камень и обернулся к лесу.

Тишину реки огласил троекратный крик совы.

Глава 17
Лодочник

Это была маленькая, обмелевшая бухточка. Густые листья могучего дуба заслоняли ее от солнца — только поэтому она не высохла. На берегу лежали два больших белых камня. Короткая тропинка тянулась от них к орешнику и исчезала в лесу.

Лодочник стоял на берегу, к чему-то прислушиваясь. Прислушались и мальчики. В лесу раздался далекий ответный крик совы. Притаившись за деревом, мальчики ждали, что будет дальше.

Опушка была покрыта ярким цветочным ковром. Высокие темно-желтые лютики, прямые кисти бледно-желтого борца, белая гвоздика, светло-голубые лесные колокольчики — все это, цветущее и переливающееся под ослепительными лучами солнца, было таким мирным, таким радостным, добрым, что Мише вдруг показались нелепыми все его подозрения. И ему казалось, что если он сейчас подойдет к лодочнику, то тот будет с ним мирно разговаривать, как всегда улыбаясь своей насмешливой, довольно неприятной, но, в общем, ничего не значащей улыбкой… Но

это чувство безмятежного доверия угасло так же быстро, как зародилось… Из леса опять, но уже совсем близко, раздался крик совы…

Лодочник встал, прошелся по берегу и, убедившись, что никого вокруг нет, обернулся к лесу и сделал рукой жест, подзывая того, кто скрывался за деревьями.

Из леса вышли два парня с заспанными лицами, одетые в зимнюю крестьянскую одежду; на одном был рваный полушубок, на другом — длинный вытертый зипун; оба в помятых солдатских шапках.

Парни перетащили мешки в лес. Лодочник что-то им сказал.

Парни ничего не ответили. И, уже сидя на веслах, лодочник опять что-то сказал. Но ветер отнес его слова в сторону.

Как только лодочник сел в лодку, Миша сообразил, что надо покидать убежище. Мальчики быстро поплыли назад. Отойдя с полкилометра, они развернулись и медленно поплыли навстречу лодочнику с таким видом, будто они просто катаются по реке. Даже бинокль Миша запрятал под сиденье.

И, как только они развернулись, показался лодочник. Он греб медленно, сильно откидываясь

назад, и когда наклонялся, то сквозь рубашку было видно, как сжимаются и разжимаются его острые лопатки…

Он оглянулся на шум весел ребячьей лодки и перестал грести. Его лодка, покачиваясь на воде, медленно поворачивалась и, когда ребята поравнялись с ней, она уже стояла посередине реки, загораживая проезд. Чтобы не зацепить ее веслами, мальчики тоже перестали грести. Наклонив голову, лодочник исподлобья оглядел мальчиков и, неожиданно улыбнувшись, спросил:

— Далеко плывете, товарищи?

Он улыбался одним ртом. Концы его маленьких острых усов при этом хищно топорщились кверху, а холодные голубые глаза пристально и недоверчиво смотрели на мальчиков. Эта улыбка лодочника и раньше коробила Мишу, а сейчас была особенно неприятна.

— Так, плывем, — спокойно ответил Миша.

Лодочник по-прежнему улыбался. Но рука его уже лежала на борту ребячьей лодки, и он медленно подтягивал ее к себе.

Миша понял, что он тянется к цепи, и крепко прижал ее ногой.

Продолжая улыбаться, лодочник обвел оценивающим взглядом ребят. Перед ним сидели

четыре здоровых и, в сущности, уже взрослых парня. По его лицу было видно, что он обдумывает, как ему поступить. Потом он сказал:

— И Жердяй с вами?

Миша ничего не ответил. Минуту продолжалось молчание.

Лодочник крепко держал лодку за нос. Потом опять сказал:

— Знакомая лодка.

— Да, — ответил Миша, — это лодка Кондратия Степановича.

— Вот как? — недоверчиво усмехнулся лодочник, ухватив наконец рукой металлическое кольцо, к которому была приторочена цепь. — Значит, Кондратия Степановича? — переспросил лодочник, и Миша почувствовал ногой, что лодочник потихоньку дергает цепь.

Но Миша крепко держал ее.

— Да, Кондратия Степановича, — повторил Миша, не понимая, к чему клонит лодочник.

— Интересно, — насмешливо протянул лодочник. — А ведь Кондратий Степанович сегодня утром уехал на рыбалку. И на своей лодке. Я сам его видел.

Миша, конечно, мог бы напомнить, кого лодочник в действительности видел сегодня утром. Но

этого делать было нельзя, и Миша сказал:

— Не знаю, кого вы видели, но Кондратий Степанович разрешил нам взять лодку.

По-прежнему улыбаясь, лодочник покачал головой:

— Так, так… Некрасиво, товарищи, некрасиво… А еще комсомольцы…

Он опять потянул цепь, но Миша крепко держал ее ногой.

— Что некрасиво? — нахмурился Миша. — Что вы нас стыдите?

— Лгать нехорошо, — укоризненно сказал лодочник. — Нехорошо покрывать преступников… Ведь я знаю, чья это лодка…

— Чья же? — усмехнулся Миша.

— Это лодка Кузьмина, которого вчера здесь убили. А убил его брат. — Лодочник показал на Жердяя. — Эту лодку милиция разыскивает, а вы ее прячете… Нехорошо. Очень нехорошо.

Перед таким нелепым обвинением Миша растерялся и забыл про цепь. В ту же секунду лодочник изо всех сил дернул ее. Миша упал. Падая, он попытался рукой схватить цепь, но опоздал. Усмехаясь, лодочник накинул ее на крюк, который торчал на корме его лодки, и тут же оттолкнулся. Цепь натянулась. Мальчики

могли достать ее теперь, только перебравшись в лодку к Дмитрию Петровичу.

— Нехорошо, нехорошо, — нагло улыбаясь, повторил лодочник. — Жердяй хочет брата выручить — понимаю, а вам, комсомольцам, не к лицу. Придется, дорогие друзья, вернуться в деревню, придется!

Дрожа от возмущения, Миша закричал:

— Какое вы имеете право?

— Каждый должен помогать правосудию, — издеваясь, ответил лодочник.

Между тем, как ни слабо было течение, оно относило обе лодки к берегу.

Этого Миша опасался больше всего. Если Дмитрию Петровичу удастся задержать их лодку на берегу, то он сможет каким-либо образом вызвать из леса своих парней, и тогда мальчики будут бессильны перед ними. Значит, нельзя терять ни секунды…

Лодки уперлись в берег. Миша вскочил на нос:

— Сейчас же отпустите, слышите!

— Рад бы, да не могу, — рассмеялся лодочник.

Он не успел договорить — Миша перепрыгнул в его лодку и схватил цепь.

— Не трогать! — заорал лодочник и вскочил, высоко подняв в руках весло.

Но Миша одним движением сорвал цепь с крюка и перебросил ее в свою лодку. Потом он выпрямился:

— Ударьте! Попробуйте!

Дмитрий Петрович стоял, высоко подняв весло, с бледным, искаженным от бешенства лицом. Он ударил бы Мишу, но Генка и Славка уже карабка-

лись в его лодку. Генка так навалился всем телом на борт, что лодка накренилась… Лодочник покачнулся и закричал:

— Не лезь, сволочь!

Он наклонился к Генке, пытаясь достать его веслом, и в ту же секунду Славка, тихий, стеснительный Славка, схватил с другой стороны лодочника за ноги и рванул к себе. Дмитрий Петрович полетел в воду.

— Назад! — крикнул Миша.

Мальчики поспешно вскарабкались в свою лодку. Изрыгая проклятья, Дмитрий Петрович метнулся за ними. На него испуганно смотрел сжавшийся и ошалевший от страха Жердяй.

— Гребите! — завопил Миша.

Генка и Славка, торопливо сталкиваясь веслами, начали грести. Дмитрий Петрович был уже совсем близко. Он дернулся к корме, но промахнулся. Генка и Славка ударили веслами один раз, другой… Набирая скорость, лодка понеслась по реке. Расстояние между ней и лодочником все увеличивалось… Дмитрий Петрович постоял некоторое время, повернулся и пошел к берегу…

Лодка неслась все быстрее… Поворот… За ним другой… Вот и дерево, под которым они прятались… Вот и два белых камня… Еще поворот… И

они выплыли на прямой, длинный отрезок реки, уходивший в сторону от леса. Здесь их лодочник уже не догонит.

Глава 18
В чем дело

И все же мальчики продолжали грести изо всех сил, тяжело дыша и оглядываясь назад. Им казалось, что сейчас из-за поворота опять появится лодочник. И не один, а с парнями, которых он оставил в лесу…

Но страх, который вначале придал Генке и Славке силы, начал проходить. Они вдруг почувствовали себя совершенно изможденными и объявили, что не в состоянии больше грести. Миша и Жердяй сменили их.

Очутившись на корме, Генка, с дружелюбной насмешливостью поглядывая на Славку, сказал:

— Славка-то, а? Как лодочника дернул!.. Вот уж от кого не ожидал!

Никто ему не ответил.

— А вот Жердяйчик наш перепугался, — продолжал Генка. — Прямо душа в пятки ушла…

Жердяй покраснел:

— Вам-то что? Уехали в Москву, и всё, а мне с матерью здесь оставаться.

— Ну и что?

— А то, что зарежут они нас, вот что! — убежденно ответил Жердяй.

— Так уж и зарежут… — усмехнулся Генка.

— А ты думаешь… Тут тебе не Москва. Зарежут, и всё. Не первый случай.

— Кто — они и кого они зарезали? — спросил Миша.

Но в ответ Жердяй только засопел и еще старательнее стал грести.

Сидевший на носу Славка сказал:

— Все же непонятно, почему лодочник к нам пристал. Неужели он действительно думал, что мы на лодке убитого Кузьмина?

— Эх ты, святая простота! — закричал Генка. — Разве он не может лодки отличить?..

— У Кузьмина однопарка, а эта двухпарка. Другой двухпарки у нас в деревне нет, — сказал Жердяй.

— Вот видишь! — подхватил Генка. — Нет, тут дело в другом.

— В чем же?

— Он боялся, что мы в лес пойдем и увидим этих парней и мешки. Вот чего он боялся. Недаром мне лодочная станция казалась такой подозрительной.

— Правильно, только при одном условии, —

сказал Славка.

— При каком?

— При том, что в мешках есть что-то тайное.

Генка трагически воздел руки к небу:

— Невыносимо! Налицо банда, а ты сомневаешься! Нас только что хотели утопить, а тебе кажется, что ничего не произошло. Что ты за человек, не понимаю!

— Какие теперь банды? — сказал Славка.

— Видали его! — закричал Генка. — «Какие банды»! Самые настоящие, бандитские! И Кузьмина они убили, это уж определенно!

Жердяй перестал грести и испуганно смотрел на Генку.

— Почему ты решил, что они убили Кузьмина? — спросил Славка.

— А кто? Его брат? — Генка кивнул на Жердяя. — Скажи, Жердяй, убивал твой брат Кузьмина?

— Не убивал он, — проговорил Жердяй, снова начиная грести.

— А кто убил?

— Не знаю.

— А я знаю, — упрямо повторил Генка, — они и убили.

Миша не вмешивался в разговор. Все только что происшедшее казалось ему диким, неверо-

ятным…

Конечно, насчет лодки Кузьмина Дмитрий Петрович выдумал — это лишь предлог, чтобы задержать их. Уж кто-кто, а он знает каждую лодку в деревне… Тогда в чем же дело? Из-за парней? Вряд ли… Парни уже давным-давно скрылись в лесу. А вот к убийству Кузьмина это может иметь прямое отношение. По лицу лодочника видно, что он убийца. Увидал Жердяя в лодке и испугался, что Жердяй доискивается настоящего виновника. Вот и хотел их повернуть обратно, чтобы они не напали на настоящий след…

А вдруг… Миша даже похолодел. А вдруг это связано не только с убийством Кузьмина, но и с исчезновением Игоря и Севы? Может быть, с ними что-то случилось? И именно поэтому лодочник не хотел их пропускать вперед… Может быть, Игорь и Сева оказались случайно свидетелями убийства или набрели в лесу на парней и те их убили, боясь разоблачения… Все может случиться в такое неспокойное время. В деревне идет борьба. То здесь, то там убивают то селькора, то сельского активиста… Мало ли в какую переделку могли попасть ребята… Что же делать? Ведь ребята ему доверены.

В эту минуту раздался голос Генки:

— Справа по борту шалаш!

Глава 19
Удивительная встреча

На берегу, в тени дерева, стоял крошечный шалаш, сделанный из веток и листьев. Возле него горел небольшой костер. У костра сидели мужчина и женщина.

— Спросим, не видели ли они ребят, — предложил Миша.

Мальчики положили весла на борта. Лодка замедлила ход. Миша приставил ладони рупором ко рту:

— Алло! На берегу!

Мужчина и женщина обернулись к мальчикам. Оба они были в больших роговых очках.

— Скажите, — крикнул Миша, — здесь не проплывали два мальчика на плоту?

Мужчина и женщина переглянулись. Потом, как по команде, снова обернулись к мальчикам, но ничего не ответили.

— Глухие, что ли? — пробормотал Миша.

— Это же нэпманы, — объявил Генка. — Посмотрите, как нелепо расплылася рожа нэпа… Он толстый, лысый, в очках, у нее тоже волосы кра-

шеные…

Миша снова крикнул:

— Вы двух мальчиков не видели на плоту?

Мужчина и женщина опять переглянулись. Потом мужчина встал и крикнул:

— Не понимай…

Мальчики во все глаза смотрели на него…

— Иностранец, — растерянно пробормотал Генка.

Перед ними действительно стоял иностранец — плотный лысый человек в роговых очках, рубашке с короткими рукавами и серых широких брюках гольф, спускающихся чуть ниже колен на серые же, явно заграничные чулки. Пожилой мужчина в брюках гольф мог быть только иностранцем.

— Не понимай! — снова крикнул иностранец, засмеялся и отрицательно покачал большой круглой лысой головой.

— Поговорить с ними, что ли? — нерешительно сказал Миша.

— А чего, — поддержал Генка, — посмотрим, что за иностранцы такие. Шпрехен зи дёйч…

Мальчики подгребли к берегу, вышли из лодки и подошли к шалашу.

Мужчина смотрел на ребят и улыбался. Женщи-

на сидела у костра, помешивая ложкой в котелке. Она смерила мальчиков внимательным взглядом. Мальчики потянули носами: из котелка пахло шоколадом.

— Вы далеко кричать, а ми плохо понимать руськи, — сказал иностранец.

Возле палатки лежали два рюкзака с ремнями и блестящими застежками, два фотоаппарата на тоненьких ремешках, консервная банка с яркой этикеткой, два термоса и еще какие-то мелкие вещи заграничного происхождения.

«Иностранные туристы, — решил про себя Миша, — буржуазия. Пролетарии по заграницам не раскатывают…»

То же самое подумали Генка и Славка. Мальчики с неприязнью смотрели на представителей капиталистического мира, так неожиданно появившихся на берегу реки Утчи. Как сюда попали эти хищники и акулы?

— Ви повторяйт ваш вопрос, — сказал иностранец.

Вблизи оказалось, что он не так уж лыс. На голове у него были волосы, но очень редкие и светлые, как пушок. И весь он, полный, розовощекий, походил на большого откормленного ребенка.

— Здесь не проплывали два мальчика на пло-

ту?

— Плёт? Что значит плёт?

— Это как лодка, — объяснил Миша и показал руками, — такой четырехугольный, из бревен…

Иностранец радостно закивал головой.

— Понимайт, понимайт! — Он обернулся к женщине и произнес какое-то иностранное слово, потом опять радостно закивал головой: — Плёт. Понимайт! От слова «плить», «плавять». Понятно… Были здесь два мальшик, пайонир, гальстух, — он тронул свою шею, — пайонир, хорош пайонир. Биль тут, биль…

— Когда?

— Ночеваль. Не эта ночь, а после эта ночь… Вчера утро дальше плить на свой плёт… Плёт подчинял и поехал.

У Миши отлегло от сердца. Наконец-то! Значит, Игорь и Сева живы, здоровы, ничего с ними не случилось.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что Игорь и Сева приплыли сюда позавчера вечером, переночевали, вчера до полудня починили плот и поплыли дальше. Значит, вчера, в среду, во время убийства Кузьмина Игорь и Сева преспокойно сидели здесь, беседовали с иностранцами и происшествие на Халзином лугу их никак не

коснулось. Ну и прекрасно! Хоть с этим все в порядке… Теперь-то их наверняка можно будет догнать. Расстояние между ними было два дня, а теперь только один. К вечеру и нагонят…

Из котелка распространялся аппетитный запах шоколада. Мальчики бросали на котелок голодные взгляды и беззастенчиво принюхивались. Генка просто дрожал от жадности.

Женщина что-то сказала мужчине. Улыбаясь, он проговорил:

— Мальшики, кофей пить.

Вот еще! Станут они угощаться у буржуев! Миша отрицательно качнул головой, собираясь произвести какую-нибудь вежливую формулу отказа, но Генка прошептал:

— Давай обожрем капиталистов…

Мише это предложение показалось дельным. Теперь, когда они выяснили, что с Игорем и Севой все в порядке, можно было особенно не торопиться. Поесть-то им все равно надо. А если они будут сами варить обед, то потеряют еще больше времени.

Мальчики уселись вокруг костра. Только один Жердяй продолжал стоять. Он очень стеснялся — ведь в своей деревне он никогда не видел иностранцев, — и только когда Миша велел ему

сесть, он присел на корточки, но на порядочном расстоянии от костра.

Женщина разлила дымящийся кофе по металлическим стаканчикам, которые она вытащила один из другого. Из кожаного несессера были извлечены крошечные ложечки и щипчики для сахара. Все это женщина проделала довольно проворно, но молча, без улыбки. У нее были коротко подстриженные волосы рыжеватого оттенка, с сильной проседью. За очками вокруг глаз виднелась частая сеточка морщинок. Руки худые, загорелые, а на запястьях белые полоски.

«Наверно, кисти не загорели из-за браслетов, — подумал Миша, — а теперь она браслеты оставила в гостинице. Боится, что ограбят. Да кто их ограбит, кому они нужны?»

На салфетке лежали тонюсенькие ломтики хлеба, намазанные чем-то коричневым. Славка и Миша взяли по бутерброду и один передали Жердяю. Но Генка как накинулся на бутерброды, так уже не мог оторваться от них. Через минуту салфетка была чиста. Славка его несколько раз подталкивал, но Генка словно осатанел. А ведь не обжора, не Кит, просто изголодался, да и из озорства решил обожрать буржуев…

Впрочем, все изголодались. И этот маленький

бутерброд, похожий на папиросную бумагу, только раздразнил аппетит. Мальчики забыли о деликатности, необходимой в сношениях с представителями иностранной державы.

Женщина не успевала намазывать бутерброды. Мужчина вскрыл новую банку консервов, затем сардины и, наконец, банку сгущенного молока. Все это ребята уничтожили, особенно же навалились они на хлеб. Говорят, что иностранцы едят мало хлеба, но ведь они-то не иностранцы.

По тому, как смущенно заглядывал иностранец в свой рюкзак и наконец вывернул его, ребята поняли, что все иностранные запасы уничтожены. Впрочем, они уже были сыты. Даже несколько осоловели. Им дремалось. Ведь в лагере они привыкли спать после обеда. Миша посмотрел на свой «будильник» и сказал:

— Минут двадцать отдохнем и поедем дальше. А то неудобно сразу смываться.

Отяжелевшие от еды мальчики прилегли вокруг костра. Жердяй и тот уселся поудобнее.

Глава 20
Неожиданный поворот

— Комсомоль, — улыбаясь, сказал иностранец, показывая на комсомольские значки ребят. — Ким… Интернациональ.

— Да, мы есть комсомольцы, — ответил Миша не без вызова и тоже коверкая слова, вероятно думая, что иностранец его лучше поймет.

— Карашо, карашо. Комсомоль — это карашо, Интернациональ — это карашо…

«Притворяешься, буржуазия несчастная! — подумал Миша. — Не любишь ты ни комсомола, ни Интернационала». Потом спросил:

— Путешествуете? Вояж?

— О да, да, — закивал головой иностранец, — мы есть путешественник. Ходить, ездить. Россия карошая страна, красивая страна…

— Нравится вам у нас? — насмешливо спросил Генка, поглаживая свой туго набитый живот.

— О, нравится, отшень нравится… Очень карашо.

«Знаем, как вам у нас нравится, — подумал Миша. — Разве капиталистам у нас может нра-

виться? Живьем бы съели нашу республику!»

— Как там у вас лорд Керзон поживает? — развязно спросил Генка.

Иностранец брезгливо сморщил лицо:

— О, лорд Керзон… Это некарашо — лорд Керзон, отшень некарашо… Фуй, Керзон… Керзон — это плохо…

— Значит, Керзон нехорошо? — насмешливо переспросил Миша. Ему даже стало неприятно, что иностранец так притворяется. Уж если имеешь убеждения, то отстаивай их.

Иностранец отрицательно покачал головой:

— Некарашо, отшень некарашо. Керзон… Ультиматум, Тори… Империализмус…

— А Муссолини хорошо?

— О, — иностранец энергично замотал головой, — Муссолини савсем некарашо. Фашизмус… Коммунист, социалист — убивать… Диктатур… Савсем некарашо…

— А почему у вас есть всякие керзоны и муссолини? — ехидно спросил Миша. И, видя, что иностранец его не понял, он энергично махнул рукой: — Керзон, Муссолини вон! Долой!

Иностранец радостно закивал головой:

— О да… Конешно… Долёй Муссолини, долёй… Керзон — долёй!

«Хитрый!» — подумал Миша и сказал:

— Вот вы их и долой.

Иностранец задумчиво качнул головой и, медленно подбирая слова, сказал:

— Врэмя… Рэволюций не устраивать, рэволюций приходят.

«Какой политически грамотный! — подумал Миша. — Уж такие, как вы, конечно, никакой революции не устроят…»

А иностранец с серьезным и многозначительным выражением лица, несколько напряженным от необходимости вспоминать русские слова, продолжал:

— Кризис, безработний, война… Пролетарият — некарашо… Коммунист — агитация… Капиталист его в тюрьма. — Он вдруг засмеялся и схватил себя за кисти рук: — Кандали, тюрьма! — И смешно сморщился: — Некарашо — тюрьма…

Миша посмотрел на золотое кольцо иностранца, на белые полоски кожи на кистях женщины и подумал, что очень хорошо смеяться, когда сами носят золотые кольца и браслеты.

Иностранец перехватил его взгляд, засмеялся и показал на руки женщины:

— Кандали — три лет… Тюрьма — десять лет.

Женщина в это время перемывала чашки.

Мальчики сразу не сообразили, о чем говорит иностранец. Какие десять лет тюрьмы? Какие три года кандалов?.. И только Славка первым обрел дар речи.

— Вы коммунистка? — спросил он у женщины.

Иностранец, улыбаясь, повторил Славкин вопрос на незнакомом ребятам языке.

Женщина засмеялась, ткнула себя пальцем в грудь и сказала:

— Коммунисьт! — потом показала на мужчину: — Коммунисьт, — потом опять на себя: — Румэн, — потом опять на своего спутника: — Куба, Эмерика…

Мальчики молчали, потрясенные таким неожиданным оборотом дела. Те, кого они приняли за буржуев, оказались коммунистами. Они,

наверно, делегаты Коминтерна. Ведь недавно был конгресс. Как же они так опростоволосились, так бессовестно обожрали их! И как они могли принять их за капиталистов? Какие капиталисты будут путешествовать по берегам Утчи? Капиталисты отдыхают во всяких Баден-Баденах… Да и если приглядеться, то сразу видно, что это коммунисты и революционеры. Одеты хотя по-иностранному, но просто, как рабочие. У мужчины доброе, умное лицо, приветливая улыбка, сильный подбородок. У женщины тоже волевое лицо, и седина, и морщинки. И они отдали мальчикам всю свою еду. Разве капиталисты поделились бы с ними? Ах, как нехорошо получилось!..

— Значит, вы с Кубы? — переспросил Миша только для того, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Куба, Куба, — засмеялся кубинец.

— Капабланка! — сказал Генка.

— О да, да, Капаблянка, чемпьоне…

— Хорошо на Кубе?

— Карашо, отшень карашо. — Кубинец показал на землю. — Ходить земли карашо. — Потом он обвел рукой вокруг шеи, как бы изображая петлю, показал на дерево: — Висеть на дерев плёх,

отшень плёх. — Он засмеялся. — Мне надо висеть, а я удираль…

Мальчики с восхищением смотрели на кубинца. Этот толстый, веселый, такой на вид заурядный человек был приговорен к смертной казни и сумел уйти от палачей, сумел добраться до России! Каким мужеством, какой отвагой надо обладать! А он сидит на берегу Утчи, вскрывает банки с консервами и смеется как ни в чем не бывало! Вот это люди!

Хорошо бы с ними поговорить, порасспросить, узнать, как обстоит дело с мировой революцией. Но надо ехать за Игорем и Севой. Да и после этого недоразумения мальчики чувствовали себя неудобно. Они встали и начали прощаться.

— До свидания, — говорили они, пожимая руки кубинцу.

А Генка добавил:

— Если будете идти все берегом и берегом, то обязательно к нам в лагерь попадете.

Кубинец не понял Генку и только весело улыбнулся в ответ.

Румынке мальчики пожали руку особенно почтительно: на этих руках были кандалы!

Потом они спустились к лодке.

Собственно, никто не говорил, что им надо

сделать, но каждый понимал это. Они сложили все свои продукты в один мешок, только хлеб мальчики оставили себе: ведь иностранцы его почти не едят.

Кубинец и румынка стояли на берегу, поглядывая на сборы и не понимая их назначения. Миша торопился: может быть, кубинец улыбается тому, что у мальчиков столько продуктов, а их они оставили безо всего.

Наконец мешок был уложен. Миша вынес его из лодки и положил у ног кубинца и румынки. Они сначала не поняли, но потом, когда сообразили, замахали руками:

— Не надьо, не надьо, возьмийть, не надьо…

Но Миша уже оттолкнул лодку и прыгнул в нее.

Кубинец поднял мешок и, протягивая его мальчикам, пошел по берегу вслед за лодкой. Но Генка и Славка налегли на весла. Лодка быстро удалялась.

На берегу стоял кубинец с мешком в руках. Он растерянно улыбался и качал головой. А маленькая рыженькая румынка стояла неподвижно, внимательно и серьезно глядя вслед мальчикам. Косая тень белой березы падала на ее худенькие плечи.

И тогда Миша поднял руку и крикнул:

— Рот фронт!

Женщина молча подняла сжатый кулак.

Кубинец засмеялся, опустил мешок и тоже поднял сжатый кулак:

— Рот фронт! До свиданьия! Рот фронт!

Глава 21
Плот

Скрылись из виду и кубинец, и румынка, и их маленький шалаш из веток. Опять потянулись леса, поля, луга, перелески, овраги, мельницы.

— Некрасиво получилось, — сказал Славка, работая веслами, — приняли за буржуев, набросились на еду.

— Все Генка! — не оборачиваясь, ответил Миша. — «Нэпманы», «буржуи»! Всегда лезет со своими дурацкими идеями!..

— Меня брюки гольф подвели, — оправдывался Генка. — Вижу, гольф, ну и подумал, что буржуи.

Миша пожал плечами:

— Разве можно по штанам судить о человеке? И меня сбил с толку. Я сразу подумал, что это иностранные коммунисты.

— А если ты подумал, то и продолжал бы думать! — огрызнулся Генка. — Каждый имеет свое мнение.

— А кто на бутерброды накинулся? — заметил Славка.

— Как будто из голодной губернии приехал! —

усмехнулся Миша. — Стыдно было смотреть!

Генка собирался опять огрызнуться, но Миша приподнялся и крикнул:

— Плот!

На небольшой песчаной отмели лежал плот — ветхое сооружение из коротких, тонких бревен, скрепленных лыком, рваной веревкой и ржавой проволокой. Крепления разорвались, и бревна плота разошлись в разные стороны. В таком виде он был непригоден к употреблению.

— Сенькин плот, — сказал Жердяй.

— Точно. Вот эта проволока моя. А кол Акимка притащил, из ограды вынул. Сенькин плот.

Мальчики вышли на берег. Справа тянулся лес, слева виднелась деревня. За полями, на расстоянии километра, высилась насыпь железной дороги. По ней тащился товарный состав. За ним волочился длинный хвост дыма.

Мальчики обсудили положение.

Здесь Игорь и Сева оставили плот. Куда же они ушли?

— Они ушли на станцию, — сказал Генка.

— А может быть, в деревню? — предложил Славка.

— Зачем?

— За веревками. Хотят починить плот и плыть

дальше.

— На такой развалине!..

— Вот что, — сказал Миша. — Генка со Славкой отправятся на станцию, а мы с Жердяем поплывем в деревню. Как она называется, Жердяй?

— Грачьи Выселки.

— В Грачьи Выселки мы и пойдем. Может быть, ребята туда заходили. Если не за веревками, то хотя бы за продуктами. А вы со станции вернетесь в деревню. Мы будем вас ждать, только особенно не задерживайтесь. — Миша посмотрел на часы: — Ого, уже половина пятого! Вот и день прошел.

Генка и Славка зашагали к станции. Миша и Жердяй вернулись к лодке и поплыли к деревне Грачьи Выселки. Подыматься в деревню им не пришлось. Возле берега купались деревенские ребятишки. И они сказали, что действительно вчера вечером здесь были два пионера. Приплыли они на лодке, расспросили, какая деревня будет дальше, и поплыли вниз.

— На лодке? — удивился Миша. — А какие они из себя, эти пионеры?

По описанию ребятишек, это были именно Игорь и Сева. Один худощавый, черный, горбоносый, другой беленький, толстенький.

Откуда же у них лодка?

Вот еще новости!

— А какая у них лодка? — спросил Миша.

Ребята объяснили, что лодка была самая обыкновенная. Но такой лодки в деревне не было, это была чужая лодка, и Сева и Игорь поплыли на ней дальше.

— Дальше Фролкиного брода не уплывут, — сказал Жердяй, — там мостики всю реку перегораживают. А за мостиками — мельница с плотиной.

— А далеко до Фролкиного брода? — спросил Миша.

— Верст десять будет, — неуверенно ответил Жердяй. — До ночи доберемся.

— Так ведь надо еще Генку и Славку подождать, — уныло проговорил Миша. — Пока вернутся Генка и Славка, день уже пройдет.

Полуденный зной сменился вечерней прохладой. Рои комаров закружились над рекой. Даль ее заволакивалась туманом. Длинные тени лежали на воде. И только за дальними горами сверкали последние бронзовые отблески заката.

Наконец явились со станции Генка и Славка, усталые, злые, запыленные. Станция оказалась совсем не близко. К тому же в деревне на них напали собаки, черт бы их побрал! И это вовсе не станция, а какой-то несчастный полустанок.

Здесь останавливается только один поезд, в десять часов утра. И никаких ребят никто не видел.

В двух словах Миша объяснил положение. Мальчики сели в лодку и двинулись дальше.

Сразу за деревней им преградили путь коровы. Они стояли в воде по всей ширине реки. Мальчики гребли осторожно. Стоявший на носу Славка яростно махал руками, но коровы только косились на него настороженными глазами и не двигались с места.

— Н-но, проходи, чего стала! — кричал Славка.

— Кому ты говоришь «но»? Ведь это не лошади, — сказал Генка. — Надо кричать «аллё».

— Аллё! — закричал доверчивый Славка.

Но и этот окрик не подействовал на коров.

Генка покатывался с хохоту.

И только размахивая веслами и подняв страшный крик, мальчики заставили коров посторониться и проложили себе дорогу.

Некоторое время они плыли без особых приключений.

Погасли последние огни заката. Река сразу стала безмолвной. Мальчики молчали. Уж очень пустынно и тоскливо было вокруг.

— Где же Фролкин брод? — спросил Миша.

— Скоро должен быть, — ответил Жердяй.

Быстро темнело. Берега теряли свои очертания.

Ничего не поделаешь, придется остановиться на ночевку, иначе в темноте они могут проглядеть Игоря и Севу.

Глава 22
Путешествие продолжается

Они устроились на ночлег в большом стогу сена; перенесли туда свои вещи, а лодку вытащили из воды и приторочили цепью к дереву. На ужин им достались только кусочки хлеба, смоченные речной водой.

Последние лучи солнца светились в верхушках деревьев, но на лесных тропинках лежали густые тени. Утих птичий гомон. Сразу пропали куда-то шмели и мухи.

И вот уже в кустах и на траве заискрились светлячки. Новые звуки оживили лес: визгливо хохотал филин, отвратительно закричала сова; она то плакала жалобно, как маленький ребенок, то стонала, как тяжелобольной, свистела, пищала, то просто ухала: «Уху! Уху!..» И этот крик сразу напомнил мальчикам лодочника.

Им стало жутко. В сене что-то шуршало. Генка предположил, что это змеи. Но Жердяй уверил его, что змей здесь нет.

Опять прокричала сова.

— Вот раскричалась! — поежился Генка. — Не

надоело ей.

— Еще, бывает, леший так кричит, — сказал Жердяй.

Генка заворочался на сене и засмеялся.

— Вот-вот, ты еще сегодня про леших не рассказывал.

— В лесу лешие водятся, — убежденно сказал Жердяй, — а в болоте — болотные, моховики, боровики. В воде — водяные и еще русалки. А в избе — домовые.

— Сам-то ты их видел? — громко зевнул Генка.

— Разве их увидишь! — тихо засмеялся Жердяй. — Их только колдун или ведьма могут увидеть. А чтобы человек увидел — этого не бывает. А пойдешь в лес, леший тебя и начнет кружить… Кружит, кружит… Пять верст пройдешь и опять на старое место выйдешь. Почему так получается? А потому, что леший кружит.

— Не поэтому, — сказал Миша.

— А почему?

— Вот почему. Когда человек идет, то он левой ногой делает шаг чуть больше, чем правой, и постепенно забирает вправо. И в результате получается круг. Понял?

— Как же так? — Генка приподнялся на локте. — Значит, если я иду по улице по левой стороне, то

постепенно приду на правую?

— Нет, — возразил Миша, — на улице есть ориентир — сама улица. Человек идет и незаметно для самого себя все время исправляет шаг. А в лесу прямого ориентира нет, и человек своего шага не исправляет. Правильно, Славка, так я объяснил?

Но в ответ он услышал только тихое посапывание. Славка спал.

— Последуем его примеру, — сказал Миша, — а то завтра рано вставать.

…С первыми лучами солнца Миша проснулся и начал будить ребят.

Жердяй поднялся сразу. Славке очень не хотелось вставать, но он пересилил себя и, зевая, поплелся к реке умываться. Генка же зарылся в сено и так скрючился, что за него невозможно было уцепиться. Спал он даже тогда, когда ребята потащили его к реке. И только когда раскачали, чтобы бросить в воду, он проснулся, вырвался и объявил:

— Зря будили, я бы сам проснулся к завтраку.

Но завтрак не из чего было готовить. Подтянув потуже пояса, мальчики сели в лодку и двинулись в путь.

Они проплыли версты три. Вдруг Генка потянул носом раз, другой и сказал:

— Ребята, каша!

Мальчики тоже принюхались. Действительно, пахло кашей, пшенной, чуть пригорелой. Пахло так густо, смачно, аппетитно, что у мальчиков даже слезы навернулись на глаза.

— Пахнет с правого берега, — деловито сказал Миша. — Жердяй, правь туда, а вы, ребята, нажмите!

Вдохновленные все усиливающимся запахом каши, ребята нажали на весла. Миша стоял на носу лодки, поворачивая собственный нос то в одну, то в другую сторону…

Вскоре они увидели на пригорке белые палатки красноармейского лагеря. Возле коновязи били копытами кони, блестел на солнце длинный ряд умывальников, подвешенных к перекладине меж двух деревьев, трепетали на ветру красные полотнища с лозунгами, виднелись щиты на стрельбищах, рвы и насыпи. Но лагерь был пуст, красноармейцы, вероятно, были на ученье. Только у самого берега дымилась походная железная кухня. Из нее-то и пахло кашей. Красноармеец с красным от жара лицом орудовал у котла громадной шумовкой. Второй красноармеец, стоя на коленях, колол дрова и подбрасывал их в печь.

Мальчики подошли к кухне. Повар покосился

на них, но, ничего не сказав, отвернулся.

Мальчики стояли, хотя и понимали, что стоять глупо. Но ужасно хотелось есть, и они не знали, как приступить к делу. Наконец Миша спросил:

— Скажите, пожалуйста, товарищи, здесь вчера не появлялись два пионера, два мальчика в лодке? Мы их разыскиваем.

Повар даже не обернулся. А его помощник сказал:

— Не видали. Может, и были. Не видали.

Опять наступило молчание.

Генка льстиво посмотрел в спину кашевару:

— Вам не надо чем-нибудь помочь?

Повар скосил на него сердитые глаза, отвернулся и сказал:

— Игнатюк, миски!

Второй красноармеец поднялся, достал из-под навеса четыре глубокие алюминиевые тарелки. Повар большой черпалкой наложил в них кашу, затем другим черпаком, поменьше, полил кашу маслом. Генка сбегал к лодке за ложками. Обжигаясь, мальчики принялись за еду. Некоторое время слышалось только громкое чавканье и хлюпанье каши.

Когда тарелки были пусты, повар опять обернул к ним свое красное, сердитое лицо, посмотрел

каждому в глаза и ударил черпаком по котлу:

— Игнатюк, добавки!

Игнатюк собрал тарелки. Повар наполнил их новой порцией каши, меньше первой, но именно как раз такой, какая требовалась, чтобы окончательно насытиться. Повар хотя и не любил разговаривать, но хорошо знал свое дело.

— Игнатюк, — сказал он, не оборачиваясь, — сухим пайком по порции хлеба!

Игнатюк вынес из-под навеса по большому ломтю хлеба и вручил ребятам.

— Кру-гом марш! — не оборачиваясь, скомандовал повар.

— Спасибо! — весело прокричали мальчики и побежали к лодке.

В лодке Миша отобрал у всех хлеб, спрятал в мешок и, подняв кверху палец, глубокомысленно изрек:

— Свет не без добрых людей!..

Сытые и веселые, мальчики энергично гребли. Теперь-то уж близко Фролкин брод. А дальше, по словам Жердяя, Игорь и Сева уплыть не могли…

— А вот и Фролкин брод, — сказал Жердяй.

Речку перегораживали два бревна, опирающиеся на вбитые у берега сваи. Это и был Фролкин брод. Вдали слышался глухой шум.

— На мельнице вода шумит, — сказал Жердяй. — Тут она, плотина, близко.

На берегу лежала опрокинутая вверх дном лодка. Поднатужась, мальчики перевернули ее.

— Знакома тебе эта лодка? — с неожиданной тревогой спросил Миша Жердяя.

Заикаясь от волнения, Жердяй сказал:

— Кузьмина лодка, убитого.

— Не может быть! — закричал Генка.

Но Жердяй хорошо знал все лодки в деревне. Это была лодка Кузьмина.

Ошеломляющее известие! Мальчики испуганно переглянулись. Опять Кузьмин, опять загадочное убийство. И в эту историю замешаны Игорь и Сева. Как им досталась лодка Кузьмина? Где они ее взяли? Ведь когда Кузьмин и Николай поплыли на Халзин луг, Игорь и Сева были уже у иностранцев, то есть гораздо ниже Халзина луга. А с плота они сошли еще ниже, у Песчаной отмели…

— Они эту лодку взяли случайно, — неуверенно произнес наконец Миша, — не знали, что она принадлежала Кузьмину. Жердяй, ты уверен, что это лодка Кузьмина?

— Спрашиваешь!..

— Допустим, — продолжал Миша, — но ребята

этого не знали и не могли знать. Просто нашли беспризорную лодку. А вытащили ее на берег, чтобы хозяин увидел и забрал.

— Безобразие! — сказал Генка. — Из лагеря удрали, чужую лодку захватили…

— Подожди, не ругайся, — остановил его Миша. — Во всяком случае, ясно: Николай никуда не угнал и не спрятал лодку. А это очень важно. Найдем ребят и все разузнаем. Видите, лодка еще мокрая, ее недавно вытащили из воды. Может быть, даже сегодня утром. Тут какая деревня близко?

— Стуколово, — ответил Жердяй. — Версты три будет.

Мальчики оставили Жердяя стеречь обе лодки, а сами отправились в деревню.

Глава 23
Беглецы

Дорога шла сначала берегом, потом опушкой леса, затем круто поворачивала в поле.

По опушке за стадом коров шел пастух, парень с перекинутым за плечо кнутовищем. Две собачонки отчаянно залаяли на ребят, но, подбежав к ним, подхалимски завиляли хвостами.

— Пройдем мы тут в деревню? — спросил Миша пастуха.

— Пройдете, — ответил пастух. И долго потом смотрел вслед мальчикам.

Деревня, казалось, еще спала. На улице ни души, все ворота заперты, собаки и те не лаяли. Мальчики миновали сельпо и увидели большую избу с вывеской «Стуколовский сельсовет».

Двери в сельсовете были открыты настежь. Но внутри никого не было. Одиноко стоял обшарпанный стол с выдвинутыми ящиками. Висел на стене деревянный ящик телефона. Хлопала открытая оконная рама. Скрипели под ногами половицы, краска на них сохранилась только у стен, а в середине была вытерта.

Мальчики вышли из сельсовета и увидели старичка сторожа в тулупе, с колотушкой в руке. Он подозрительно уставился на них и спросил:

— Вам чего?

Мальчики объяснили, что они из лагеря, разыскивают двух ребят, приплывших сюда вчера на лодке.

Сторож молча слушал их, не то жуя что-то, не то просто шевеля губами. Потом строго сказал:

— Пошли!

— Куда?

— Там разберут! Пошли!

В полном недоумении мальчики последовали за ним. Сторож, смешно ковыляя в огромных рваных валенках, со странной и в то же время комичной подозрительностью поглядывал на ребят.

Так они дошли до большой пятистенной избы.

— Входите! — строго сказал сторож и вошел вслед за ними.

В темных сенях Миша нащупал ручку двери и потянул ее. Дверь открылась. Мальчики вошли в избу, и их глазам представилась такая картина.

За большим квадратным столом без скатерти сидели Игорь, Сева и милиционер. Обыкновенный милиционер в форме. Его фуражка и ремень

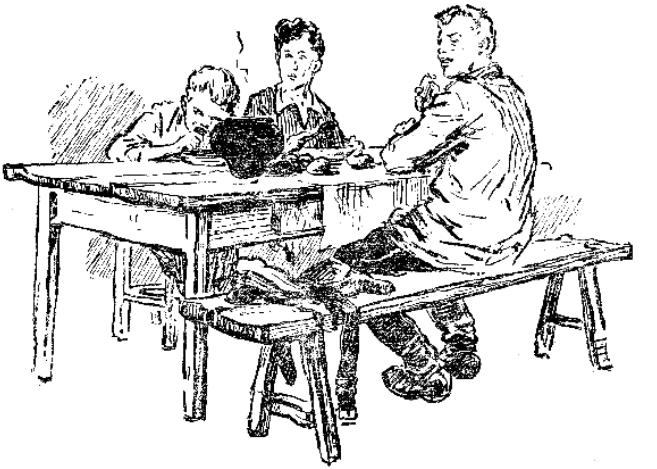
с пристегнутым пистолетом лежали на лавке.

У печи возилась хозяйка. Задняя половина комнаты была отгорожена ситцевой занавеской, за ней слышались визг и возня ребятишек.

Игорь, Сева и милиционер мирно ели картошку с огурцами. Но Миша сразу сообразил, что ребята арестованы. И ему стали понятны и удивление пастуха, и суетливая строгость сторожа.

— Вот, товарищ, — сказал сторож милиционеру, — еще троих привел. Этих двух разыскивали.

Из-за занавески высунулась белобрысая голова, за ней другая. Через минуту шесть ребятишек, белобрысых, нестриженых, в длинных рубахах, выстроились перед занавеской и молча уставились на вошедших мальчиков.



При виде своих товарищей Сева и Игорь перестали жевать и приподнялись. Но предупреждающий жест милиционера удержал их на месте.

— Кто такие? — с важным видом спросил милиционер.

Миша объяснил, кто они такие и зачем сюда явились.

— Так, — сказал милиционер, перебрасывая картошку с ладони на ладонь и дуя на нее. — Документы у вас есть?

При ребятах были комсомольские билеты, у Генки, кроме того, членские билеты МОПРа и

Авиахима. Все это они положили перед милиционером. Тот скосился на документы и снова принялся за картошку. Ел он ее долго, и все молча смотрели, как он это делает. Даже старик сторож, которому давно бы следовало отправиться на свой пост, не двигался с места. Игорь, чернявый, горбоносый нервный паренек с ежиком жестких черных волос на голове, беспокойно поглядывал то на мальчиков, то на милиционера. Сева, толстый, флегматичный, сидел, опустив голову, затем, не поднимая головы, протянул руку, взял огурец и захрустел на всю избу.

Наконец милиционер вытер губы и руки и начал рассматривать документы. Делал он это так долго, что Миша усомнился в его грамотности. Но милиционер назвал его фамилию, потом Генкину, Славкину и даже заметил, что у Генки не уплачены членские взносы в МОПР и Авиахим.

Однако документы произвели на него кое-какое впечатление, и он, вынув из сумки лист бумаги и карандаш, начал составлять протокол.

На вопрос, знает ли он «предъявленных» ему мальчиков, Миша ответил, что знает, назвал фамилию Севы и Игоря и их московский адрес. Милиционер сверил с показаниями Игоря и Севы и убедился, что сведения совпадают. На вопрос,

когда и зачем Игорь и Сева уехали из лагеря, Миша ответил, что уехали они третьего дня утром по глупости, что видно из оставленной ими записки. С бесстрастным видом милиционер приколол записку к протоколу.

В заключение Миша подписал протокол. Все в нем было написано правильно, хотя и с грамматическими ошибками.

— Почему вы их задержали? — спросил Миша.

— По подозрению, — ответил милиционер, затягивая на себе пояс и оправляя кобуру.

— Какому подозрению?

— В соучастии.

— Каком соучастии?

— Соучастии в убийстве гражданина Кузьмина.

— Что вы говорите! — закричал Миша. — Этого не может быть.

— Есть улики, — сказал милиционер, надевая фуражку. Он повернулся к сторожу: — Аким Семенович, я в уезд позвоню. А ты посмотри, — он многозначительно кивнул на мальчиков.

Сторож закрыл за милиционером дверь, придвинул табурет и уселся с видом, доказывающим его твердую решимость никого отсюда не выпускать.

Теперь мальчики могли поговорить.

— Добегались? — спросил Генка.

Игорь и Сева опустили головы.

— Расскажите, что произошло, — сказал Миша.

— Ни в чем мы не виноваты! — ответил Игорь дрожащим голосом.

Сева засопел, но ничего к этому не добавил.

— Почему вас задержали?

— Вот честное слово, — захныкал Игорь, — мы ни в чем не виноваты! У нас развалился плот. Видим — на реке лодка, беспризорная. Мы ее взяли, только доплыть сюда. А нам не верят…

— Лодку нашли на Песчаной косе? — спросил Миша.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Знаю, — ответил Миша с таким видом, по которому Игорь и Сева могли судить, что ему известно не только это, но и многое другое.

— Будете теперь знать, как из лагеря бегать! — добавил Генка.

— Когда вы прибыли к иностранцам и когда уехали от них? — спросил Миша.

Пораженные такой осведомленностью, Игорь и Сева рассказали, что к иностранцам они приплыли в первый же день, то есть во вторник, а уплыли от них на другой день, то есть в среду. И

как только уплыли, то почти тут же нашли лодку, пересели в нее и поплыли дальше. И вот здесь их задержали.

— А красноармейцы вас кормили?

— Кормили.

— Вот видите, а вы говорите, что сразу приплыли сюда. Надо точно рассказывать, а вы путаете. Вот вам и не верят.

Игорь и Сева опять понурили головы.

— Мы вас, конечно, выручим, — продолжал Миша, — хотя вы этого и не заслужили…

— Чтоб знали в другой раз, как из лагеря бегать, — вставил Генка.

Игорь и Сева еще ниже опустили головы.

— Вас, конечно, не стоит выручать, — продолжал Миша, — выкручивайтесь как хотите… Но мы вас выручим только ради чести и репутации отряда. Хотя вам, видно, наплевать и на то и на другое.

Игорь мотнул головой в знак протеста. Сева подумал и снова потянулся за огурцом.

— Да, да, — продолжал Миша, — вам наплевать… Если бы вы дорожили авторитетом отряда, то не сбежали бы. Теперь вся Москва говорит, что в нашем отряде нет ни дисциплины, ни порядка. Вам это безразлично, конечно… Что для вас

отряд, что для вас коллектив? Но мы дорожим репутацией отряда и выручим вас. Выручим вас, вернем в лагерь, и пусть все обсуждают ваш поступок. Посмотрим, как вы будете оправдываться, посмотрим…

Миша еще, наверно, долго выговаривал бы Игорю и Севе, но вернулся милиционер и объявил, что Игоря и Севу приказано доставить в город, к следователю.

— Мы тоже поедем, — заявил Миша, — одних ребят мы не отпустим.

— Проезд для всех свободный, — ответил милиционер.

Миша взял с собой Генку, а Славке велел вместе с Жердяем вернуться в лагерь. И он велел Славке ничего в лагере не рассказывать о злоключениях ребят. И если приедут их родители, то сказать, что ребята нашлись и скоро вернутся в лагерь.

Славка отправился к лодке. Милиционер с Игорем и Севой двинулись к станции. Вслед за ними зашагали Миша с Генкой.

Глава 24
В городе у следователя

Следователь оказался вовсе не таким, каким представлял себе Миша. Мише всегда казалось, что следователь должен быть высоким, мрачным, сосредоточенным человеком с настороженным и проницательным взглядом, подтянутый, молчаливый, недоверчивый.

Перед ними же сидел небольшой человек с самым обыкновенным лицом, серенькими глазами, рассеянный и, как казалось Мише, невнимательный. Заваленный папками шатающийся стол был покрыт рваным куском зеленого картона, усеянным чернильными кляксами и испещренным неразборчивыми надписями и ничего не значащими рисунками.

Следователь несколько раз выходил из комнаты, оставляя на столе бумаги, и Миша удивлялся этому: ведь бумаги несомненно секретные. И вообще, все здесь открыто, сотрудники громко разговаривают, люди входят и выходят. Это сильно поколебало Мишино уважение к учреждению, где, по его представлению, велась тайная, опасная

и самоотверженная борьба с преступниками.

Игоря и Севу следователь, казалось, совсем не слушал. Он писал и писал что-то постороннее: бумагу он передал другому сотруднику со словами: «Это к делу Кочеткова», и тут же принялся писать следующую. Когда Миша рассказывал про то, что на них напал лодочник Дмитрий Петрович, и про парней в лесу, то следователь был так невнимателен, что Миша обиженно замолчал.

Продолжая писать, следователь наконец спросил:

— Вы сумеете показать место, где нашли лодку?

— Конечно, — ответил Игорь. — У Песчаной косы.

— Сколько до нее от Халзина луга?

На этот вопрос ответил Миша:

— Верст семь или восемь.

Следователь поднял голову и, постукивая по столу карандашом, сказал:

— Семь верст… Как же там очутилась лодка? Отнести ее течением не могло: расстояние большое, река узка и извилиста, лодку бы обязательно прибило к берегу. Значит, лодку отогнали. Кто? Рыбалин? Но какой ему смысл отгонять лодку на такое расстояние и затем возвращаться обрат-

но? Допустим, что убийца не Рыбалин, а кто-то другой. И этот другой отогнал лодку. Зачем? Ведь таким образом он только наводит на свой след, доказывает свое присутствие, в то время как его задача — скрыть свое присутствие и свалить все на Рыбалина. Третья возможность: лодку увел посторонний человек. Но убийство произошло вчера утром, и лодку вы нашли тоже вчера утром. Следовательно, она была отогнана сразу после убийства. И этот случайный человек не мог не видеть того, что произошло на берегу, хотя бы тела убитого Кузьмина.

Он на минуту задумался, потом продолжал:

— Рыбалин категорически отрицает свою причастность к убийству. Улики против него тяжелые, но обстоятельства еще неясны. Одним из обстоятельств, кстати, самым загадочным, и является угон лодки. Будь лодка на Песчаной косе, нам было бы легче найти человека, пригнавшего ее туда. Но вы забрали лодку и этим запутали следы. Теперь все сложнее.

Игорь и Сева сидели не поднимая глаз, подавленные сознанием своей вины.

— Все, что вы рассказали, — правда? — спросил следователь и первый раз посмотрел на мальчиков так, как, по мнению Миши, и полагалось

смотреть следователю: пытливо и строго.

— Честное слово! — в один голос сказали Игорь и Сева.

Миша заявил, что ручается за мальчиков.

— Верю, — сказал следователь, — но ребята еще могут мне понадобиться. Придется дня на два задержаться в городе. У кого бы они могли остановиться? Есть у вас в городе знакомые?

Знакомых у ребят не было.

— Куда же вас девать? — задумался следователь. — Вот что… Я дам записку в губоно. Ребят дня на два поместят в детдом, а потом мы их переправим в лагерь.

Он написал записку и передал ее Мише.

— А к кому там обратиться? — спросил Миша.

— Кто там… Обратитесь лучше всего к товарищу Серову. Детские учреждения в его ведении.

Серов, Серов… Кто же это такой? Знакомая фамилия… Ах да, ведь это им подписана охранная грамота на усадьбу…

— Вы их надолго задержите? — спросил на прощание Миша.

— Дня два, не больше, — ответил следователь.

Глава 25
Серов

Серов был одет в обычный костюм губернского совработника: галифе, сапоги и защитный френч с большими накладными карманами. Ведал он в губоно хозяйственными делами и сидел в отдельном кабинете за большим письменным столом с круглыми резными ножками.

При взгляде на Серова Мише сразу вспомнился урок геометрии, на котором они рисовали куб и шар. Только там куб и шар стояли рядом, а здесь шар был водружен на куб: к короткому квадратному телу была привинчена большая, круглая, совершенно лысая голова. Шеи не было вовсе, ее заменяли несколько толстых складок между головой и туловищем.

Жирные губы, маленькие живые карие глазки и сытая улыбка придавали лицу Серова такое выражение, точно он только что встал из-за обильного стола, но не прочь вернуться к нему. Его квадратное тело, утолщенное оттопыренными на жирной груди накладными карманами, покоилось в кресле неподвижно, а голова верте-

лась во все стороны, как у тех кукол, у которых голову можно повернуть задом наперед и даже обернуть несколько раз вокруг оси.

— Написано двое, а вас четверо, — сказал Серов, переводя живой взгляд с одного мальчика на другого. Миша показал на Игоря и Севу:

— Это про них.

— Зачем они нужны следователю?

Миша рассказал об убийстве Кузьмина.

— Что за Карагаево? — спросил Серов.

— Карагаево. Там, где бывшая графская усадьба.

— Знаю, знаю. — Серов закивал головой и многозначительно поднял короткий толстый палец. — Историческая ценность.

Потом он подробно расспросил об обстоятельствах убийства, про лагерь, про деревню, про то, как Игорь и Сева попали на реку и угнали лодку. Слушая Мишин рассказ, он одобрительно кивал головой. Что именно он одобрял, ребята так и не поняли. А когда Миша рассказал про лодочника, то Серов даже всплеснул руками, и на лице у него появилось огорченное выражение: «Вот, мол, какие дела творятся на белом свете»…

Но еще больше огорчился Серов, когда узнал, что Миша не рассказал следователю о встрече с

иностранцами. Как же так? Надо было рассказать. Следователю все важно.

— Иностранные коммунисты, — удивился Миша, — при чем здесь они?

Серов живо ответил:

— Я не говорю, что они причастны, но иностранцы! Ведь вы не видели их документов. Может быть, они не коммунисты. Надо быть начеку.

Краснея от волнения, Миша сказал:

— И Рыбалин никого не убивал, и иностранные коммунисты здесь ни при чем.

— Хорошо, хорошо, — сразу согласился Серов, — это дело следствия, путь они занимаются…

Он вдруг засмеялся тонким, как у девчонки, смехом, а потом начал обстоятельно рассказывать про усадьбу, про ее историческую ценность. Это гордость губернии, говорил Серов, ее инвентарь хранится в местном краеведческом музее, в разделе «Быт помещика XVIII столетия». Ребята как сознательные комсомольцы должны беречь усадьбу, ничего в ней не трогать и не портить. Усадьба, сказал Серов, — достояние народа. Настоящие революционеры должны беречь и охранять достояние народа.

Говорил он быстро, все время перебегая своими живыми карими глазами с одного мальчика

на другого. Но ребятам ужасно хотелось спать. Чтобы не заснуть, Генка вертелся на стуле, Игорь хлопал глазами, а Сева встряхивал головой, которая поминутно падала на грудь. Миша хотел прервать Серова, но ему не удавалось вставить ни одного слова.

В заключение Серов сказал:

— Теперь насчет ребят. Поместить их в детский дом я не могу. Нет свободных мест, и нет свободных пайков.

Миша с удивлением посмотрел на Серова. Зачем же он их держал целый час? Дело к вечеру, как и где теперь устраивать ребят?

— Нет свободных мест, нет свободных пайков, — повторил Серов и нетерпеливо заерзал в своем кресле.

— Здрасте! — сказал Генка. — Что же им, на улице ночевать?

Серов задумался, потом спросил:

— У вас есть знакомые в городе?

— Нет.

— Никого?

— Никого!

— Ладно, — сказал вдруг Серов, — я этих ребят подержу два дня у себя дома. Не на улице же им, в самом деле, ночевать. — Он сокрушенно покачал

лысой головой. — Хороши в угрозыске: вызывают и бросают детей на улице… Вот вам и беспризорничество… Мы боремся с беспризорностью, а они ее создают.

Он встал. И оказалось, что хотя он широкоплеч и тучен, но совсем мал ростом. Почти такой же, как и ребята.

— Вот так, — сказал Серов, — подержу их два дня у себя. Будут сыты.

Глава 26
Борис Сергеевич

Выйдя из губоно, ребята столкнулись с директором московского детского дома Борисом Сергеевичем, тем самым, который с Коровиным приезжал несколько дней назад в усадьбу и разговаривал с «графиней».

Услышав, что ребята были у Серова, он спросил:

— Велел вам убираться из усадьбы?

— Нет, почему? — удивился Миша. — Мы у него были совсем по другому делу… Я бы вам рассказал, да вот, — он показал на Игоря и Севу, — надо ребят отвести…

— Я вас провожу, — сказал Борис Сергеевич.

По дороге Миша рассказал Борису Сергеевичу о происшествиях последних дней. Генка живописно прокомментировал его рассказ. Борис Сергеевич пожал плечами:

— Здесь два детских дома. Оба наполовину свободны. Почему же Серов не поместил ребят туда? Непонятно.

— Он решил, что Игорю и Севе будет у него

лучше, — сказал Генка, — все же домашняя обстановка.

— Серов мог бы так и сказать, — ответил Борис Сергеевич, — но он сослался на то, что детдома загружены, а это неверно.

— Мы не могли отказаться, — сказал Миша, — ребят-то надо куда-то поместить.

— Да, конечно, — согласился Борис Сергеевич.

— А как же иначе? — подхватил Генка. — У Серова их и накормят, и напоят, и в постельку уложат… «Накормила, напоила и поесть дала ему»… Везет этим дурачкам, честное слово! Из лагеря убежали, всех растревожили, в дурацкую историю влипли и вышли сухими из воды. Им бы не у Серова на пуховиках прохлаждаться, а посидеть бы эти два дня в милиции…

— Откуда ты знаешь, что у Серова пуховики? — возразил Игорь.

— Знаю. По лицу видно, что на пуховиках спит.

— Какой проницательный! — засмеялся Борис Сергеевич.

Серов жил на окраине, и им пришлось пересечь весь город.

— Ну и город! — разглагольствовал Генка. — Даже трамвая нету. И смотрите, как интересно — все

улицы называются: Стрелецкая, Сторожевая, Пушкарская, Солдатская, Ямская… Старинный город. Наверно, здесь раньше крепость была.

— Город старинный, — подтвердил Борис Сергеевич, — он существовал еще до возникновения Москвы.

— Вы по поводу трудкоммуны приехали? — спросил Миша.

— Да, — нахмурился Борис Сергеевич.

Но как обстоит дело с трудкоммуной, рассказывать не стал.

Зато он подробно расспросил об убийстве Кузьмина. В ответ на уверения Миши, что Рыбалин к этому непричастен, Борис Сергеевич сказал:

— Мне трудно судить. Я не знаю обстоятельств дела. Но виноват тот, кто заинтересован в убийстве Кузьмина.

Наконец они дошли до квартиры Серова.

Это был одноэтажный домик с небольшим крылечком и тремя окнами, завешенными белыми занавесками. За длинным забором, выкрашенным, как и дом, в ярко-красную краску и утыканным сверху длинными, острыми гвоздями, виднелись верхушки яблонь и груш. Возле двери висела на проволоке ручка звонка.

— Устраивайте свои дела, я подожду вас, — ска-

зал Борис Сергеевич и медленно пошел вдоль улицы.

Мальчики поднялись на крыльцо. Миша потянул ручку звонка. За дверью послышался металлический грохот, потом шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Мы от товарища Серова, — ответил Миша.

Загремели запоры. Дверь открылась. На пороге стояла высокая красивая женщина в ярком халате, на котором были нарисованы зеленые и желтые цветы.

— Нас прислал товарищ Серов… — начал Миша.

— Я знаю, — проговорила женщина, и ее тонкие губы брезгливо искривились. — Кто остается?

Миша показал на Игоря и Севу:

— Вот они…

Она сделала шаг назад и шире раскрыла двери:

— Проходите!

Игорь и Сева нерешительно вошли в дом. Женщина сразу захлопнула за ними дверь.

Несколько озадаченные таким приемом, Миша и Генка стояли на крыльце.

— Я думал, что и нас обедом угостят, — уныло проговорил Генка.

— Угостят! Как же! — ответил Миша. — До-

жидайся! — И он с возмущением посмотрел на дверь: даже попрощаться не дали с ребятами.

Но на кого похожа эта женщина? Определенно знакомое лицо. Может быть, на кого-нибудь из жильцов их дома на Арбате?..

— Честное слово, — сказал Генка, — еще немного — и я умру от голода…

Глава 27
Быт помещика

Генка не умер с голоду. Через час мальчики вместе с Борисом Сергеевичем вышли из столовой Нарпита с животами, туго набитыми щами и рисовой кашей.

За обедом Борис Сергеевич рассказал, что с трудкоммуной пока ничего не получается. Возражает Серов, его поддерживает кое-кто из местных руководителей. Ссылаются на историческую ценность усадьбы. Следовательно, сказал Борис Сергеевич, задача заключается в том, чтобы опровергнуть эту версию. А ее можно опровергнуть. Он уже собрал в Москве кое-какие данные. С этой же целью он сейчас пойдет в местный краеведческий музей. Там хранится обстановка усадьбы. Возможно, в музее найдется кое-что полезное.

— Нам Серов тоже рассказывал про музей, — сказал Миша. — Можно, мы с вами туда пойдем?

— Пожалуйста.

— Ну вот, — скривился Генка, — охота тебе тащиться в этот музей! Что там интересного? Опять бивни мамонта. В какой музей ни придешь, всю-

ду бивни мамонта. Все хотят доказать, что в их губернии когда-то обитали мамонты. А если и обитали, какое это имеет значение?

— А вдруг, кроме бивней мамонта, там есть еще что-нибудь, и что-нибудь интересное? — заметил Борис Сергеевич.

— Нет уж, — возразил Генка, — ничего, кроме бивней, там нет. Еще, наверно, рака с мощами какого-нибудь святого. Да и в этой раке одна только труха и опиум для народа.

— Не хочешь — не ходи, — сказал Миша, — отправляйся на вокзал и жди меня.

— Нет уж, чем на вокзале болтаться, я лучше пойду в этот несчастный музей, — заявил Генка.

Генка оказался прав. Первое, что они увидели при входе в музей, были именно бивни мамонта. Изогнутые, желтоватые, они украшали маленький вестибюль музея, свидетельствуя, что и эта губерния не отстала от других по части мамонтов.

От вестибюля по всей окружности музея тянулась длинная анфилада комнат. Каждая была «отделом». Отдел животного мира, полезных ископаемых, растительного царства, кустарных промыслов, земледелия, истории края… Впрочем, история края занимала несколько комнат. На

одной из них висела табличка: «Быт помещика XVIII столетия». В этом отделе и находилась обстановка усадьбы.

Это была экспозиция гостиной. За канатом стояла мебель красного дерева: стол, диван, кресла и стулья, обитые темно-красным атласом, каминный экран с нарисованными на нем китайскими птицами, большая арфа с порванными струнами, два высоких зеркала с канделябрами по бокам.

Были здесь еще три шкафа. В первом, под названием «Одежда помещика», стояли манекены в старинных парадных одеждах с медалями, орденами, звездами и голубыми лентами через плечо. Во втором («Досуг помещика») лежали длинные трубки, чубуки, игральные карты, бильярдные шары и шахматы из слоновой кости. В третьем («Отдых помещика») стоял почему-то обеденный сервиз, обложенный огромными пистолетами и другим старинным оружием.

Генка комментировал быт помещика очень неодобрительно:

— Зачем такие длинные трубки? Как из них курить? Потаскай за собой такую трубочку! Или кафтан. Как в нем ходить? А халаты… Какое старье! И кому это интересно?! Отдых помещика, досуг помещика, кому это нужно? Нет у нас ни-

каких графов, никаких помещиков, зачем же выставлять их напоказ?..

Но Миша не слушал Генку. Ее внимание сразу привлекла бронзовая птица. Такая же, как и в усадьбе, но гораздо меньше. Она стояла на мраморной подставке и круглыми злыми глазами смотрела на мальчиков.

— Смотрите, Борис Сергеевич, — сказал Миша, — точно такой же орел, как и в усадьбе.

Борис Сергеевич оторвался от висевших на стене таблиц, которые он внимательно рассматривал.

— Эта птица нарисована на гербе графов, — сказал он, — а вот для чего сделаны их бронзовые изваяния, не знаю. Возможно, графская прихоть. — И он снова отвернулся к таблицам.

Мише вдруг захотелось спать. Вот так всегда! Как только придешь в какой-нибудь музей, так обязательно тебя одолевает сонливость. Почему в музеях так клонит ко сну? Хочется поскорее пробежаться по залам и выйти на улицу.

Но Мише было неудобно перед Борисом Сергеевичем. Он призвал на помощь всю свою волю и продолжал осмотр картин и таблиц, показывающих богатство графов и изображающих их быт. На одной картине секли крепостного. Он лежал

на скамейке, связанный по рукам и ногам. По сторонам стояли два молодца в красных рубашках, с прутьями, с картинно поднятыми руками, в некотором отдалении — сам помещик в халате с длинной, до самого полу, трубкой в зубах.

Затем висела большая карта уезда, на которой разными красками было показано, что графы Карагаевы владели таким же количеством земли, сколько имели две тысячи крестьянских дворов. Крестьянская земля была обозначена красным цветом, а графская — черным. И она представляла собой большой массив по обоим берегам Утчи, вплоть до речушки Халзан, той самой, где убили Кузьмина…

Перед картой Борис Сергеевич стоял особенно долго и даже срисовал ее. И он объяснил Мише, что после революции почти вся графская земля была роздана крестьянам. Только некоторая ее часть осталась при усадьбе. Но и ее позабирали себе деревенские кулаки. И если будет организована трудкоммуна, то кулакам придется землю вернуть.

— Как же, — усмехнулся Генка, — так они вам ее и вернут! Попробуйте получите у Ерофеева…

Была здесь еще одна карта. Она изображала, каким богатством владел граф в России. Кроме

Карагаева, у него было еще три имения и, помимо этого, рудники на Урале.

— Безобразие! — возмутился Миша. — Один человек всем владел, а другие ничего не имели! Ведь это же несправедливо! А правда, что на Урале у него были алмазные россыпи?

— Были, — подтвердил Борис Сергеевич. — Старый граф упорно искал на Урале алмазы. Но, кажется, ничего существенного не нашел. Ведь алмазы ценятся только крупные. А больших он не находил. Но через всю историю этой фамилии проходят какие-то загадочные происшествия с драгоценными камнями. Кто-то кого-то убивал, кто-то сходил с ума. Перед самой революцией старого графа даже лишили всех прав, и состоянием завладел его родной сын. В общем, грязные истории.

— Ну и черт с ними! — сказал Генка. — Пойдемте отсюда. Даже противно стоять здесь!

Когда они уходили, Миша оглянулся. И ему, как и тогда в усадьбе, показалось, что бронзовая птица зловеще смотрит им вслед…

Часть третья
Голыгинская гать

Глава 28
Сенька Ерофеев

Жизнь лагеря снова вошла в свою обычную колею. Привычный распорядок дня — сигнал побудки, утренняя линейка, подъем флага, работа в деревне, игры, беседа у костра. Но ощущение того, что отряд окружает какая-то тайна, не покидало Мишу.

Вина Николая Рыбалина не доказана, но он пока и не оправдан. Зато лодочник ходит как ни в чем не бывало. Встречая Мишу, он ухмыляется так, будто тогда, на реке, ничего не произошло. Даже подмигнул один раз.

С лодочником связана «графиня». Что-то отправляла в лес. И кулак Ерофеев с ними заодно. Да… Во всем этом надо обязательно разобраться: ведь может пострадать невинный человек!

Но как действовать? Пойти в лес, узнать, что это за парни? Но где их там искать? Да и опасно. Сам бы он, конечно, пошел. А ребята? Мало ли что может случиться, а он за них отвечает.

Значит, остается только одно: узнать, что повез лодочник в лес. Узнать через Сеньку Ерофеева.

Ведь он тоже перетаскивал мешки в лодку. Конечно, так просто он не скажет. А попытаться надо. Вдруг проболтается…

Генка поддержал этот план.

— Но тебе неудобно, — сказал он, — ты вожатый, ребята тебя стесняются. А мне Сенька все выложит, будь уверен.

— Что-нибудь сделаешь не то, — усомнился Миша. — Так напортишь, что потом и не исправишь.

Но Генка заверил его, что будет осторожен и осмотрителен. Разве он не выполнял серьезных поручений!

Генка еще не обдумал плана действия. Как всегда, он надеялся на случай. Важно заговорить, а там будет видно.

Пионеры занимались оборудованием клуба. Им помогали деревенские ребята. Только Сенька и Акимка не принимали участия. Они сидели на куче бревен, грызли семечки и, лениво поругиваясь, перекидывались картами. Генка остановился возле них и, изобразив на лице любопытство, стал смотреть на их игру.

— Садись с нами, — предложил Сенька, тасуя колоду.

Генка присел на бревна:

— В карты не играю, а посмотреть — посмотрю.

— Не бойся, — усмехнулся Сенька, — не на деньги. На щелчки.

Генка важно ответил:

— Со мной играть нельзя. Я кого угодно обыграю.

— Так уж обыграешь?

— Точно тебе говорю. Дай колоду.

Генка взял колоду, перетасовал ее и показал карточный фокус.

Фокус был несложный. Но Сенька и Акимка были потрясены. Так, во всяком случае, показалось Генке. Уж очень удивленно они смотрели на него.

Довольный своим успехом, Генка деланно равнодушным голосом проговорил:

— Я и не такие вещи могу отгадать. Вот посмотрю на человека и сразу скажу, что он сегодня делал и что вчера делал и позавчера.

— Это ты врешь, — усмехнулся Сенька.

— Могу доказать!

— Ну, чего я вчерась делал?

— Ишь ты! Так я тебе и сказал.

— Конечно, не скажешь: откуда тебе знать.

— Значит, не знаю?

— Не знаешь!

— Не знаю?

— Нет!

— А если знаю?

— Так скажи!

— Так вот, — внушительно сказал Генка, — если я тебе скажу, что ты делал вчера, то ты мне скажешь, что ты делал позавчера.

— Ладно.

— Вчера ты на мельницу ездил, — сказал Генка.

— Верно! — пробормотал Сенька. — Это ты мог и видеть…

— Где я мог видеть? На мельнице я не бываю. Просто посмотрел на тебя и отгадал. А теперь ты скажи, что ты позавчера делал.

Сенька исподлобья посмотрел на Генку:

— Думаешь, только ты один можешь отгадывать?

— При чем здесь один или не один? Мы с тобой условились — вот я и отгадал. Теперь ты скажи, что делал позавчера, а я уж скажу, правду ты говоришь или неправду.

— Какой ловкий! Думаешь, ты один мастак отгадывать? И другие есть.

— Я что хошь отгадаю, — хрипло проговорил

Акимка, большим загнутым пальцем ноги чертя на песке фигуры.

— Что ты можешь отгадать? — насмешливо спросил Генка.

— А что хошь.

— Верно, верно, — подтвердил Сенька, — Акимка все отгадает.

— Что же он может отгадать? — продолжал допытываться Генка.

— А что хошь, — Сенька повернулся к Акимке. — Вот, Акимка, мы тут одну вещь спрячем, а ты найди. Найдешь?

— А чего ж…

— Ладно. Давай…

Акимка поплелся к сараю.

— Не оглядывайся! — крикнул ему вдогонку Сенька.

Акимка уткнулся лицом в сарай.

— Так, — прошептал Сенька и вытащил из-за пазухи яйцо — обыкновенное куриное яйцо. — Видал? Пусть ищет. Ввек не найдет.

Генка подозрительно посмотрел на Сеньку. А что, если они в сговоре с Акимкой? Ведь друзья. Может быть, они его разыгрывают. Ладно, пусть попробуют!

— Давай его под бревно спрячем, — предло-

жил он.

Сенька замотал головой:

— Не годится! Враз найдет! Вот что мы сделаем. Наденем шапки, а под шапку и положим. Пусть ищет! Ввек не найдет.

И не успел Генка ничего ответить, как Сенька приподнял его кепку, осторожно подсунул под нее яйцо и снова надвинул Генке козырек на лоб.

— Здорово будет! — зашептал Сенька. — Ни за что не найдет. А мы ему пять горячих за это влепим.

«Хорошо, — подумал Генка, — пусть яйцо будет у меня. Но обмануть им меня не удастся».

— Все? — спросил он.

— Все!

— Хорошо, — сказал Генка, — только условие: повернемся к нему спиной, и пусть он так ищет.

— Зачем?

— Чтобы ты ему не подмигнул.

— Ладно, — согласился Сенька.

Они сели спиной к Акимке.

— Давай, Акимка, можно! — крикнул Генка. — И, если ты ему хоть слово скажешь, я играть не буду.

— Ладно, ладно, — пробормотал Сенька.

Мальчики сидели не оборачиваясь. Сзади них послышались шаги и сопенье Акимки.

— Чего отвернулись? — спросил он.

— Ищи, ищи, — ответил Генка, торжествуя в душе.

Ловко он их провел! Эта штука, видимо, у них давно разыграна. Сенька должен каким-нибудь условным знаком показать Акимке, где спрятано яйцо. А на то, что придется отвернуться, они, конечно, не рассчитывали. Пусть поищет!

И Генка искоса поглядывал на Сеньку, опасаясь, что тот подаст Акимке тайный знак. Но Сенька сидел спокойно, сложив руки на коленях. Спиной он, конечно, ничего не сумеет изобразить. Попался! Теперь-то уж придется рассказать, что делал позавчера…

Мальчики, с надвинутыми на лоб кепками, сидели на бревне не оборачиваясь. Акимка ходил и сопел сзади них.

— Отгадывай скорей, — сказал Генка. — Целый год будешь искать?

— Сейчас, сейчас, — ответил Акимка.

Он засопел где-то совсем у Генкиного уха, и не успел Генка опомниться, как Акимка изо всех сил ударил ладонью его по голове, прямо по кепке. В ту же секунду липкая, вонючая яичная жижа

потекла Генке на лоб и глаза.

Разъяренный Генка вскочил и сорвал с себя кепку. Жижа потекла сильнее, залепляя глаза. Яйцо было тухлым. Генке казалось, что весь он с головы до ног издает нестерпимое зловоние.

— А ты говорил, не отгадает! — покатывался с хохоту Сенька.

Акимка со своим обычным понурым видом что-то чертил на песке кривым ногтем ноги.

Краем рубахи и пучком травы Генка вытер лицо и голову (носовой платок он, как всегда, забыл в палатке) и сказал:

— Ладно, ваша взяла. В другой раз не разыграете!

— Там посмотрим, — отрезал Сенька. — Больно вы много из себя воображаете!

И уже совсем злобно добавил:

— Подумаешь, комсомольцы!

Глава 29
Гвоздь

В мрачном настроении вернулся Генка в клуб.

Там кипела работа. Заделывались дыры в стенах, выравнивались земляные полы, устраивались сцена, кулисы и занавеси, стеклились окна, в полы вкапывались столбики, к ним прибивались доски — будущие скамейки; ребята писали лозунги, рисовали плакаты, устанавливали елки вдоль стен, а под потолком подвешивали гирлянды из елочных ветвей вперемежку с разноцветными бумажными флажками.

— Ну как? — спросил Миша.

— Пока ничего, — мрачно ответил Генка.

— Не проболтался?

— Нет!

— А почему желтые пятна на лице?

— Где?! — Генка провел рукой по щеке. — Ничего, просто так... Они меня, черти, с яйцом разыграли...

— И ты попался?

— Я не знал.

— Не знал, как с яйцом разыгрывают... Эх ты!

— Что же ты меня не предупредил?

— Откуда я знал, что ты попадешься на такой дешевый розыгрыш?

Генка обиделся:

— И ты еще смеешься! Ну, попался, что же из этого? Во всяком случае, я вел себя осторожно. Сенька ни о чем не догадался. Так что можешь не беспокоиться.

— А это главное, — примирительно сказал Миша. — Ладно! Все, что нам надо, мы узнаем. А пока бери этот плакат, влезай на лестницу и прибей его вот здесь, на стене.

Расстроенный Генка взял плакат, подтащил к стене лестницу, зажал в зубах четыре гвоздя и с молотком в руках полез наверх.

Он прибивал плакат, но мысль о постигшей его неудаче не выходила из головы. Как хорошо все шло! А теперь Сенька будет над ним смеяться… При всех. Очень приятно!..

Растравляя себя таким образом, он вбил один гвоздь, потом другой. И когда он вынимал изо рта третий гвоздь, то обнаружил, что четвертого гвоздя нет. Куда же он делся? Ведь он не выронил ни одного гвоздя. Генка пересчитал прибитые гвозди — ровно три! Затем осторожно пошарил языком за одной щекой, потом за другой — нет!

Генка похолодел: неужели он проглотил гвоздь?

Гвозди маленькие, обойные, проглотишь — и не заметишь. Генка медленно спустился с лестницы и тщательно осмотрел пол. Может быть, он уронил гвоздь?.. Нет, нигде нет!.. Генка выпрямился, и в эту минуту у него закололо в животе, под ложечкой… Закололо и перестало… Так и есть — проглотил гвоздь! Что же будет?!

Вытаращив от ужаса глаза, Генка хватал себя то за грудь, то за живот. Он уже чувствовал, как гвоздь медленно движется у него по пищеводу. То тут заколет, то там… И вот сейчас на каком-нибудь повороте гвоздь застрянет и начнет прокалывать ему и кишки и желудок.

— Что с тобой? — спросил Славка.

Генка глотнул воздух и, едва дыша, произнес:

— Проглотил…

— Что проглотил?

— Гвоздь.

Это потрясающее известие было сообщено подошедшему Мише, затем подбежавшей Зине Кругловой, Киту, Бяшке. Через несколько минут все окружили Генку.

— Как же ты проглотил его? — спросил Миша.

Но Генка только разевал рот и делал рукой

движения, показывающие, как гвоздь совершает свой путь по животу.

— Может быть, ты его не проглотил? — с надеждой в голосе спросил Миша.

Генка растопырил четыре пальца и прошептал:

— Было четыре, осталось три…

— Надо его по спине ударить, — предложила Зина Круглова.

— Что ты, что ты! — закричал Бяшка. — Только хуже будет: вобьем гвоздь в кишки и больше ничего. Рвотное — вот единственное средство.

— Рвотное? — ужаснулся Кит. — Ты с ума сошел! Разве можно так просто выдирать гвоздь обратно? Он обязательно застрянет. Помню, я однажды кость проглотил…

— Подожди ты со своей костью! — перебил его Миша. — Нашел когда о кости рассказывать!..

— Нужно Генку опустить вниз головой, — предложил Сашка Губан, — потрясти за ноги, гвоздь и выскочит.

Слушая эти приятные советы, Генка только поворачивал голову то в одну, то в другую сторону.

— Вы его в земскую отведите, — посоветовал Жердяй.

— Что за земская?

— Больница земская. В соседней деревне.

— Он не дойдет.

— А вы его на лошади. Попросите у председателя подводу и отвезите.

Миша с Жердяем побежали к председателю сельсовета. Через некоторое время они вернулись на подводе. Генка сидел на стуле и стонал, поминутно хватаясь то за грудь, то за живот. Ему казалось, что проглоченный гвоздь путешествует по всему телу, то вверх, то вниз, то вправо, то влево.

Генку погрузили на телегу. На ней, держа в руках вожжи, сидел художник-анархист Кондратий Степанович. Председатель сельсовета поручил ему отвезти Генку в больницу. Вместе с Генкой поехал Миша. Остальным ребятам он велел вернуться в клуб и быть осторожными: ни в коем случае не брать в рот гвоздей.

Глава 30
В больнице

Всю дорогу Генка стонал, корчился, хватался за живот и мотал головой. Каждое подрагивание телеги на ухабах и неровностях разбитой мостовой причиняло ему мучительную боль. Он так жалобно смотрел на Мишу, что у того разрывалось сердце от сострадания. Он боялся, что Генка сейчас умрет, и ему казалось, что Кондратий Степанович едет слишком медленно и больше занят своими рассуждениями.

— Ничего страшного в этом гвозде нет, — рассуждал Кондратий Степанович. — Переварится в желудке, и дело с концом. Обойный гвоздь, это что? Ерунда! Вот я еще когда в Москве жил, оборудовали мы с приятелем Большой театр…

— Вы оборудовали Большой театр? — усомнился Миша.

— А то кто же, — невозмутимо ответил Кондратий Степанович. — Оборудовали мы Большой театр. Артисты там, дирижеры, вся, в общем, дирекция. А приятель мой возьми да и проглоти костыль. Большой такой железный костыль.

Дюйма, может, два в нем. Не шутка…

— Ну и что?

— А ничего, переварился. В день две бутылки водки выпивал для лучшего сгорания, вот и переварился этот костыль. А гвоздочек что? Ерунда. И ни к какому доктору не надо ехать. Только зря людей обеспокоили.

— Жалко отвезти больного человека? — обиделся Миша.

— Больного не жалко. А тут что, ерунда!

— Зачем же вы поехали?

— Власть.

— Вы же не признаете власти.

— Принуждение.

Миша вспомнил про лодку.

— Когда мы плыли на вашей лодке, то лодочник Дмитрий Петрович набросился на нас, хотел ее отнять.

— Дурак! — коротко ответил художник.

— Кто дурак?

— Дмитрий Петрович. И авантюрист.

— Чем же он авантюрист?

— Всё клады ищет. А этих кладов здесь давным-давно нет.

При таком сообщении Миша с изумлением воззрился на художника.

— Уж об этих кладах все позабыли, — продолжал Кондратий Степанович, — а он ищет. Сумасшедший. И Софья Павловна сумасшедшая.

— Кто это Софья Павловна?

— А та, что в помещичьем дому живет. Экономка графская.

— Вот, оказывается, кто она, — протянул Миша. — А я думал, графиня…

— Какая там графиня!.. — сказал художник и больно хлестнул лошадь кнутом.

Больница стояла на краю соседнего села. Большой деревянный дом с несколькими верандами и несколькими входами был окружен множеством подвод. На ступеньках крыльца и просто на траве сидели крестьянки. Дети всех возрастов бегали, дрались, плакали и шумели невообразимо.

Охая и корчась от боли, Генка слез с подводы и, поддерживаемый Мишей, поплелся к больнице. Не обращая внимания на возмущение длинной очереди, они вошли в кабинет.

Врач, седоватый тучный человек с взлохмаченной бородой, в пенсне с перекинутой за ухо черной ниткой, склонившись, ощупывал лежавшего на деревянном топчане человека. Самого человека не было видно, только торчали ноги в огромных сапогах. Врач повернул к мальчикам

голову, строго спросил:

— Что такое?

Миша показал на Генку:

— Он гвоздь проглотил.

Генка едва втащил ноги в кабинет. Ему казалось, что все здесь — и врач, и больница — только мерещится ему, а самого его уже давным-давно нет на свете.

Врач велел мужчине в сапогах встать и, выписав рецепт, отпустил. Потом из-под пенсне внимательно посмотрел на Генку:

— Когда это случилось?

— Эбе-бе-бе-кур-да-е, — только и сумел проговорить Генка.

— Час тому назад, — ответил за него Миша. — Он прибивал плакат в клубе, держал гвозди во рту и один проглотил.

— Большой гвоздь?

— Обойный.

Доктор снова посмотрел на Генку. В этом взгляде Генка прочел смертный приговор.

— Раздевайся!

Генка начал с галстука. Привычным движением одной рукой потянул конец галстука, другой придержал узел. И в ту секунду, когда взялся за узел, он ощутил в своей ладони маленький хо-

лодный металлический предмет...

Неужели гвоздь?! Генка остолбенел и выпученными глазами смотрел на врача.

— Раздевайся быстрее, — сказал тот, что-то записывая в журнале.

— Сейчас, — пробормотал Генка.

Он чувствовал на своей ладони металлический предмет, но не решался ощупать его. Боялся, что это именно гвоздь, а не что-нибудь другое.

Но ничего не поделаешь, надо раздеваться. Генка нерешительно сжал ладонь и совершенно

явственно ощутил в ней гвоздь. Так и есть! Он его вовсе не проглотил. Он его уронил. Гвоздь застрял в галстуке. Черт возьми! У него уже ничего не болит… Но как признаться?..

Сжимая в кулаке гвоздь, Генка медленно раздевался. Когда он остался в одних трусах, доктор сказал:

— Ложись!

По-прежнему сжимая в кулаке гвоздь, Генка лег на холодную простыню. Доктор присел на кушетку и положил пальцы на Генкин живот. От этого холодного прикосновения у Генки по всему телу пошли мурашки. Он увидел над собой лицо доктора, пытливо смотревшего на него сквозь стекла пенсне. Неужели доктор понимает, что никакого гвоздя он, Генка, не проглотил? Генка закрыл глаза и лежал, крепко сжимая в кулаке гвоздь и пытаясь засунуть кулак себе под бок. Доктор легонько нажал на живот:

— Больно?

— Нет.

Доктор нажал еще в нескольких местах. Ничего, кроме холода его пальцев, Генка не ощущал.

— Медленно поднимай руки, — приказал доктор, — и, если почувствуешь резь в животе, скажи.

Генка начал медленно поднимать руки. Чтобы его сжатый кулак не вызвал подозрений, он сжал и второй кулак…

Его руки были уже в вертикальном положении. Генка начал медленно опускать их за голову. Никакой рези он не чувствовал. Все, что приказывал ему доктор, он делал автоматически, понимая, что рано или поздно его обман обнаружится. Лучше бы он в действительности проглотил гвоздь!

— Разожми кулаки, — услышал он откуда-то издалека голос врача. Генка разжал один кулак, тщательно пытаясь во втором кулаке засунуть гвоздь как-нибудь между пальцев. Это ему не удавалось, и он не разжимал кулака.

— Разожми кулаки, — повторил доктор, — оба!

Генка вдруг поднялся и объявил:

— Гвоздь нашелся.

Доктор и Миша с удивлением смотрели на него. Тогда он разжал кулак.

— Вот он!

— Гм! Где же он был? — спросил доктор.

— В галстуке. Когда я развязывал галстук, то и нащупал его там. Я его, оказывается, выронил изо рта прямо на галстук.

— Почему ты сразу не сказал?

— А я хотел провериться. Может быть, я дей-

ствительно проглотил гвоздь, только другой.

— И нигде у тебя ничего не болит?

— Нет, — ответил Генка уже совсем весело, однако стараясь не смотреть на Мишу, который с мрачным видом стоял у двери.

— Хорошо, — довольно мирно сказал доктор, — встань и несколько раз присядь.

Генка несколько раз присел. Потом, по приказу доктора, сделал еще несколько движений, перегибался, поворачивался в разные стороны.

Он послушно делал все это, впрочем, не понимая, для чего: ведь гвоздя в нем нет.

Доктор вымыл руки, приказал Генке одеваться и снова сел за стол. Он записал Генкину фамилию и сказал:

— Поедешь в город.

— Зачем? — оторопел Генка.

— На рентгеновское исследование.

— Так ведь у меня ничего нет, никакого гвоздя! — закричал несчастный Генка.

— Ты сам хотел провериться.

— Но у меня ничего не болит.

— Это не имеет значения. Предмет мог залечь в таком месте, где не дает болевых ощущений. Временно, конечно. А потом будут неприятности.

Доктор повернулся к Мише:

— Где ваш лагерь?

— В Карагаеве.

— В деревне?

— Нет, в усадьбе.

— Вот как! — Доктор насмешливо посмотрел на Мишу. — Клады ищете?

— Какие клады? — удивился Миша. — Никаких кладов мы не ищем.

— Ладно, идите. А в город его свезите сегодня же. Понятно?

— Понятно, — ответил Миша.

Они молча вышли из больницы и остановились на крыльце.

Генка беззаботно поглядывал по сторонам, делая вид, что ничего особенного не произошло. Миша укоризненно глядел на него:

— Ты отдаешь себе отчет в том, что ты наделал?

— А что такого я наделал?

— Еще спрашивает!

— Что я наделал? Думал, что проглотил гвоздь. Что же мне было — молчать? Молчать и ждать, пока он меня проколет насквозь? Ну, проверился. Ничего не оказалось. И все в порядке.

— Но почему именно с тобой случаются все эти истории? — закричал Миша. — Ни с кем больше,

только с тобой. То одно, то другое. Всех поднял на ноги, всех разволновал, заставил лошадь просить у председателя. И все это зря! Только на смех нас поднял. Все! Поедешь в город, и пусть там тебя просвечивают.

Глава 31
Сельская живопись

Генка ездил на рентген. Но ничего у него в животе не оказалось. Только кишки и желудок. Так, вернувшись из города, он объявил Мише.

В тот же день, к вечеру, вернулись в лагерь и Сева с Игорем. Они выезжали на Песчаную косу, показывали следователю место, где нашли лодку. Потом их отпустили домой.

Игорь и Сева чувствовали себя героями. Они ходили по лагерю с таким видом, будто совершили нечто необыкновенное. Они не сумели осуществить свой главный замысел — убежать в Италию бить фашистов, — но зато своим участием в следствии по делу Рыбалина будто бы поставили себя в особенное и исключительное положение.

Хотя они очень гордились и хвастались, ничего существенного Миша от них не узнал. На Песчаной косе они показали следователю место, где взяли лодку. Следователь обмерил это место рулеткой, прошел до деревни, потом до железнодорожной станции. Зачем он это делал, Игорь и

Сева не знали…

Миша презрительно усмехнулся. Ну и следователь! Ищет на Песчаной косе!.. Надо искать в лесу, там, где прячутся парни. Ведь они вместе с лодочником и убили Кузьмина! Миша ни секунды не сомневался в этом…

Что касается Серова, то Игорю и Севе жилось у него, в общем, хорошо. Спали они в сарае, на сене. Правда, жена Серова относилась к ним неважно, даже в дом не пускала, говорила, что они ей полы запачкают, но сам Серов каждый вечер приходил к ним и подробно обо всем расспрашивал.

— О чем же он вас расспрашивал? — насторожился Миша.

— Обо всем, о чем с нами следователь разговаривал.

— И вы ему рассказывали?

— Конечно. Ведь он ответственный работник.

Эх, шляпы, шляпы!.. Впрочем, чего можно ожидать от них? Из лагеря удрали, всех взбаламутили и еще ходят, как победители!

— Поменьше фасоньте, — сказал Миша, — вы столько натворили, что должны ходить тише воды, ниже травы. А вы, наоборот, гордитесь неизвестно чем. Глупо! И не думайте, что на вас будет наложено взыскание. Нет, взысканием не

отделаетесь. А вот будут самохарактеристики, и тогда вы узнаете… Узнаете, какого все мнения о вас.

Но Миша не торопился назначать самохарактеристики. На это нужно затратить самое меньшее два дня. А как их выкроить? Ведь надо в конце концов закончить клуб. Он был уже полностью оборудован, оставалось только покрасить. А в этом деле они получили могучую поддержку в лице художника-анархиста Кондратия Степановича.

Он пришел в клуб, долго смотрел, как ребята работают, потом спросил у Миши:

— Приступать?

— Приступайте. А что вы будете делать?

Кондратий Степанович обвел вокруг себя рукой:

— Красить надо. Вкруговую.

Миша вспомнил нелепо раскрашенную избу художника. Опасение, что он испортит клуб, на мгновение закралось в Мишино сердце. Но выражать недоверие человеку, который сам, добровольно предлагает свои услуги, было неудобно. И вообще надо привлекать местное население к устройству клуба. Все же Миша спросил:

— А хорошо будет?

— В отличном виде, — пробормотал художник, обводя стены сарая мутным взглядом, — по самому последнему слову… Большой театр делали…

— Денег у нас нет, придется бесплатно, — предупредил Миша.

— Бесплатно так бесплатно, — вздохнул художник.

— Красок тоже мало.

Кондратий Степанович опять вздохнул:

— Пожертвуем свои. Немного осталось. Одолжил леснику, да теперь с него не получишь.

— Какому леснику?

— Кузьмину, убитому.

— Разве он был лесником?

— Был. До революции. У графа служил. Доверенное лицо…

Вот что!.. Кузьмин служил у графа лесником. Значит, он хорошо знал лес… Опять лес! Тот самый лес, куда парни утащили привезенные лодочником мешки. Таинственный лес!

Эта легенда о Голыгинской гати, о мертвецах без головы — не выдумана ли она для того, чтобы отпугнуть всех от леса? Тут что-то есть. Теперь ясно: надо пойти в лес и посмотреть, что это за Голыгинская гать. Там ли по-прежнему эти подозрительные парни и что они делают?

Мишины размышления прервал Кондратий Степанович, объявивший, что красить он будет сегодня ночью. Никто не помешает, не будет пыли, и вообще он привык творить ночью. Но ему в помощь нужны два мальчика.

Миша выделил для этой цели Бяшку и Севу.

Подходя на следующий день к клубу, ребята еще издали увидели около него большую толпу народа.

Что такое? Ребята ускорили шаг. Но по улыбающимся лицам крестьян, по их смеху и шуткам Миша понял, что в клубе произошло скорее нечто смешное, чем трагическое. И когда он сам вошел в клуб, то не знал, плакать ему или смеяться.

Клуб был размалеван самым диким и невообразимым образом: изогнутые линии, круги, полосы, треугольники, просто кляксы, то бесформенные, то напоминающие морды диких зверей. Скамейки — полосатые, как зебры. Занавес — похожий на фартук маляра. Балки, поддерживающие крышу, — одна черная, другая красная, третья желтая. Под каждой балкой — по лозунгу: «Анархия — мать порядка», «Да здравствует чистое искусство!», «Долой десять министров-капиталистов!»

Миша ужаснулся.

Кондратий Степанович с гордым и независимым видом расхаживал по клубу. Так же гордо и независимо держались Бяшка с Севой. Они совершенно серьезно объявили Мише, что это последнее слово в живописи. Так теперь рисуют во всех странах. Так рисовал и Маяковский, пока был художником. Но теперь он так не рисует, потому что стал поэтом. Бяшка даже попробовал объяснить Мише значение какой-то кляксы, но запутался и ничего объяснить не смог.

В кучке крестьян стояли кулак Ерофеев и председатель сельсовета — молодой парень, демобилизованный красноармеец. Его все звали Ванюшкой, а Ерофеев величал Иваном Васильевичем. Он был хороший человек, из середняков, но на своей должности чувствовал себя неуверенно, а потому, как казалось Мише, робел и пасовал перед кулаками. Как-то раз Миша был на сельской сходке. Председатель произнес горячую и убедительную речь по поводу общественного луга, куда выгоняли пасти скот. Ерофеев на словах поддержал его, но потом все перевернул по-своему и так запутал председателя, что тот в конце концов согласился с ним. Так было и сейчас. Председатель посмеивался над художеством Кондратия Степановича, но Ерофеев сказал:

— Смешно-то смешно, да ведь денежки общественные. Приедут товарищи из губернии или из уезда, разве можем мы им такое показать? Значит, все надо переделывать. Опять расход. Нехорошо, не годится на ветер деньги бросать.

— Большие ли тут деньги? — возразил председатель.

— Хоть и небольшие, а народные, — сказал Ерофеев.

— Деньги пропали, не о чем теперь говорить, — нахмурился председатель.

— Разве я о деньгах? — возразил Ерофеев. — Ну, потратили, куда теперь денешься. Я о том, что нельзя ребятишкам такие вещи поручать. Кондратий Степанович что? Любит он малевать, все мы знаем. А комсомол в ответе. Надо бы прийти в сельсовет, посоветоваться: как, мол, можно такое дело Кондратию Степановичу поручать? А молодые люди на себя понадеялись. Вот и нехорошо.

Так всегда. Председатель сначала спорил с Ерофеевым, доказывал и отстаивал свое. Но то, что говорил ему Ерофеев, видно, так сильно запечатлевалось в его мозгу, что потом он незаметно для самого себя менял взгляды. Он чувствовал, что Ерофеев опытнее, и всегда попадал под его влияние.

После происшествия в клубе председатель начал косо поглядывать на ребят. Он даже выговорил Мише за то, что тот зря брал лошадь для Генки…

А тут подоспела новая неприятность. И все из-за дурацкой игры в «зелень».

Глава 32
«Зелень»

Глупая игра! Надо всегда носить с собой что-нибудь зеленое. И когда тебе говорят: «Покажите вашу зелень», ты должен выполнить это требование. А если зеленого при тебе не окажется, то надо платить фант, то есть выполнить любое приказание того, кто обнаружил, что ты не имеешь при себе зелени.

Глупая игра, но ужасно привязчивая. Она превратилась в повальную болезнь, в массовый психоз, особенно у девочек. Взрослые — половина из них комсомолки, а как только упоминают про зелень, становятся совсем детьми, для которых, кроме этой игры, ничего не существует. И если кто-нибудь проиграет, то обязательно исполнит фант, как бы глуп он ни был. Даже мальчики и те втянулись в игру. Миша замечал, что Генка и Славка носят с собой пучок зеленой травы. Дошло до того, что Миша как-то раз, совсем против воли, неожиданно для самого себя вдруг сказал Зине Кругловой: «Покажи свою зелень!» Зина изумленным взглядом посмотрела на него и вытащила

зеленую ленточку. Но тут Миша спохватился и презрительно сказал: «Не стыдно тебе заниматься таким ребячеством?» В общем, сделал вид, что потребовал у Зины зелень только для того, чтобы уличить ее в этой дурацкой игре.

И вот к чему это привело.

Как-то Миша был в сельсовете. Раздался телефонный звонок. Звонили из уезда и велели председателю послать человека в соседнюю деревню Борки и передать, чтобы председатель сельсовета Борки немедленно явился в уезд.

Председатель сказал: «Хорошо» и повесил трубку. Но так как никого в деревне не было, все были в поле, то он попросил Мишу послать кого-нибудь из своих ребят.

Миша вернулся в лагерь и приказал идти Генке. Тот ответил: «Есть!» Но тащиться в Борки ему не хотелось. Уличив Бяшку в отсутствии зелени, Генка перепоручил это тому. Бяшка, не будь дурак, целый час ходил по лагерю, спрашивал всех насчет зелени и наконец подловил одну из сестер Некрасовых, которой и передал поручение. Сестра Некрасова перепоручила Наташе Бойцовой. Наташа снова обыграла Генку. Тот уже во второй раз поймал Севу. Короче говоря, к вечеру исполнительницей оказалась самая маленькая

девочка, Лара. Она прошла немного по дороге, но дальше идти побоялась, посидела и вернулась.

Просьба председателя оказалась невыполненной. Когда Миша на следующий день попробовал разобраться, кто же виноват, то не добился толку. Каждый сваливал на другого. К одним и тем же это поручение попадало несколько раз, и разобраться было совершенно невозможно.

А поручение оказалось невыполненным. Из Борков никто в уезд не явился, и председателю сельсовета Ивану Васильевичу за это попало.

Председатель ужасно обиделся на Мишу.

— Я думал, от вас помощь будет, — угрюмо сказал он, — а теперь вижу, что помощи никакой. И лошадей зря гоняли. И клуб испортили. И даже в таком простом деле подвели. А мне от этого неприятности. И лодку ваши ребята угнали, следы запутали, теперь всю деревню из-за этого таскают. Плохо, плохо получается!

На это Мише нечего было возразить. Председатель прав. Но разве только из ошибок состояла их работа в деревне? Разве мало они сделали? Ну, неудачно раскрашен клуб, но ведь клуб-то есть! Сколько бесед провели с ребятами! Скоро здесь будет отряд. А ликвидация неграмотности? Двенадцать человек уже читают по складам. А разве

было легко организовать? Никто не хотел идти, стыдились, каждого приходилось уговаривать, за каждым ходить. Очень было трудно заниматься в этих условиях. А все-таки занимались и кое-чего добились. И упрекать теперь клубом и тем, что не сходили в Борки, несправедливо.

Но оправдываться Миша не стал. Хвастаться своими заслугами нечего, а в чем виноваты, в том виноваты.

— Нехорошо получилось, — согласился Миша, — но клуб мы перекрасим своими силами, а тех, кто виновен и не пошел в Борки, накажем. Что касается лодки, то это дело следователя, и не будем об этом сейчас говорить.

Председатель как будто немного успокоился. Но дело ведь не в том, успокоился он или не успокоился. Дело в том, что в отряде расшаталась дисциплина. История с зеленью, раскраска клуба…

Разве не мог Бяшка сообщить, что анархист портит клуб! А побег Игоря и Севы? А Генкина история? Плохо с дисциплиной. Надо подтягивать. И подтягивать срочно. Не откладывая.

Вечером Миша объявил, что через два дня назначаются самохарактеристики.

Глава 33
Что такое самохарактеристики?

Самохарактеристики — это самообсуждение. Каждого комсомольца обсуждают на общем собрании ячейки. Любой может выступить и сказать о данном комсомольце все, что хочет. Какие у него достоинства и недостатки (в основном, конечно, недостатки). Какой он комсомолец, какой товарищ, как выполняет задания и поручения. Каковы его моральные качества: честен ли он, правдив, смел, бескорыстен… А тот, о ком говорят, должен молчать. Возражать тут нечего. Слушай, что о тебе говорят товарищи, мотай на ус и исправляйся. Иначе на следующих самохарактеристиках тебя еще больше раскритикуют.

Процедура, конечно, не особенно приятная. Сиди и слушай, как тебя честят. Особенно плохо тем, кто стоит в начале списка. На них направляется первый пыл. Впрочем, и последним неважно: те, о ком уже отговорили, свободно вздохнув, наваливаются на тех, кто стоит в конце списка. Но личные счеты никогда не сводились. Достаточно было ребятам почувствовать даже оттенок

этого, как все начинали кричать: «Личные счеты!», «Личные счеты!» Они были очень чутки и непримиримы к любой неправде, неискренности, несправедливости. Да и у кого бы повернулся язык сказать неправду здесь, на коллективе, перед лицом своих товарищей…

Все побаивались самохарактеристик. Даже самые лучшие, самые безупречные. Даже такие, которые ничего плохого за собой не чувствовали. Даже Миша, Славка, Зина Круглова, Наташа Бойцова, очень добрая и справедливая девочка. Все волновались перед самохарактеристиками. Каждый знал за собой тот или иной недостаток, и каждый понимал, что товарищи знают не только этот недостаток, но и много других, которые он сам за собой не замечал.

Но перед самохарактеристиками все вели себя по-разному. Одни оставались такими же, какими были раньше, другие сразу менялись до неузнаваемости.

Например, Генка. Просто удивительно было смотреть, в какого невинного барашка превратился он в тот день и час, когда узнал, что предстоят самохарактеристики. Такой стал добрый, хороший, внимательный, услужливый! Особенно старался он сдружиться с теми, от кого

ожидал критики. Но критиковали его обычно все. И он пытался расположить к себе всех.

Всем он теперь ласково улыбался. Ни на кого не повышал голоса. Если кто в чем провинится, то защищал виновного и говорил: «Мало ли что с кем случается? Надо быть терпимым к недостаткам других людей». И при этом заискивающе заглядывал в глаза провинившемуся: мол, запомни, как я тебя защищал. Даже обжоре Киту он два раза отдал свою порцию, ссылаясь на то, что ему самому не хочется есть.

Повелительные наклонения совершенно исчезли из его речи. Пионерам своего звена он ничего не приказывал, а кротко говорил: «Я бы на твоем месте сделал так…» Или: «Это дело, конечно, твое, но на твоем месте я бы поступил таким образом…» Ласковое и доброжелательное «на твоем месте» не сходило теперь с его языка.

И это Генка, самонадеянный Генка! Никого и ничего он не боялся, кроме товарищей. Боялся их плохого суждения о себе.

Особенно заискивал он перед «борцом за справедливость» Бяшкой. Ходил с ним в обнимку, старался достать ему медикаменты (Бяшка ведал санитарной частью), убеждал всех нерях выполнять Бяшкины распоряжения.

Но именно от Бяшки ему и досталось больше всех на самохарактеристиках.

Глава 34
Самохарактеристики

После обеда все уселись на лужайке в тени деревьев. Председателем выбрали Славку: он был справедлив и умел вести собрания спокойно и тактично.

Миша произнес краткое вступительное слово. Он бегло остановился на текущем моменте, указал на сложное международное положение республики, на гнусные происки капиталистов и империалистов и необходимость в связи с этим повышения ответственности каждого комсомольца перед коллективом и перед самим собой, перед своей революционной и комсомольской совестью. Самохарактеристики, сказал Миша, должны помочь каждому комсомольцу и пионеру совершенствовать самого себя, помочь ему увидеть свои недостатки и побыстрее изжить их. Тем более, добавил Миша, что за последнее время имели место факты несознательности…

В этом месте Славка прервал его и сказал, что, говоря таким образом, Миша уже предрешает характеристику некоторых товарищей. Поэто-

му, как председатель, Славка предлагает Мише сделать только общие замечания, и, по возможности, краткие, а о фактах говорить конкретно при обсуждении того или иного товарища.

Все хором подтвердили, что Славка прав.

Миша не ожидал, что Славка сделает такое замечание ему, вожатому (все же и об авторитете надо подумать). Но в душе он не мог не согласиться, что Славка прав: такова традиция, и не надо ее нарушать. Скрепя сердце он согласился и предложил начать обсуждение с Генкиного звена. Славка поставил это предложение на голосование. За него голосовали все, кроме пионеров Генкиного звена. Но их было меньшинство, и обсуждение началось.

Первым по списку шел Генка.

Слово взял Бяшка. Он встал, сделал серьезное лицо и сказал:

— За последнее время мы очень подружились с Генкой. Но именно потому, что я его друг, я обязан прямо сказать о его недостатках... Самое главное в Генке — это неустойчивость характера. Не может он сдержать себя. Чувствует, что не

надо этого делать, не надо этого говорить, а делает и говорит. Комсомолец должен обдумывать и взвешивать свои поступки. А Генка не умеет ни обдумывать, ни взвешивать. Поэтому он и попадает в разные истории…

Бяшка напомнил истории, в которые попадал Генка из-за своей несдержанности, и в заключение сказал:

— У Генки, конечно, много еще других недостатков. Но тот, о котором я говорил, — главный. И Генке надо его изжить как можно скорее.

И хоть бы кто-нибудь защитил бедного Генку! Даже Зина Круглова, единственная девочка, с которой он дружил, вскочила и быстро затараторила:

— Генка недисциплинирован. Как может такой человек быть помощником вожатого отряда? Вместо того чтобы подавать пример, он сам на каждом шагу нарушает дисциплину. История с тем, как он дразнил Игоря и Севу, говорит сама за себя. А случай в Москве с бабушкой Игоря, а гвозди эти несчастные? Генке пора, в конце концов, подумать о своем авторитете.

— Генка груб, — сказала Некрасова Надя.

— Генка легкомыслен, — добавила Некрасова Вера.

— Генка любит дразнить других! — в один голос прокричали Игорь и Сева.

— Генка болтлив и не дает никому слова сказать, — объявил Кит.

И Генка с сожалением подумал о зря отданных Киту порциях каши.

А Наташа Бойцова сказала:

— Генка слишком самоуверен и самонадеян. Он хвастлив и любит все приписывать себе одному. Стыдно так много воображать о себе. Нескромно. Это ярко выраженный индивидуализм.

Последним о Генке говорил Славка:

— Я думаю, что главная беда Генки в том, что он слишком импульсивный человек. Все его действия подчинены мгновенному чувству, то есть импульсу. А наши поступки должны быть подчинены не импульсу, а трезвому учету обстоятельств.

Здесь Славка пустился в длинные рассуждения о воле, характере, импульсах и даже добрался до «категорического императива» Канта, о котором прочитал в какой-то философской книге. Книгу он не понял, но слова «категорический императив» ему очень понравились.

В конце концов Славка выбрался из чащи философских рассуждений и закончил Генкино

обсуждение такими словами:

— Перед Генкой стоит серьезная задача: переделать самого себя. Он, безусловно, честный комсомолец, предан делу революции, но его недостатки мешают ему приносить обществу ту пользу, которую он мог бы приносить. И Генке надо серьезно задуматься над тем, что говорили о нем здесь товарищи.

В таком приблизительно духе обсудили еще нескольких ребят Генкиного звена.

Про Кита сказали, что его обжорство — это уже не физический, а моральный недостаток.

— Чего можно ожидать от человека, который думает только о еде? — сказал Игорь про Кита. — Ведь он все подчиняет интересам своего желудка. Со временем из него вырастет мещанин-чревоугодник, он будет заботиться только о своем материальном благополучии. Вспомним комсомольцев времен гражданской войны! — с пафосом воскликнул Игорь. — Подумаем о комсомольцах капиталистических стран, особенно фашистской Италии. Разве они думают о еде? Представим, что среди них есть вот такой Кит. И вот он попадает, скажем, в сигуранцу или дефензиву. Его там допрашивают и пытают голодом. Разве Кит выдержит пытку голодом? Скажи, Кит,

выдержишь?

Кит поник головой.

Славка как председатель заметил Игорю, что вопросов задавать нельзя. Критиковать — критикуй, а если задавать вопросы, то получится перебранка и ненужная полемика.

— Нет, Кит не выдержит пытки голодом, — с горечью произнес Игорь, — значит, его физические потребности сильнее его убеждений. А такой человек даже не может быть комсомольцем. Вот когда мы с Севой решили поехать в Италию бить фашистов…

Славка прервал его и сказал, чтобы он о себе не говорил. О нем и о Севе будут скоро говорить другие, и если он пожелает, то может тогда объяснить свой поступок.

Но когда перешли к обсуждению Игоря и Севы, то ни тот, ни другой не пожелали объяснить свой поступок. Да и что было объяснять? Их побег вызвал всеобщее возмущение. Разве они дети? Разве не понимают, что ни в какую Италию они бы не попали, никаких бы фашистов не побили? Вся их затея не только смешна. Она вызвана желанием порисоваться, показать себя героями, а разве это большевистское качество?

— Это попахивает эсеровщиной, — сказал

Миша. — Этаким мелкобуржуазным индивидуализмом. Что хочу, то и делаю, а на остальных мне наплевать! Что мне до товарищей, до родных! Пусть волнуются, пусть беспокоятся, а я вот исполню свою прихоть, и всё! Значит, прихоть дороже окружающих. Значит, личные интересы поставлены выше общественных. А это называется эгоизмом. А эгоизм — самая отвратительная отрыжка буржуазной идеологии. Вот о чем надо подумать Игорю и Севе!

Глава 35
Самохарактеристики (Продолжение)

На следующий день собрание начали с утра, чтобы к вечеру обязательно его закончить.

Начали со Славки. И он уступил председательствование Мише. Конечно, на то время, пока его будут обсуждать.

Первым о Славке выступил Генка:

— Славка, конечно, хороший комсомолец. Честный, справедливый и добросовестный. Но, — Генка поморщился, — нерешительный он какой-то. Не способен к быстрому действию. Во всем сомневается… «А почему?», «А зачем?», «А для чего?»… Так не годится! — Генка взмахнул кулаком. — Во всем нужны решительность, смелость, быстрота! Где у Славки волевые качества? Главный недостаток Славки — это замедленная реакция, — Генка обвел всех победоносным взглядом: когда надо, и он умеет щегольнуть ученым словом. — Вот. Надо тренировать свою волю. А с чего начать? Начать надо с физкультуры. Да-да, не смейтесь! Славка не занимается спортом,

не развивается физически, даже увиливает от утренней зарядки. А что сказано? Сказано: «В здоровом теле — здоровый дух». Вот как сказано. И это надо помнить.

Но остальные хвалили Славку. Его любили в отряде. Хвалил его и Миша, но заметил, что Славка немного мягкотелый интеллигент. Правда, он вырос в интеллигентной семье, отец его «спец». Но надо перевоспитываться, надо приобретать пролетарские, рабочие качества…

— А я не понимаю, — заявила Зина Круглова, — какие это особые рабочие, пролетарские качества? Человек остается человеком, будь он рабочий, служащий или интеллигент. Идеология действительно может быть разная, но человеческие качества от этого не зависят. Иной рабочий паренек по своим человеческим качествам не хуже другого интеллигента. Так что социальное происхождение здесь ни при чем.

— Нет, при чем! — воскликнул Генка. — Ведь бытие определяет сознание. У пролетариата одно сознание, у буржуазии другое. А интеллигенция — это промежуточная прослойка, и она колеблется…

Славка обиделся:

— Выходит, я промежуточная прослойка?

— Ты — нет, — примирительно ответил Генка, — ты воспитан при советской власти. А я говорю о старой интеллигенции.

Но Зина Круглова стояла на своем:

— Нет, я не согласна. У Славки, как и у всякого человека, есть свои недостатки, но его интеллигентское происхождение здесь ни при чем. Вон Генка пролетарского происхождения, а недостатков у него гораздо больше.

Генка вскочил и заявил, что его обсуждение кончено и нечего к нему возвращаться. Что же касается роли интеллигенции, то он, Генка, целиком согласен с Мишей. Конечно, всех интеллигентов нельзя стричь под одну гребенку — Славка, например, свой парень, — но социальная сущность интеллигенции как промежуточной прослойки от этого не меняется.

Так как Славка обиделся, то Миша счел нужным разъяснить свою позицию.

— Я имел в виду следующее, — сказал он. — В чем заключается пролетарская психология? В том, что пролетариату нечего терять, кроме своих цепей. А буржуазия имеет собственность, держится за нее. Поэтому пролетариат — за общее дело, буржуазия — против общего дела. Интеллигенция же сердцем за пролетариат, а

своим положением связана с господствующими классами. Вот отсюда ее колебания и шатания. Я, конечно, имею в виду не Славку, а вообще. У Славки вполне пролетарская психология, но в характере еще есть интеллигентская мягкотелость. Впрочем, я высказываю свое мнение, и дело Славки — принимать его во внимание или не принимать…

Самохарактеристики продолжались. Обсудили уже большинство ребят. Всех разобрали по справедливости, даже самого борца за справедливость — Бяшку Баранова. Про Бяшку сказали, что уж очень он кичится своей борьбой за правду. Эта борьба превращается у него в самоцель. Его уже не столько возмущает неправда сама по себе, сколько привлекает поза борца за справедливость. Бороться с неправдой надо для того, чтобы устранить ее, а не для того, чтобы прослыть непримиримым борцом за справедливость.

Миша, как и все, участвовал в обсуждении. Но его все время занимал один вопрос: будут обсуждать его самого или не будут?

Дело в том, что вожатый отряда, например Коля Севостьянов, никогда не обсуждался. Вполне понятно — он старший… Теперь вожатый Миша. Значит, и его не должны обсуждать. Но, с другой

стороны, он не старший, а такой же комсомолец, как и другие ребята. В сущности, здесь скорее не отряд, а маленькая комсомольская ячейка. Если бы Коля Севостьянов был здесь, то Мишу бы обсуждали наравне со всеми. Как же быть? Особенного желания обсуждаться у Миши не было. Он не боялся критики, но сам факт его обсуждения покажет, что он хоть и вожатый, но еще не настоящий, не такой, как, допустим, Коля Севостьянов. Однако запретить обсуждать себя Миша тоже не мог. Это будет недемократично, ребята расценят как зазнайство. Ладно, пусть решают сами. Может быть, они и не собираются его обсуждать — ведь привыкли к тому, что вожатый не обсуждается. А если даже решат обсуждать, что плохого могут о нем сказать? Он был со всеми справедлив, со всеми одинаков. А если что и требовал, на то он и руководитель.

Но тайные Мишины надежды не оправдались. Когда кончились обсуждения, Славка сказал:

— Товарищи! Список исчерпан. Остался один Миша. Он вожатый, и вожатого мы, как правило, не обсуждаем. Но Миша наш товарищ, одноклассник и член нашей комсомольской ячейки. Как мы поступим? Миша, твое мнение?

— Пусть ребята сами решают, — ответил Миша

не без тайной надежды, что все устали и будут рады на этом закончить.

Но большинство высказалось за обсуждение. Даже подавляющее большинство. Против был только один Кит. Ему ужасно хотелось ужинать. Сказать об этом прямо после того, как его только что раскритиковали за обжорство, он не мог, а потому он предложил не обсуждать Мишу. Но остальные с этим не согласились. Киту осталось только бросить грустный взгляд на котелки, которые лежали возле потухшего костра.

Первой взяла слово Зина Круглова.

— Я не собиралась выступать о Мише, — сказала она, — но меня поразила Мишина нескромность…

Миша с удивлением воззрился на Зину.

— Да, да, — продолжала Зина, — у Миши спросили, надо ли его обсуждать. Я думала, он скажет: «Конечно, надо. Чем я отличаюсь от остальных?» Но вместо этого Миша сказал: «Пусть ребята решают». Таким ответом Миша поставил себя в исключительное положение, он выделил свою персону из коллектива. Это нескромно. Мише надо учесть, что хотя он и вожатый отряда, но такой же комсомолец, как и все. И не надо ставить себя в особое положение.

Миша криво усмехнулся, но в душе он признал справедливость этого обвинения.

Действительно, надо было прямо сказать, чтобы обсуждали, и всё. А он хотел увильнуть от обсуждения. Вот как надо взвешивать каждое свое слово. От ребят ничто не укроется.

Потом слово взял Бяшка.

— Мы давно знаем Мишу, — сказал он, — хорошо знаем и его достоинства, и недостатки. Но вот мы увидели Мишу в новой роли — вожатым. В общем, надо сказать, что он справляется со своими обязанностями удовлетворительно. Не задается и не фасонит. Но у него есть один крупный недостаток: он очень любит секретничать вместе с Генкой и Славкой. Это секретничанье отдаляет Мишу от коллектива, ставит его над коллективом. Конечно, в прошлом году Миша, Генка и Славка открыли тайну кортика, но это не значит, что и теперь они должны от всех секретничать.

Кит проворчал:

— Как актив, так обязательно секретничают! И потом, Миша делает поблажки некоторым лицам.

— Кому, например?

— Генке, вот кому.

— А…

Миша встал и сказал:

— Вот что, ребята. Насчет Генки, я думаю, Кит не прав. Я никому не делаю исключения, а Генке тем более. Насчет же секретов — в этом есть доля истины. Но скажу честно; без секретов трудно обойтись. Вспомните историю с кортиком. Если бы я не держал ее в секрете, то ничего бы и не нашел.

— Тогда было другое дело, — перебила его Наташа Бойцова, — тогда мы еще не были ни пионерами, ни комсомольцами. А теперь совсем другое дело.

— Да, это правильно, — согласился Миша, — и поэтому тот секрет, о котором говорил Бяшка, я сделаю общим. Но с условием, что он для всех останется секретом.

Миша оглянулся вокруг и понизил голос:

— Все вы знаете, зачем Игорь и Сева ездили со следователем на Песчаную косу. Дело идет о том, чтобы спасти брата Жердяя, которого неправильно обвиняют в убийстве. — Мишин голос перешел на шепот. — У нас есть некоторые данные, это относится к лодочнику. Он не зря тогда на нас напал. Но все надо проверить. И поэтому никому ни слова! Вот и весь наш секрет. Повторяю: теперь это наш общий секрет, и никому ни слова! — Ми-

ша выпрямился, опять повысил голос. — Теперь, когда самохарактеристики закончены, каждый учтет, что о нем говорили, и постарается исправиться. Каждый должен вырасти настоящим коммунистом, настоящим большевиком, и если он не воспитает себя сейчас, то потом уже будет поздно. Ученые говорят, что человеческий характер складывается к восемнадцати годам. Так что времени для перевоспитания осталось не так уж много, и надо торопиться. Мы здесь поругали друг друга. Но все мы — члены одной комсомольской семьи, и те, кто уже в комсомоле, и те, кто осенью будет вступать. И в знак этого закончим наш двухдневный сбор «Молодой гвардией».

Все встали и запели:

Вперед заре навстречу,
Товарищи в борьбе,
Штыками и картечью
Проложим путь себе…

Глава 36
Следователь в лагере

Миша рассказал на сборе не все. Он только поделился своими подозрениями насчет лодочника, но умолчал о старухе, о Серове, о бронзовой птице. Но и того, что он рассказал, было достаточно. Теперь все горели желанием выручить невиновного Николая и разоблачить злодея-лодочника. Но для Николая они пока ничего не могли сделать, и поэтому их заботы обратились на его семью — на Марию Ивановну и на Жердяя.

Ребята помогали им чем могли. И в поле работали, и на огороде, и в доме. Хотели даже корову купить вскладчину. Но оказалось, что корова стоит слишком дорого. Они делились своими скудными пайками с Марией Ивановной, а Жердяй тот и вовсе питался в лагере. Особенно старались девочки. Зато внимание мальчиков было больше обращено на лодочника. Им был теперь известен каждый его шаг. И каждый его шаг толковался очень многозначительно, о чем немедленно сообщалось Мише. В конце концов Мише так это надоело, что он запретил ребятам

даже подходить к лодочнику и вообще к лодочной станции. Но разве ребят остановишь? Тем более что вскоре вся деревня была взбудоражена приездом следователя.

Следователь приехал в сельсовет и многих туда вызывал: лодочника, Ерофеева, нескольких крестьян, даже художника Кондратия Степановича. Потом следователь явился в лагерь якобы за тем, чтобы поговорить с Игорем и Севой. Якобы потому, что он их почти ни о чем не спрашивал. Игорю он задал только один вопрос: «Ну, как живешь?» На что Игорь ответил, что живет хорошо. Севе нездоровилось, и он лежал в палатке. Следователь посмотрел на него и отошел от палатки со словами: «Раз болен, пусть спит», хотя Сева вовсе не спал и даже приподнялся.

Следователь долго ходил по лагерю. Миша сказал, что лагерь ограничен вот этой маленькой лужайкой, но следователь обошел весь парк. И он так вертелся вокруг лагеря, и так подробно обо всем расспрашивал, что Миша подумал: не подозревает ли он, что ребята убили Кузьмина?

Следователь интересовался распорядком жизни лагеря. Когда встают, когда ложатся, куда уходят на прогулки или на игры и кто в это время остается в лагере. И есть ли ночью дежурные и

каков маршрут их обхода. Миша показал ему маршрут, и следователь прошелся по нему.

Вообще этот маленький человек вел себя очень странно: тщательно осмотрел все тропинки, обследовал кусты, даже, как показалось Мише, обнюхал деревья. И что он здесь высматривает, непонятно! Лодочник — у своих лодок, парни — в лесу, а он ходит здесь и чего-то вынюхивает…

— Может быть, вы и лес осмотрите? — насмешливо спросил Миша.

Следователь спокойно ответил:

— Лес большой, как его осмотришь…

— Именно потому, что он большой, там и легче спрятаться.

Продолжая осматривать дорожку, следователь сказал:

— Но ведь это только твои подозрения.

— Что?

— Лодочник и парни в лесу.

— Николая Рыбалина вы тоже только подозреваете, а арестовали.

— Против него улики, а против этих нет улик.

— А все же Николай не виноват, — объявил Миша.

— Никто и не говорит, что виноват. Есть улики, вот и держим. — И загадочно добавил: — Может

быть, и для него лучше, что в городе держим… А парни копают, и пусть их копают.

— А что они ищут? — спросил Миша, удивленный тем, что следователь знает об этих парнях.

Следователь засмеялся:

— Наверно, ищут то, что обычно ищут в лесу: клад. Я родился в этих краях, и, сколько помню себя, здесь всегда искали клады. Одно время так землю перекопали, что и пахать не надо было. Граф был богач и чудак. Добывал на Урале драгоценные камни, вот и говорили люди, что зарыты здесь драгоценности. Никто никогда ничего не находил. А вот верят.

— Может быть, Кузьмин знал, где зарыт клад, но не хотел рассказать, они и убили его, — предположил Миша.

— Зачем же убивать? — возразил следователь. — Наоборот, если бы он знал, то они всячески оберегали бы его в надежде, что рано или поздно он им расскажет. Только ведь никакого клада нет.

— А почему лодочник напал на нас?

Следователь пожал плечами:

— Трудно сказать. Он утверждает, что из-за лодки: думал, что лодка Кузьмина. Врет, конечно. Но к делу это не имеет отношения. Лодочника

мы знаем: старый рецидивист. Специальность — валюта и драгоценные камни. Но не убийца. Нет, убивать он не будет. Тем более что недавно из отсидки.

Миша не знал, что ему думать… Как же так! Известно, что лодочник вор, рецидивист, а он расхаживает на свободе как ни в чем не бывало…

И, точно угадав Мишины недоумения, следователь сказал:

— Закон есть закон. Сажать его пока не за что… А скажи-ка, — он повернулся к Мише, — не попадался ли тебе здесь, в усадьбе, совсем незнакомый человек, мужчина средних лет, не местный житель?..

— Как будто нет, не видал…

— Подумай, — настаивал следователь. — Может быть, видел, совсем случайно, мельком… Здесь, на реке, в деревне… Возможно, твои ребята видели?

Миша напряг память, но никого не мог вспомнить.

— Нет, я никого не видел. И ребята, кажется, тоже… Мы ведь здесь всех знаем.

— Не видел, значит, не видел, — оборвал разговор следователь. — Я просто так спросил…

Глава 37
Надо идти в лес

Следователь уехал. О своем разговоре с ним Миша рассказал Генке и Славке.

Генка объявил, что такому следователю заниматься делами о похищении кур, а не искать убийцу. И нечего его слушать. Надо самим все выяснить и доказать невиновность Николая и, наоборот, виновность лодочника и его подручных. Короче — надо идти в лес.

Но Славка был несколько иного мнения:

— Беда наша в том, что мы занимаемся этим делом не на научной основе. Помните с кортиком? Мы ходили в библиотеку, провели серьезное исследование и все установили. А в данном случае? В данном случае мы пользуемся слухами: граф был богач, владел копями на Урале, люди верят, что здесь зарыт клад, и так далее. Ведь все это слухи. А нам необходимо научное обоснование. Кто такие графы Карагаевы? Чем в действительности они владели на Урале? Чем питаются слухи о кладе? Вот что нам надо узнать. Надо обратиться к первоисточникам. Тогда мы не будем действо-

вать вслепую, как сейчас.

Миша подумал и сказал:

— Одно другому не мешает: познакомимся с материалом и проверим, что они делают в лесу. Поэтому отправляйся, Славка, в Москву, посиди в Румянцевке и все как следует узнай. Кстати, пора уже собрать у родителей продукты.

Славке очень не хотелось таскаться с продуктами.

— Как же я буду в Румянцевке сидеть и продукты собирать? Надо делать что-нибудь одно.

— Ничего, ничего. Возьми с собой Кита, он поможет. Пока ты будешь сидеть в библиотеке, он обойдет всех мамаш.

— С Китом, пожалуй, можно, — согласился Славка.

— Вот и хорошо. А мы с Генкой пойдем в лес. Не сейчас, а когда ты вернешься из Москвы. Конечно, можно пойти всем отрядом и доказать, что никаких мертвецов, никаких графов без головы там нет. Но если пойти всем отрядом, то можно спугнуть бандитов. Они уйдут на другое место, и тогда ничего не узнаешь. Нет, надо пойти одному или вдвоем с кем-нибудь. И обязательно с Жердяем. Кроме него, никто не сумеет провести на Голыгинскую гать. Конечно, Жердяй будет

отказываться. Но мы его уговорим!

Славка с Китом уехали в Москву, а Миша отправился к Жердяю, Жердяй был дома. Он топором обтесывал колья и подпирал ими обвалившийся плетень.

— Хозяйствуешь?

— Приходится.

— От брата есть что?

— А что от него может быть? В тюрьме сидит.

— Слушай, Жердяй, — сказал Миша, — у меня есть новый план. Если мы его выполним, то сумеем доказать, что твой брат ни при чем.

— Пробовали уже, — вздохнул Жердяй, — за этим и на лодке плавали, только не нашли ничего.

— А все же мы доказали, что кто-то угнал лодку. И следователь сам говорит, что дело сомнительное. А теперь, если ты мне поможешь, то мы еще больше сумеем доказать. Вот увидишь!

— Что я должен сделать?

— Ты знаешь, что Кузьмин раньше служил у графа лесником?

— Откуда мне знать?

— Так вот: он раньше служил у графа лесником. Я точно узнал.

— Ну и что?

— Раз он служил раньше лесником, значит, имеет какое-то отношение к лесу. Так ведь?

— Выходит, что так.

— А кто прячется в лесу? Парни, которым лодочник возил мешки. Так?

— Выходит, что так, — повторил Жердяй, напрягая всю свою сообразительность, чтобы понять, к чему клонит Миша.

— Значит, — заключил Миша, — есть какая-то связь между убитым лесником и этими парнями в лесу.

Как ни далеко было следствие от посылки, но Жердяю оно показалось убедительным. Может быть, потому, что он никогда не изучал логики.

— И верно, — сказал он, разинув в удивлении рот.

— Вот видишь, — продолжал Миша, торопясь укрепить в Жердяе это убеждение, — значит, надо узнать, в лесу ли эти парни и что они там делают, тогда мы наверняка все выясним.

— Как же мы узнаем?

— Очень просто: пойдем ночью в лес.

— Это на Голыгинскую-то гать? — ужаснулся Жердяй.

— Почему же на Голыгинскую гать? Просто пойдем в лес, и всё.

— Ни за что не пойду! — заявил Жердяй. — Убей — не пойду. И не говори больше, не упрашивай.

Миша был готов к этому отказу. Но он понимал, что без Жердяя ему в лесу делать нечего: ночью он один заблудится.

— Эх ты, — сказал Миша, — родного брата не хочешь из беды выручить!

— Кабы я знал, что это брату поможет… А то ведь не знаю…

— Наверняка поможет, — настаивал Миша. — Ты только подумай: твоего брата могут засудить, а ты не хочешь ему помочь. Я посторонний человек, и то хочу помочь — иду ночью в лес, не боюсь. А ты родной брат и не хочешь, боишься. И не стыдно тебе!

Жердяй молчал.

— Ты о матери подумай. Ведь убивается она? А, убивается?

— Убивается, — мрачно ответил Жердяй.

— Вот видишь! Она убивается, пока следствие идет. А если его невиновного засудят? Ведь она совсем сойдет с ума с горя. И тебе ее не жаль. Эх ты!

— Я идти не отказываюсь, — сказал Жердяй, — только на самую гать не пойду. Дойдем до гати, и всё.

— Ладно! Ты нас только туда выведи, а остальное мы сами сделаем.

— А еще кто пойдет?

— Генка… Только ты смотри, Жердяй, никому не говори!

— Зачем я буду говорить?

— И матери своей не говори, никому, понял?

— Понял.

— Пойдем сегодня ночью.

— Уж сегодня?

— А зачем откладывать? Сегодня и пойдем. Приходи вечером в лагерь. Как все заснут, мы втроем и пойдем.

— Ладно, приду, — ответил Жердяй и снова взялся за топор.

Глава 38
Славкины розыски

К вечеру Славка вернулся из Москвы и рассказал следующее:

— Графы Карагаевы — родственники знаменитых Демидовых. Был такой тульский кузнец Демид Антуфьев. Его сын Никита поставлял оружие Петру Великому. За это Петр подарил ему уральские заводы, дал дворянство и фамилию Демидов. Дочка одного Демидова вышла замуж за графа Карагаева.

— Кому это интересно? — презрительно скривился Генка.

— Слушай. Демидовы были самые богатые люди в России. Даже королевы за них выходили. Был такой Анатолий Демидов, так он женился на родной племяннице императора Наполеона.

— Уж это ты врешь!

— Честное слово! И Анатолий Демидов, чтобы тоже быть именитым, купил в Италии княжество Сан-Донато и стал именоваться князем Сан-Донато.

Такому сообщению не мог поверить даже Ми-

ша, хотя и знал, что Славка никогда ничего не выдумывает. Но, может быть, он прочитал какой-то вымысел и уверовал в него? Как можно купить целое княжество, можно сказать — целое государство?

Но Славка настаивал на своем. Он даже обиделся:

— Если вы мне не верите, то поезжайте на Урал. Там увидите железнодорожную станцию, которая называется Сан-Донато.

— Зачем же обижаться? Рассказывай.

— Я не обижаюсь. Но если бы ты при такой жаре целый день просидел в Румянцевке, то тоже бы обиделся.

— Ладно, рассказывай, — примирительно сказал Миша.

— Так вот. Демидовы были очень богатые люди. Владели на Урале заводами и рудниками. И были большими чудаками. Например, один Демидов, Прокофий, устроил в Петербурге такое пьянство, что пятьсот человек умерли от перепоя…

— Вот врет! — взвизгнул Генка и хлопнул себя по коленкам.

— Честное слово! Этот Прокофий был в Англии и за что-то обиделся на англичан. Тогда он вернулся в Россию и скупил всю пеньку, чтобы не

досталась англичанам. Ведь они импортировали из России главным образом пеньку, вот он их и проучил.

— Проучил… за свои денежки.

— А что для него деньги? Вот, например, другой Демидов — Павел. В 1835 году подарил царю Николаю Первому алмаз, который стоил ровно полмиллиона рублей…

— Видно, был большой подхалим, — заметил Миша.

Генка опять не поверил:

— Один камешек стоит полмиллиона рублей золотом? Больно дорого!

— Представь себе — полмиллиона, — продолжал Славка. — Это был знаменитый алмаз Санси… Вот интересная история. Этот алмаз был вывезен из Индии лет пятьсот назад и принадлежал Карлу Смелому Бургундскому. Карла убили на войне, и алмаз подобрал один швейцарский солдат. Но он не знал цену алмаза, думал, что просто красивый камень, и продал какому-то священнику за один гульден, то есть за один рубль. Священник, не будь дурак, загнал алмаз португальскому королю Антону. Король Антон, тоже хороший спекулянт, продал его за сто тысяч франков французскому маркизу Ле-Санси. С тех пор этот алмаз назы-

вается Санси. Теперь слушайте, что произошло дальше. Слуга Санси вез к нему этот алмаз. На слугу напали разбойники и убили его. Но слуга успел проглотить алмаз. Санси велел вскрыть труп своего слуги и нашел алмаз в его желудке.

— Веселенькая история! — заметил Генка, протягивая руку к животу в том месте, где, по его предположениям, был желудок.

— Затем, — продолжал Славка, — короли опять начали спекулировать алмазом. Санси продал его английскому королю Якову Второму, Яков Второй — французскому королю Людовику Четырнадцатому, потом он попал к Людовику Пятнадцатому. В общем, его долго перепродавали, пока наконец, в 1835 году, Павел Демидов не купил его для Николая Первого… Вот какая история…

Мальчики помолчали. Потом Миша сказал:

— Ты, конечно, провел серьезное исследование. Но какое это имеет отношение к усадьбе?

— А то, что одна из дочерей Демидова вышла замуж за Карагаева.

— Ну и что?

— Может быть, алмаз Санси вместе с приданым перешел к графу Карагаеву.

— Но ведь Демидов отдал алмаз Николаю Первому?

— Он мог ему отдать поддельный. Ведь все там было построено на жульничестве.

Генка свистнул:

— Наверно… Попробуй надуй Николая Первого с его Бенкендорфом.

— Видишь ли, Славка, — сказал Миша, — конечно, трудно предполагать, что алмаз попал к графу. Но допустим даже, что это так. Что же из этого?

— Как — что? — обиделся Славка. — Возможно, как раз его и ищут. Ведь все говорят, что здесь всегда искали клады. Может быть, и сейчас ищут.

— Может быть, — согласился Миша. — Но это только подтверждает, что мы должны идти в лес. Этот ли алмаз или что-нибудь другое, но факт, что ищут. А когда ищут драгоценности, то и убивают друг друга. А нам важно узнать, кто убил Кузьмина, и тем самым оправдать Николая.

— Разве я возражаю? Я только указываю на то, что именно ищут.

— Вот и хорошо, — заключил Миша. — Значит, сегодня ночью мы пойдем в лес.

Глава 39
Костер

Сегодня ночью они пойдут в лес, на Голыгинскую гать. Конечно, от ребят этого не скроешь. Но все понимали, что это не просто тайна: если лодочник проведает, что мальчики отправились на гать, то он может их проследить, а потом в лесу и убить. Он и его парни на это способны. Убили же они Кузьмина.

У всех ребят на лицах было то серьезное, таинственное и даже несколько торжественное выражение, которое бывает перед всяким важным, а тем более опасным предприятием. Все вели себя как нельзя лучше и всячески старались угодить Мише и Генке — кто знает, в каком виде они вернутся и вернутся ли вообще. Мише так надоели эти жалостливые взгляды, что он ушел на реку, на то место, где любил сидеть вечерами и смотреть на пламенеющий за дальними горами закат.

К тому же у Миши была еще одна тайна, маленькая тайна, принадлежащая только ему одному: он сочинял стихотворение.

Раньше Миша никогда не сочинял стихов. Это занятие казалось ему несерьезным. Другое дело, когда стихи пишут настоящие поэты: Пушкин, Лермонтов, Некрасов… Или современные поэты: Маяковский, Безыменский… Это поэзия. А то, что сочиняют ребята, не более как рифмованные слова. И плохо рифмованные. К школьным поэтам Миша всегда относился иронически. Конечно, если стихи пишут для стенгазеты, к какой-нибудь знаменательной дате, это куда ни шло — без стихов нет и стенгазеты. Частушки для «Синей блузы» тоже нужны — критика недостатков получается острее. Но вот стихи из-за «настроений» Миша терпеть не мог, как не мог терпеть и сами эти «настроения»…

«Настроения» бывали обычно у мальчиков морально неустойчивых, далеких от общественной жизни. Впрочем, случались «настроения» и у комсомольцев, хотя и реже. «Настроения» заключались в том, что парень ходит грустный, скучный, как в воду опущенный. На все он смотрит скептически, все ему кажется мелким, ничтожным, неинтересным. Да и сама жизнь представляется ему совершенно ненужной. Говорит он философскими изречениями: «жизнь коротка и неинтересна», «все пройдет», «все

повторяется», «если уж жить, то от жизни надо брать все». В общем, несет вздор. Как правило, такой «упадочник» говорит об одиночестве, о том, что никто его не понимает и никогда не поймет, и читает при этом упадочные стихи. Да и сам сочиняет упадочные стихи — о загадочном мире, о бренности жизни и прочее в таком духе…

Директор школы Алексей Иванович сказал както на педсовете, что «настроения» — неизбежный спутник переходного возраста. Конечно, Алексей Иванович человек умный, опытный педагог, но все же некоторые понятия у него старомодные. При чем здесь переходный возраст? И что это за переходный возраст? Возраст как возраст. Миша был твердо убежден, что «настроения» есть не более как проявление моральной неустойчивости. Отсюда и сочинение упадочных стихов. Как только кто начинает сочинять стихи, значит, у него непременно начались «настроения».

И вдруг, совершенно неожиданно для себя, Миша сам начал сочинять стихи. Вернее, он сочинил одно стихотворение. И то не до конца. Он никак не мог подобрать рифмы к двум последним строчкам. Конечно, не упадочное стихотворение, а настоящее революционное. Оно зародилось в те часы, когда он сидел на берегу Утчи вечером,

смотрел на пламенеющий за дальними горами закат и вспоминал маленькую железнодорожную станцию, удаляющиеся огоньки поезда, эшелон красноармейцев, Полевого и большой плакат, на котором был нарисован рабочий, разбивающий тяжелым молотом цепи, опутывающие земной шар…

Неожиданно возникла рифма: «шар земной — рабочий молодой», потом другая: «мосты — бойцы»… И в результате почти двухнедельного труда появилось стихотворение, несовершенство которого Миша сознавал, но которое все же ему очень нравилось. И он надеялся со временем подобрать последние две строчки. Вот это стихотворение.

Пока живы, не забудем
Все, что видели тогда:
Эшелон на бой уходит
За Республику Труда.

Широко раскрыты двери,
И толпой стоят в дверях
Бойцы в разорванных шинелях
И в стоптанных сапогах.

И, опутанный цепями,

Пламенеет шар земной,
И молотом тяжелым цепи рубит
Рабочий молодой.

Хоть крут подъем и взорваны дороги
И падают убитые бойцы,
Мы рельсы выложим, нарежем шпалы,
Туннели вырубим и наведем мосты.

Борьба лишь начата, и нам передан молот,
Цепями все еще опутан шар земной…
. . .

Последние две строчки Миша никак не мог сочинить. Не подбирались рифмы. К слову «земной» можно бы подобрать — в крайнем случае опять повторить «молодой», — но к слову «молот» Миша никак не мог найти рифму. А менять это слово Миша не хотел. Уж очень красиво звучало:

Борьба лишь начата, и нам передан молот…

Молот, молот, молот… Какую же рифму к нему подобрать?

Миша мусолил карандаш, напрягал воображение, но ничего подходящего найти не мог… Все

слова, которые приходили ему на ум, не годились. Молот, долот, сколот, проколот…

Искал Миша рифму и вечером, на костре.

Костер в этот вечер был не похож на другие костры. Обычный разговор не вязался. Никто не шутил, не рассказывал веселых историй.

Зина Круглова попробовала было пересказать смешной ответ одной крестьянки на уроке ликбеза, но никому ее рассказ не показался ни смешным, ни интересным.

Все сознавали ответственность момента.

Торжественное, романтическое состояние охватило и Мишу.

Его так и подмывало прочитать свое стихотворение. И в то же время было стыдно: вожатый, а сочиняет стишки. Но они так вертелись у него на языке, что он не удержался и сказал:

— Знаете, ребята, сейчас, когда мы с Генкой и Жердяем пойдем на Голыгинскую гать, мне кажется, что мы там узнаем что-то очень серьезное и важное. И это поможет нам не только оправдать Николая, но и открыть какую-то тайну. И мне сейчас припомнилась история с кортиком: Полевой, Никитский и все другие. И как-то само собой у меня сочинились стихи. Если хотите, я их вам прочту.

Все изъявили желание послушать. Миша встал и, немного волнуясь и боясь, что он забудет какую-нибудь строчку, прочитал стихи.

Ребята молча слушали. Молчание царило еще некоторое время после того, как Миша кончил читать. Потом Генка спросил:

— А где же конец?

— Конца я еще не сочинил, — ответил Миша.

Ему вдруг стало очень стыдно. Стихи казались ему плохими, скверными, нехудожественными. Он увидел, что в них нет правильного размера. И рифма подгуливает. И вообще все пышно, выспренне, не доходит до сердца. Зря он их читал! Кой черт его дернул? Зачем? Ведь он не собирается быть поэтом. Вот и ребята молчат. Понимают, что стихи плохие, но не говорят, не хотят его обидеть. Зачем он это затеял! Миша опустил руку в карман, незаметно измял и разорвал листок со стихами на мелкие кусочки.

— Что ж, — сказал Славка, — стихи неплохие. Только конца нет и размер не всюду правильный. Потом, нет рифмы между первой и третьей строчками.

— Это не обязательно, — заметила Зина.

— Но желательно. И потом, в разных строчках разное количество слогов…

— Зато по идее хорошо, — сказал Генка. — Я как услышал эти стихи, так сразу вспомнил и станцию, и эшелон, и комиссара Полевого. Ты, Славка, потому критикуешь, что не видел этого. А мы с Мишей видели. Правда, Миша?

— Правда, — подтвердил Миша. — Но зачем я сочинил эти стихи, вы не знаете. Я вижу, что вы сидите скучные, и решил вас немного развлечь. Я знаю, что стихи плохие, но мне хотелось вас немного позабавить и оживить наш скучный костер. Вот я взял и на ходу сочинил эти стихи…

— Прямо сейчас вот и сочинил? — усомнился Генка.

— А то когда же? Прямо в уме сочинил и прочитал. — Миша встал. — Все! А теперь спать, по палаткам. И имейте в виду: ничего с нами не случится. Мы скоро вернемся. Так что никакой паники. А вот уж если мы к утру не придем, тогда ищите нас в лесу. У Голыгинской гати.

Глава 40
Опасная экспедиция

Лагерь затих. Миша, Генка и Жердяй тихонько вылезли из палаток и быстро пошли в сторону леса.

Полная луна освещала спящий лагерь. Было так светло, что Миша отчетливо видел верхушки деревьев. И синее небо над ними. И звезды.

— Как к лесу пойдем: берегом или лугами? — шепотом спросил Жердяй, дрожа не то от холода, не то от страха.

— Берегом, мимо лодочника, — тоже шепотом ответил Миша.

Три маленькие фигурки двигались по полевой тропинке, ведущей из лагеря к реке. Впереди Жердяй, за ним Миша и последним Генка. Жердяй шел легко, неслышно. Миша решительно шагал за ним. Генка же, успевший в палатке заснуть, теперь плелся позади, зевая и чувствуя себя очень несчастным оттого, что не выспался. Конечно, он был храбрый мальчик, но любил поспать.

Не доходя до реки, Миша велел ребятам подождать, а сам ползком подобрался к лодочной

станции. Луна заливала ее своим светом. Лодки на воде казались черными спящими рыбами. Но никого на станции не было. Тихо. Ни голоса, ни плеска. Так же ползком Миша вернулся к друзьям, и они отправились в путь.

До леса было верст пять. Дорога сначала вилась вдоль берега, потом углубилась в поля. В свете луны все казалось причудливым и таинственным. Что-то шелестело в пшенице. Таинственные зверьки перебегали дорогу.

Два быстрых зеленых глаза показались впереди

и исчезли.

— Заяц, — прошептал Генка, стряхивая с себя сонливость.

— Кошка, — сказал Жердяй.

Лес возник перед мальчиками черной, мрачной громадой.

— Как пойдем? — спросил Жердяй дрожащим голосом.

Он еще надеялся, что Миша побоится идти в лес и они вернутся в лагерь.

Но Миша и не думал возвращаться.

— Веди нас к болоту.

Вслед за Жердяем мальчики обогнули опушку и углубились в лес.

Сразу стало темно. Пересекавшие тропинку бугристые корневища деревьев казались клубками черных уснувших змей.

Лес жил ночной, потаенной жизнью. Невидимые, проносились меж деревьев птицы. Это козодой или летучая мышь. Часто раздавался сухой, отрывистый хруст ветки, как будто кто-то подкрадывался. Но Жердяй шел вперед, и мальчики двигались за ним. Если Жердяй не останавливается, значит, никакой опасности нет.

Шли они долго. Миша совсем потерял направление. Без Жердяя, конечно, не выбраться отсюда.

И как Жердяй здесь ориентируется?

Между тем лес становился все реже, деревья ниже и мельче. Мальчики вышли еще на одну опушку.

Жердяй остановился и обернулся к Мише. Лицо его казалось мертвенно-бледным.

— Сейчас будет болото, а там Голыгинская гать, — дрожащим голосом прошептал Жердяй.

— Пойдешь? — тихо спросил Миша.

Жердяй отрицательно качнул головой.

— Хорошо. Останешься здесь. Будешь нас ждать. Не побоишься?

Жердяй кивнул головой в знак того, что он согласен остаться здесь и ждать ребят.

— Покажи, как идти.

Жердяй протянул руку вправо и зашептал:

— Пойдете краем леса. Как дойдете до четырех дубов, так возьмите влево, там просека… А как просеку пройдете, так увидите болото… Тут и начинается гать… А я тут посижу, — добавил Жердяй и присел под березой, привалившись к ней спиной.

Миша и Генка пошли вперед. Они осторожно двигались по опушке, прижимаясь к лесу, чтобы их не было видно. Луна светила со стороны поляны, и тени мальчиков сливались с тенями

деревьев.

Вдруг Генка схватил Мишу за руку:

— Тише! Слышишь?

Прижавшись к дереву, мальчики оглянулись. Мише тоже показалось, будто кто-то крадется за ними. Они прислушались. Все стихло.

Мальчики двинулись вперед и опять услышали, что за ними кто-то крадется.

Они опять остановились. Раздался едва слышный хруст ветки. Мальчикам казалось, что лес полон таинственными людьми, которые крадутся за ними. Они почувствовали себя одинокими, окруженными врагами. Генка прижался к Мише. Миша слышал, как у Генки бьется сердце. Сам он тоже порядком перепугался, и не будь рядом с ним Генки, перед которым он не мог оказаться трусом, Миша бросился бы бежать со всех ног.

Они стояли затаив дыхание и прислушивались к лесу. Им чудились таинственные звуки, шорохи, осторожные шаги, хруст ветвей, шепот людей, и казалось, что какие-то тени двигаются в поле, на опушке, меж деревьев.

— Вернемся, — едва слышно, одними губами прошептал Генка.

— Боишься? — так же шепотом спросил Миша.

Генка кивнул головой:

— Боюсь…

Тогда, с радостью в душе, но с таким видом, будто он уступает Генкиной трусости, Миша пожал плечами и тихонько стал пробираться назад…

Но не успел он сделать и шага, как увидел за деревом фигуру человека. Миша замер на месте. Человек вышел из-за дерева. Это был Жердяй. Так вот кто крался за ними! Чудак! Только зря напугал их.

— Боязно одному сидеть, — тихо сказал Жердяй.

— Так какого же ты черта… — с негодованием начал Генка, обрадованный тем, что есть на кого свалить свой испуг.

Но Миша сделал ему знак молчать. Он сам злился на Жердяя, но сейчас не время разговаривать и не место: их могут услышать…

Втроем мальчики почувствовали себя увереннее. И уже перед Жердяем ни Миша, ни Генка не могли обнаружить своего страха. Миша снова повернул к Голыгинской гати. Генка и Жердяй осторожно двинулись за ним.

Они шли по-прежнему молча, прячась в тени деревьев. Наконец вышли к просеке. Если бы не Жердяй, Миша никогда бы не догадался, что это просека, настолько густо заросла она молодым

ельником.

Движением руки Миша приказал Жердяю идти впереди и показывать дорогу. Тот жалобно посмотрел на него, но подчинился. Только поминутно оглядывался, чтобы убедиться, что Миша здесь, рядом с ним.

Они прошли еще с версту. Лес перешел в мелколесье. Чувствовались гнилые запахи болота.

Вдруг Жердяй остановился и стал внимательно всматриваться в землю. Миша и Генка тоже наклонились и увидели рядом с собой глубокую яму длиной аршина в три и шириной в аршин. Рядом высился холмик свежевыкопанной земли.

Мальчики вгляделись. На некотором отдалении виднелась другая яма, потом третья. Жердяй развел руками, показывая, что этих ям раньше не было.

Мальчики прошли еще немного. Просека кончилась.

Жердяй остановился, протянул вперед дрожащую руку:

— Гать…

Луна освещала темное бугристое болото. Местами из него торчали не то бревна, не то поваленные деревья. Белесые испарения поднимались над болотом, образуя таинственные

движущиеся фигуры. Изредка перебегали огоньки — зеленые, синие, желтые… И хотя Миша знал, что это болотные огни и больше ничего, а белесые движущиеся фигуры, похожие на мертвецов в саванах, не более как испарения, подымающиеся с болот, но и ему было жутко.

Мальчики стояли безмолвные, окаменевшие перед жуткой картиной ночного болота. Им казалось, что вот сейчас один из этих белесых движущихся призраков приблизится к ним и они увидят мертвого графа и страшную бородатую голову у него в руках.

Вдруг совсем близко мальчики услышали глухие, равномерные удары. Как будто кто-то стучал под землей. Жердяй от страха присел и уткнул голову в колени.

Миша и Генка тоже присели. Но, как они потом говорили, не от страха, а для того, чтобы их не заметили люди, производившие эти звуки.

Удары повторялись равномерно через короткие, но точные промежутки времени.

Миша прислушался. Когда первый страх прошел, он сообразил, что удары доносятся не из-под земли и не с болота, а откуда-то справа, из леса, и совсем близко.

Он сделал мальчикам знак оставаться на месте,

а сам, пригибаясь к земле, ползком стал подвигаться в сторону, откуда слышались странные звуки. Но за ним пополз Генка, а за Генкой — Жердяй.

Они проползли шагов двести. Удары раздавались все ближе и ближе. Теперь было ясно, что где-то копают и отбрасывают землю. Между деревьями мелькнула полоска лунного света. Миша осторожно раздвинул ветки…

Перед ним была крошечная полянка, а в середине полянки — яма. Два бугра земли высились по ее краям. Возле ямы сидели два человека и курили.

Это было совсем близко. Удивительно, что эти люди не услышали приближения мальчиков.

Как ни меняется лицо человека при лунном свете, Миша сразу узнал парней, которым лодочник передал мешки.

Один парень плюнул на окурок, бросил его, поднялся, взял лопату и прыгнул в яму. То же сделал и второй парень. И все это без единого слова.

Снова раздались равномерные удары лопат.

Миша сделал Генке и Жердяю предупреждающий жест и начал тихо отползать назад. Генка и Жердяй поползли за ним.

Через несколько минут три маленькие юркие

тени быстро мелькнули по краю просеки, направляясь в обратный путь, к лагерю.

Часть четвертая
Краеведческий музей

Глава 41
Ерофеев

Итак, парни — в лесу. Ребята торжествовали. Ведь они оказались правы. Здесь действует банда. И возглавляет банду лодочник. И, конечно, они убили Кузьмина.

Правда, они что-то ищут, весь лес перерыли. Может быть, клад, о котором с такой насмешкой говорили и следователь, и доктор, и художник. Но тогда тем более вероятно, что именно они убили Кузьмина, который был лесником. Теперь остается только доказать это.

Но как доказать? Ведь следователь не обращает на мальчиков никакого внимания. А может быть, он сам хочет во что бы то ни стало доказать виновность Николая? Трудно в это поверить, но некоторые обстоятельства укрепили Мишины подозрения.

Когда следователь приезжал в деревню, то он долго разговаривал с кулаком Ерофеевым. А на другой день Миша увидел Ерофеева в избе у Жердяя.

Ерофеев сидел на скамейке. Он часто вынимал

из заднего кармана большой цветастый носовой платок, похожий на небольшую скатерку, и вытирал им сначала красную морщинистую шею, потом лоб и, наконец, очки. Глаза его без очков были совсем маленькие, красные, беспомощные…

Потом он надел очки и сказал:

— Так-то вот, Мария Ивановна, по-божески надо думать, по-божески жить. Тебе общество поможет, и ты обществу помоги.

— Что же я сделать-то могу? — грустно спросила Мария Ивановна; она сидела у стола, подперев голову рукой.

— В город съезди, с сыном поговори. Зачем он невинных подводит?

— Разве он винит кого?

— Винить не винит, а от своей вины отказывается, — строго и внушительно сказал Ерофеев. — Потому и ищут других. Глядишь, и невинного привлекут… Вот приезжал следователь, допрашивал: «Кто лодку угнал?» А кто ее угнал? Может, мальчонка какой… А тут на всю деревню, на все общество подозрение падает. Разве в лодке дело? Тут человек убитый, вот что.

— Может, Микола и не виноват вовсе, — уныло проговорила Мария Ивановна.

— Кто же тогда виноват? Были-то они двое. — Ерофеев вздохнул. — Нет, согрешил, так уж покайся. Нехорошо. Всей деревне, всему обществу неприятности. Разве можно? Ну, поспорили, в бессознательности был. Разве много ему дадут? Тем более бедняк. Советская власть к беднякам снисходительна. Через год и под амнистию попадет.

— Как же можно такой грех на себя принять, ежели не убил? — сказала Мария Ивановна.

— Грех будет, если не покается, — сказал Ерофеев. — Невинных из-за него таскают. Следователи ездют, шарят… Конечно, никому от них не боязно, совесть у всех чистая, а все же неприятность. Нельзя так… Общество — сила. Разве можно против общества идти? Общество и в нужде выручит, общество и в беде поможет. Николая твоего все равно засудят, потому виноват. А тебе тут с людьми оставаться. Вот и подумай: как на тебя люди-то будут смотреть, ежели сын твой общество подводит?

Мария Ивановна тупо смотрела на угол стола.

Мишу удивляло, что Ерофеев при нем так откровенно и цинично требует, чтобы Николай признался в том, в чем он не виноват. И, точно угадав Мишино недоумение, Ерофеев ханжески

добавил:

— Конечно, если бы Николай не был виноват, тогда другой разговор. А раз виноват — признавайся. И органы судебные не надо обманывать. И следователя не надо зря водить. Люди государственные, занятые. Правду им надо говорить. Не должны мы государство наше советское обманывать.

Мишу передернуло от такого лицемерия. Ишь ты, о советской власти заботится!

— Советская власть нас и землей наделила, — продолжал Ерофеев. — Правда, слухи ходют, собираются эту землю отобрать в колонию беспризорническую. Ну, да власть не позволит. Не оставит она крестьян без земли.

Здесь уже Миша не мог смолчать.

— Никто у крестьян землю не отбирает, — сказал он. — Ее должны будут вернуть только те, кто незаконно владеет сотнями десятин и эксплуатирует бедняков и батраков.

— Таких у нас нет, молодой человек, — елейным голоском возразил Ерофеев. — Живем мы всем обществом, мирно, справедливо, по христианскому обычаю. Нет у нас ни кулаков, ни бедняков — все едины. — Ерофеев встал, надел на голову фуражку. — Вот так, Ивановна, поду-

май… — Потом добавил: — Вечером мальчонку подошли. Мучицы наскребу. Ох-ох!.. А насчет Николая подумай. Очень тебя общество просит.

Ерофеев вышел. Мимо низеньких окошек, на мгновение затемнив избу, проплыли его сапоги и длиннополый сюртук.

— И не вздумайте его слушаться! Понятно, Мария Ивановна? — сказал Миша.

Мария Ивановна молчала.

— Неужели вы его не раскусили? — воскликнул Миша. — Ведь он хочет, чтобы Николай взял вину на себя. Он боится, что найдут того, кто действительно убил Кузьмина. И не вздумайте даже говорить об этом с Николаем. И никакой муки у него не берите.

— Жить-то надо, — проговорила Мария Ивановна.

— Разве вы без кулаков не проживете? Да мы вам отдадим все, что у нас есть!

— Я не про то, я не про муку, — печально ответила Мария Ивановна. — Как против общества-то пойдешь? Жить-то с ними. Вот, — она показала на Жердяя, — Ваську надо подымать.

— Ерофеев — общество? — воскликнул Миша в негодовании. — Никакое он не общество! Кулаки тут у вас все захватили. Боитесь вы их. Советская

власть вас поддерживает, а вы кулаков боитесь. Безобразие! И я вас предупреждаю, Мария Ивановна: если только вы будете уговаривать Николая взять вину на себя, то я все расскажу, что вас подговорил Ерофеев. Так и знайте! А ты, Жердяй, не смей ходить к Ерофееву, не смей! Какой благодетель нашелся! Хочет, чтобы вы за кулечек муки сына продали. Как угодно, Мария Ивановна, а мы не допустим этого. Ни за что!

Глава 42
Клуб

Опасаясь, что Мария Ивановна все же пошлет Жердяя к Ерофееву за мукой, Миша увел его с собой в клуб.

Зина Круглова объясняла деревенским ребятам законы и обычаи юных пионеров.

— «Пионер смел, честен и правдив», — говорила Зина. — Что это значит? Это значит, что пионер ничего и никого не боится, никогда не врет, всегда говорит только одну правду. Вот что это значит. Понятно?

Ребята молчали.

— Я спрашиваю: понятно или нет? — переспросила Зина.

— А как же отца-мать, тоже не бояться? — спросил Муха.

— Конечно, не надо.

— Выпорют! — уверенно сказал Муха.

— Если вы перед родителями ни в чем не провинились, то чего вам их бояться?

— Разбираться не станут, — сказал Муха, — выпорют, и всё. Поди потом доказывай!

— Родителей надо не бояться, а уважать, — объяснил Славка. — Понятно?

Все молчали.

— Значит, понятно? — неуверенно проговорила Зина.

— А как же, например, грозу, — спросил Жердяй, — или молнию? Ее тоже не бояться? А если убьет?

— Трусость и осторожность — это совсем разные вещи, — объяснила Зина. — Конечно, человек должен опасаться молнии, должен ее беречься, для этого и делаются громоотводы. А бояться не надо. Оттого, что будешь бояться, все равно от молнии не спасешься.

— Разве громоотвод поможет от молнии? — улыбнулся Жердяй.

— Конечно!

— Нет!

— Почему?

— А потому! Гроза — это что? Это пророк Илья ездит по небу в колеснице и гонит бесов. А бесы прячутся. И в деревья, и в зверей разных, и в людей даже прячутся. Вот Илья-пророк и бьет по ним молнией. Спрятался бес в дерево — молния по дереву лупит. Спрятался бес в человека — молния в человека бьет. А чтобы бес в тебя не вселился,

молиться надо. Будешь в грозу молиться, то бес в тебя не вселится и ты жив останешься. Больше ничем не спасешься.

Поднялся страшный шум. Комсомольцы доказывали, что ни пророка Ильи, ни вообще никакого бога нет. Жердяй и Муха стояли на своем. Так каждый раз! О чем бы ни говорили, всегда переходили на бога.

— Давайте потише! — навел порядок Миша. — Сейчас беседа не о боге, а о законах и обычаях юных пионеров. О боге поговорим в другой раз. А пока вам надо хорошо понять законы и обычаи. Иначе как же вы сможете вступить в пионеры?

В это время в клуб вошли Сенька Ерофеев и Акимка. Услышав последние Мишины слова, Сенька сказал:

— Кто в пионеры поступает? — Он повернулся к сидевшим на скамейках ребятишкам и грозно повторил: — Кто? Покажись!

Никто не показался. Все боялись Сеньки.

Только Жердяй не боялся ни Сеньки, ни Акимки. И хотя именно он не собирался вступать в пионеры, потому что верил в бога (впрочем, после посещения Голыгинской гати эта вера изрядно поколебалась), Жердяй сказал:

— А хотя бы я собираюсь. Тебе какое дело!

— Только попробуй! — угрожающе проговорил Сенька.

— И попробуем. У тебя не спросили! — сказал осмелевший Муха.

Миша молчал. Он хотел, чтобы ребята сами дали отпор Сеньке. Пусть почувствуют свою силу,

пусть поймут, что им всем вместе нечего бояться ни Сеньки, ни Акимки. Иначе зимой организованный здесь отряд развалится, Сенька и Акимка его разгонят.

— Поговорите!

Но уж такой угрозы ребята допустить не могли. Генка подошел к Сеньке и встал против него:

— Ты чего кулаками размахался? А ну, катись отсюда!

— Но-но, поосторожней! — нагло и трусливо ответил Сенька. — «Катись»!.. Подумаешь, какой хозяин нашелся! Ваш, что ли, этот клуб, собственный? Вот как наверну! — и поднял кулак.

— Наверни, наверни! — сказал Генка, наступая на Сеньку. — Наверни, попробуй!

Ребята повскакали со своих мест. Сенька затравленно осмотрелся по сторонам. Акимка бочком отходил к дверям и уже стоял там, готовый при первой опасности улизнуть.

— Что же не наворачиваешь? — говорил Генка, продолжая наступать на Ерофеева.

Он вошел в азарт и лез в драку. Наконец-то он рассчитается за яйцо, разбитое на его голове!

Но драки здесь, в клубе, нельзя было допускать. Миша встал между ними:

— Знаешь что, Ерофеев? Тебе здесь не нравится

— уходи, не мешай другим. И имей в виду, никто тебя не боится. Нас много, а ты один. И со всеми ты не справишься.

Сенька обвел всех злобным взглядом, повернулся и пошел к выходу, сопровождаемый веселым смехом и улюлюканьем всех деревенских ребят. Поражение всесильного Ерофеева было для них неожиданным и приятным событием.

В дверях Сенька оглянулся и опять погрозил всем кулаком. Раздался новый взрыв хохота. Тогда, в бессильной ярости, Сенька опустил кулак прямо на шею Акимке.

— А меня за что? — жалобно спросил Акимка.

Глава 43
Борьба разгорается

Сенька и Акимка были с позором изгнаны из клуба. А на следующий день в бывшем помещичьем саду кто-то сломал четыре яблони. Ребята этих яблонь и в глаза не видели. Но явился председатель с двумя крестьянами, пригласил Мишу в сад, показал ему сломанные яблони и мрачно спросил:

— Твоих ребят работа?

— Нет, — твердо ответил Миша, — никто из ребят не мог этого сделать.

— Кто же их сломал?

— Не знаю.

— Кроме ваших ребят, некому, — сказал председатель. — Разве вы видали кого постороннего?

Но никого постороннего Миша не видел.

— То-то и оно, — сказал председатель. — Не было здесь посторонних и не могло быть. Значит, ваши ребята и сломали.

— Нет! — закричал Миша. — Никогда они не будут ломать деревья.

Председатель покачал головой:

— Ведь вот сломали…

Миша немедленно созвал сбор отряда, рассказал о поломанных деревьях и строго спросил, кто это сделал. Ответом ему было общее недоуменное молчание. Миша пытливо всматривался в лица. Но ни на одном не уловил и тени смущения. Да ему и без того было ясно, что никто деревьев не ломал, да и не мог сломать. Кто решится на такой подлый поступок?

Почему же их в этом обвиняют?

Через несколько дней Миша понял почему…

В уездной газете одна за другой появились три заметки. Первая называлась «Хороши клубные устроители», вторая — «Прекратить уничтожение народного добра!», третья — «Разве так помогают старшим?». Все они были подписаны неким «Шило».

Смысл этих заметок заключался в том, что комсомолец Миша Поляков несерьезно относится к своим обязанностям, распустил пионеров, превратил отряд в банду хулиганов. Вместо того чтобы помочь крестьянам деревни Карагаево устроить клуб, Миша связался с местным алкоголиком, выбросил на ветер общественные деньги и испортил клуб. Ребята ломают фруктовые деревья в усадьбе, которая является народным

достоянием. Комсомолец Миша Поляков не хочет помогать местным органам власти, пример тому — случай с Борками. И у него установились подозрительные связи с семьей лица, обвиняемого в уголовном преступлении.

Это был неожиданный удар. Ребята были подавлены. Как их опозорили! Публично, в печати… Ведь все это несправедливо, неверно.

— Надо послать опровержение, — сказал Славка.

— Разве газета напечатает опровержение против самой себя? — возразила Зина Круглова.

— А мы их заставим! — вращая глазами, закричал Генка. — Я сам поеду в редакцию. Пусть попробуют не напечатать!

— Никто там тебя не испугается, — резонно заметил Миша. — И что, спрашивается, мы будем опровергать? Ведь с клубом было, с Борками тоже, только насчет деревьев неправильно. Очень хорошее будет опровержение: «Клуб мы изуродовали — это действительно. Поручение председателя не выполнили — тоже правда. А вот уж деревья мы не ломали, неверно». После такого опровержения над нами еще больше будут смеяться.

Кто же скрывается за подписью «Шило»? И как

мог редактор газеты напечатать это? Безусловно злой, нехороший человек. Бюрократ. Так казенно, ни за что ни про что, опозорить целый коллектив, смазать их работу! Такая несправедливость!

Миша выходил из себя. Может быть, действительно написать опровержение? Не в эту газету, в другую, в центральную. Например, в «Правду» или в «Известия». Ведь есть же справедливость на свете…

И почему, когда здесь вожатым был Коля Севостьянов, ничего подобного не случалось? Никаких происшествий. Все было в порядке. А при нем, при Мише, все получается неладно. И Сева с Игорем сбежали, и клуб испортили, и вообще. Может быть, действительно он еще молод и не умеет руководить отрядом? Что же такого неправильного он сделал?

Ребята не знали, куда деваться от стыда. Они проходили по деревне с опущенной головой. Им казалось, что все читали газету и теперь осуждают их. Впрочем, никто их не осуждал. Только один Сенька Ерофеев со злорадством объявил:

— Пропечатали вас в газете! Подождите, еще не то будет!

Сенькины угрозы оправдались. Через несколько дней председатель вызвал Мишу в сельсовет

и вручил ему бумагу из губоно. Отряду предлагалось немедленно покинуть усадьбу «ввиду систематической порчи таковой». Бумага была подписана Серовым.

Итак, их выгоняют. Какой позор!

Разве они могут уйти отсюда? Уйти — значит признать свою вину. Какая память останется о них в деревне? И как все бросить: отряд, который вот-вот уже организуется, ликбез, клуб, который они уже успели привести в порядок, закрасив мазню анархиста Кондратия Степановича.

Как они могут бросить все это? Бросить из-за того, что их оклеветали! И оклеветали специально для того, чтобы выжить отсюда. Значит, они кому-то мешают! Нет, они так быстро не сдадутся! Они ни в чем не виноваты и докажут свою правоту.

Было решено, что Миша и Славка поедут в город и будут там добиваться отмены распоряжения Серова. Тем более что «графиня» тоже выехала в город и, конечно, будет там наговаривать на отряд. Вожатым на время отсутствия Миши останется Генка.

— Смотри, Генка, — сказал ему Миша, — до моего возвращения лагерь ни за что не оставлять. Кто бы ни приказывал.

— Не беспокойся, — ответил Генка, — никто нас отсюда не выселит. — И сделал театральный жест: — Только через мой труп.

Глава 44
Борьба продолжается

Товаро-пассажирский поезд тащился медленно, останавливаясь на каждом полустанке. За окном вагона проплывала знакомая однообразная картина: железнодорожные будки, телеграфные столбы, стаи воробьев на проводах, закрытые шлагбаумы и вереница подвод за ними, баба-стрелочница со свернутым желтым флажком в руке, деревня на косогоре, пруд за насыпью и утки на пруду, на платформе — бородатый мужчина с маленьким блестящим бидончиком в руках, рабочие с ломами и лопатами, ремонтирующие путь, старуха, бредущая по тропинке с цветастым узелком, дачники на велосипедах…

Впрочем, наслаждаться пейзажем Миша и Славка особенно не могли: они ехали без билета, зайцами.

Миша знал много способов такого передвижения. Самый простой заключался в том, чтобы сидеть в середине вагона и, как только в дверях появится контролер, немедленно уходить в другую сторону, вливаясь в жизнерадостную толпу

других зайцев.

Но за последнее время контролеры изловчились и входили вдвоем с разных концов вагона. Поэтому Миша ездил теперь по самому сложному способу. Во время движения поезда он стоял на площадке. Как только поезд подходил к остановке, он соскакивал на платформу, смотрел, куда садятся контролеры, и действовал в зависимости от этого. Сначала по вагонам уходил в другой конец поезда, затем на следующей остановке слезал, по платформе перебегал в тот вагон, где контролеры уже проверили билеты, и спокойно ехал дальше. Он так навострился, что, увидев контролеров, мог с точностью до одной минуты предсказать, когда они появятся в том или ином вагоне.

Таким способом они со Славкой добирались до города. Славка не то чтобы трусил, но он был щепетильный и стеснительный мальчик. Ему казалось, что все понимают, что он заяц, и ему было стыдно перед другими пассажирами. Мише тоже было стыдно. Но, как всегда, он подвел теоретическую базу.

— Конечно, нехорошо ездить зайцем, — говорил он, — но зайцы — явление восстановительного периода. Вот когда страна наша разбогатеет, то

никто не будет ездить без билетов.

— Если все так будут рассуждать, то никто не будет покупать билетов. А ведь железные дороги на хозрасчете, — возражал Славка.

Обсуждая таким образом этот вопрос, они маневрировали, перебегая из вагона в вагон, потому что на этот раз контролеров по линии было много. Перебегали они до тех пор, пока одно обстоятельство не привлекло их внимания.

Они увидели «графиню»…

Вагон был набит битком. Только на верхнем ярусе люди лежали. На второй полке они сидели, свесив ноги в лицо тем, кто сидел на нижней. Было жарко и душно. «Графиня», притиснутая в угол, клевала носом. Она сидела у открытого окна, против хода поезда, и черная паровозная пыль садилась ей на лицо.

Мальчики знали, что «графиня» тоже поехала в город, и потому не придали бы особого значения встрече с ней, но в другом вагоне они увидели лодочника.

Зачем же они едут оба? И в разных вагонах?

— Возможно, каждый из них едет сам по себе, — предположил Славка.

Миша отрицательно качнул головой:

— Не думаю… Вот приедем и посмотрим, вместе

они приехали или отдельно.

Поезд прибыл в город. Вышедшие из поезда пассажиры заполнили мокрую платформу. Видно, только что прошел дождь. Капли его блестели на урнах, на переплетах вокзальных ферм.

— Я буду следить за лодочником, а ты за «графиней», — прошептал Миша. — Только смотри не прозевай.

Не спуская глаз с «графини» и лодочника, мальчики медленно двигались в толпе. «Графиня» и лодочник шли отдельно, она впереди, он на некотором расстоянии сзади. Поэтому мальчики хорошо видели лодочника, а «графиня» то появлялась, то снова исчезала в толпе.

Вот и привокзальная площадь, оживленная на то короткое время, когда на нее выплескивается поток прибывших пассажиров. Извозчики на высоких, неуклюжих пролетках, зазывающие седоков. Когда такая пролетка трогается по булыжной мостовой, то ее черный откидной, похожий на гармошку верх прыгает и трясется… Разносчики «фруктовой» с большими бутылями, в которых плещется обыкновенная водопроводная вода, подкрашенная дешевым сиропом. Лоточники с лотками на груди. Беспризорники, «последние из могикан», растянувшиеся в тени

вокзала в ленивых позах, но зорко поглядывающие на вещи пассажиров.

«Графиня» исчезла, но лодочника мальчики не упустили. Он пошел по улице, мальчики — на некотором расстоянии за ним. И когда они шли за ним, то снова увидели шедшую впереди «графиню».

Вскоре мальчики убедились, что лодочник не просто шел за «графиней», а следил за ней. Он держался от нее на солидном расстоянии, прижимаясь к стенам, очень ловко скрываясь за идущими впереди прохожими. Когда «графиня» задержалась на углу, пропуская длинный обоз, то лодочник тоже остановился, даже спрятался за крыльцом дома и сделал вид, что скручивает папиросу. Мальчики едва успели укрыться за газетным киоском.

Так шли они некоторое время — лодочник за «графиней», мальчики за лодочником, — пока все не пришли на улицу, где помещался краеведческий музей и где Миша уже был с Борисом Сергеевичем.

Это была тихая, пустынная улица. Спрятавшись за углом, мальчики видели, как «графиня» вошла в музей, как, притаившись за выступом стены, следил за ней лодочник. Потом лодочник

перешел улицу и улегся на траве на небольшой лужайке в тени дерева.

Мальчики некоторое время постояли за своим укрытием. Затем выбрались в боковую улицу и начали совещаться, как им действовать дальше.

— Кто знает, сколько времени «графиня» пробудет в музее, — говорил рассудительный Славка. — Может быть, до вечера. Что же, так и будем здесь стоять? Ведь у нас есть более серьезное дело. Надо идти.

Но Миша не согласился. Упустить такой случай! Если бы «графиня» пришла сюда одна, другое дело: хочет посмотреть на имущество усадьбы. Понятно. Но почему лодочник следит за ней? Ее верный слуга и сообщник! Тут что-то есть. И очень важное.

— Я к Серову пойду один, — сказал Миша, — а ты оставайся здесь и постарайся узнать, зачем «графиня» пошла в музей и почему лодочник за ней следит.

— Но… — попытался возразить Славка.

— Давай, давай, — сказал Миша, — все выясни. И жди меня здесь. Я скоро вернусь.

Глава 45
Опять у Серова

Вот и серое здание губоно. Миша с волнением посмотрел на него. Что же скажет Серов? Хорошо бы встретить здесь Бориса Сергеевича, директора детдома. Вот кто бы их поддержал! Уж он-то не дал бы выгнать отряд. Ну ладно, если здесь ничего не выйдет, то Миша пойдет… Куда же он пойдет? Конечно, в губком комсомола. А если там не помогут, то в губком партии. Вот куда он пойдет!

Серов встретил Мишу, как старого знакомого. Он замахал руками, сокрушенно закачал головой:

— Знаю, знаю… Про все ваши несчастья знаю… Кое-как дело потушил… Могло быть хуже.

Миша остолбенел:

— Какое дело?

— Тут против вас такое поднялось, — Серов крутнул головой, махнул рукой, — такое… Хотели в Москву писать. А я говорю: «Бывает! Бывает! Ребята молодые, неопытные, вот и не поладили с местным населением. Что же, казнить их? Перейдут на другое место, и дело с концом».

— Но почему мы должны перейти на другое место?

Серов придал своему голосу оттенок мягкого и дружеского убеждения:

— Долго ли перенести палатки? Сам подумай… И какая разница, где будет лагерь? Только от неприятностей уйдешь.

— Палатки перенести нетрудно, — сказал Миша, — но почему мы должны уйти? Это несправедливо.

Серов огорченно развел руками:

— Ну, товарищи, так нельзя… Газету читал?

— Там все неправильно написано, — ответил Миша.

Серов совсем сокрушенно закатил глаза и, чуть не плача, проговорил:

— Разве можно? Комсомолец, а так относишься к нашей советской печати!

— Не к печати, а к тому, кто написал заметки, — насупившись, ответил Миша.

Неожиданно строго Серов сказал:

— Редакция не печатает без проверки фактов. И газетой руководят коммунисты, твои старшие товарищи. Извольте их уважать.

Сильный довод, особенно для Миши. И все же он не мог уступить.

— Все это неправильно и несправедливо! — сказал он. — Посмотрим, что еще скажет губком комсомола.

Серов на мгновение закрыл глаза. Опущенные веки, сильно припухшие, неестественно большие для таких маленьких глазок, на мгновение превратили его лицо в толстую, неподвижную маску. И когда он открыл глаза, они уже не перебегали с предмета на предмет, а пристально и отчужденно смотрели на Мишу.

— Вы собираетесь жаловаться?

— Не жаловаться, а поставить в известность.

— Так-так… А знаете, чем это для вас кончится?

— Чем?

— Вас исключат из комсомола.

— За что меня исключат из комсомола? — поразился Миша.

— За все, что вы там натворили, — грубо сказал Серов. — Я сам хотел передать дело в губком комсомола, но пожалел вас. И мой вам совет: забирайте свои палатки и переходите на новое место. Без шума. Комсомол вас за такие дела по головке не погладит. Так что без шума. Не ввязывайтесь в историю.

— Я комсомолец, — ответил Миша, — и от комсомола никуда не прячусь. И всегда готов

держать ответ.

— Виновных в порубке яблонь должны привлечь к ответственности, — пригрозил Серов, — и привлекут. И взыщут не только стоимость испорченных яблонь, но и стоимость испорченных в клубе красок и материалов. Приятно вам будет, если об этом узнают в школе, в комсомольской организации? Так что, повторяю, самое правильное — уйти без шума и скандала. Вовремя смыться. Понятно?

Серов добавил, что история с побегом Игоря и Севы тоже выглядит не слишком красиво. Что за вожатый, у которого пионеры разбегаются! Разбегаются и попадают в дела об убийстве, воруют лодки. И неизвестно еще, просто ли стащили лодку или за этим кроется нечто более серьезное. Да-да, у него создалось впечатление, что дело вовсе не так просто, как хотят его представить. Ведь мальчики-то у него жили! Вот что получается, молодой человек! Вот какой клубок. И надо подумать! Миша только начинает жизнь, и не следует на пороге жизни пятнать себя таким делом. Самое выгодное для Миши — вовремя уйти.

Опустив голову, Миша слушал Серова. В его передаче все звучало ужасно. Как же так получилось? И ведь Серову могут поверить. А тут еще

эти заметки… Какое пятно ляжет на отряд!

— Договорились? — спросил в заключение Серов, заглядывая Мише в лицо.

И в его голосе Миша услышал желание получить утвердительный ответ.

— Я подумаю.

— Очень хорошо, — удовлетворенно сказал Серов, кладя обе ладони на стол. — Губерния наша большая, везде есть место. Надо побольше путешествовать, изучать родной край. Сегодня вернешься в лагерь, а завтра рано утром и подымайтесь…

Миша вышел от Серова. Противоречивые чувства обуревали его. Как быть, как поступить?

Серов плохой человек, ясно! Никаких дружеских чувств к Мише он не испытывает, а заинтересован в том, чтобы отряд ушел из Карагаева. Но ведь его скорее послушают, чем Мишу. Даже Борис Сергеевич, директор детдома, не может с ним справиться, не может отобрать усадьбу. И Серову ничего не стоит доказать в губкоме комсомола, что ребята во всем не правы. Он сумеет очень ловко использовать их ошибки, действительные и мнимые. И это может кончиться большими неприятностями для отряда.

Что же делать? Вернуться в лагерь, поднять

ребят и уйти подальше от усадьбы? Все бросить? И клуб, и деревенских ребят, и ликбез, где люди уже читают по складам? Оставить на произвол судьбы Николая Рыбалина, Жердяя и его мать? И ничем не помочь Борису Сергеевичу в организации трудкоммуны? В общем, отказаться от борьбы, признать себя виновными? Трусливо уйти от суда своих товарищей?!

Нет! Так комсомольцы не поступают! Нельзя сдаваться! Что бы там ни было, но никакого преступления они не совершали. Ошибки были, но они честные комсомольцы и ни перед кем не боятся держать ответ… Неужели в губкоме комсомола не смогут разобраться?

Глава 46
Победа

Секретаря губкома Миша поймал на лестнице. Это был русый паренек в кожаной куртке, брюках клёш и серой кепке.

— Тебе чего? — спросил он на ходу у Миши, когда тот обратился к нему.

Миша пошел с ним рядом и начал рассказывать свое дело. Но секретаря все время останавливали, иногда он останавливался сам, окликал кого-нибудь и в конце концов объявил, что ничего не понял.

— Ничего я, брат, не понял. Сядем-ка здесь, и расскажи все по порядку.

Они уселись на подоконнике, Миша снова рассказал все по порядку. На этот раз секретарь понял и сказал:

— С убийством этого крестьянина разберутся и без вас. И уже разбираются. Что касается усадьбы, музея, птицы — это все выдумки, романтика. — Он презрительно покрутил в воздухе рукой. — Начитался ты приключенческих романов. Все вы, молодые, любите тайны, приключения и прочее

такое. А ничего такого прочего нет. Есть старая усадьба, бывшие хозяева держатся за нее, не хотят отдавать под детдом, а Серов воображает себя ценителем древностей и объективно помогает бывшим помещикам. Я в курсе дела. У меня был директор московского детдома. Мы ему обещали помочь и поможем. Усадьбу они получат. А тайны и все прочее — ерунда! Что же касается вашего отряда, то Серов слишком много берет на себя. Нашелся хозяин! Если ваши ребята в чем-нибудь виноваты, то ты как вожатый будешь за это отвечать. Но не перед Серовым, а перед комсомолом. Вот как стоит вопрос. А теперь сам скажи: какую положительную работу вы проделали и какие ошибки, с твоей точки зрения, допустили?

Миша перечислил все положительное, что они проделали в деревне. К ошибкам же и недостаткам он отнес побег Игоря и Севы.

Также к ошибкам Миша отнес то, что художник плохо раскрасил клуб, но добавил, что они уже все сами перекрасили. Действительно, они не выполнили поручения председателя сельсовета, но это было только один раз, а так ребята всегда и во всем помогали сельсовету. А уж в поломке деревьев они никак не виноваты.

— В общем, все у вас хорошо, даже ошибки и те хорошие, — сказал секретарь.

— Я говорю так, как есть! — обиделся Миша. — Мне незачем врать. Мне Серов советовал не

ходить в губком, советовал уехать с отрядом, но я ведь сам пришел, меня никто не заставлял.

— Ладно. — Секретарь встал. — Парень ты, видно, хороший, и я тебе верю. Оставайтесь на месте и никуда не переезжайте. Никуда! И работу в деревне продолжайте. А ребят своих подтяни, дисциплина должна быть.

— А если Серов опять прикажет убираться? — спросил Миша.

— Пусть приказывает сколько угодно, — беззаботно ответил секретарь, — вы ему не подчиняетесь. Хватит ему головотяпствовать. В случае чего сошлись на меня. А с заметками в газете мы разберемся. Понял? Ну и катись! Без тебя дел вагон.

«Боевой парень! — подумал Миша про секретаря, выйдя из губкома. — Хорошо я сделал, что пошел к нему. Какой стыд! Чуть было Серова не испугался! Если бы я послушался Серова, то никогда бы в жизни себе этого не простил…»

Точно гора свалилась с Мишиных плеч.

Все ясно, все понятно, все честно сделано.

Ребят, конечно, надо подтянуть, надо положить конец разболтанности, распущенности, дурацким играм в «зелень», всем этим Генкиным штучкам, но отряд остается на месте и доведет до конца все начатые дела.

Как здорово он все провернул!

Миша шагал по улице, гордо выпятив грудь. Теперь ребята докажут свое! Раз они остаются здесь, то всё сумеют сделать.

Надо бы еще зайти к следователю, узнать насчет Николая. Но это потом… А сейчас важно поскорее вернуться в лагерь и успокоить ребят. И пусть в деревне все узнают, что они остаются в усадьбе. И председатель пусть узнает. А то их уже считают какими-то преступниками.

Глава 47
Опять в музее

Славка дожидался Мишу у музея.

— Ну как? — спросил он.

— Все в порядке, — ответил Миша. — Серов, конечно, и слушать ни о чем не хотел. Уговаривал меня свернуть лагерь. А я ни в какую. Пошел в губком комсомола, поговорил с секретарем. Он велел нам оставаться и не двигаться с места.

— Прямо так, без проверки?

— Что проверять? Не бюрократ же он! Я ему все честно рассказал. А Серова он сам хорошо знает, знает, что это за тип. В общем, мы остаемся. Что у тебя? Видел «графиню»?

Славка оглянулся по сторонам, таинственно округлил глаза:

— Я пошел в музей, прямо в отдел быта помещика, про который ты рассказывал…

— А лодочник?

— Лодочник ушел. Я как раз этим моментом и воспользовался… Хорошо. Стою я в комнате, смотрю — «графиня» идет. Я сделал вид, что разглядываю старинные костюмы. Народу в музее

никого. Она медленно прошла мимо меня. И хотя я стоял к ней боком, почти спиной, я заметил, что она подозрительно посмотрела на меня. Я продолжаю стоять. Она прошла вперед, потом снова появилась в этом коридоре. Я перешел к другому шкафу. Она опять посмотрела очень нетерпеливо и подозрительно и прошла. Я ей мешал. Тогда я спрятался за портьеру. Немножко там было страшновато и ужасно пыльно…

— Пыльно — я понимаю, а почему страшновато?

— А вдруг бы старуха проверила, нет ли кого за портьерой.

— Ну и что, съела бы?

— Конечно бы, не съела, но неудобно. А кроме того, я боялся чихнуть: пыль страшная, а когда боишься чихнуть, то обязательно чихнешь… Так вот. Стою я за портьерой и в щелочку все вижу. Старуха опять возвращается, смотрит, нет ли кого, и остается. Сначала она сделала вид, что рассматривает шкафы, а потом подошла к канату — знаешь, который отгораживает обстановку…

— Знаю, знаю…

— Она подняла канат и подошла к бронзовой птице. Что она там делала, я не видел, она стояла ко мне спиной и загораживала птицу. И пробыла

возле нее ну буквально минуту. Мне, естественно, показалось, что она пробыла очень долго, но на самом деле не больше минуты. Потом вышла обратно, повесила канат на место и ушла.

— Теперь ясно, — решительно сказал Миша, — в бронзовой птице — тайник. Вот что в бронзовой птице.

— И знаешь, — продолжал Славка, — там висит таблица — генеалогия графов. И видно, что они были в родстве с Демидовыми.

— Сейчас не это важно, — сказал Миша, — не Демидовы. Сейчас главное — тайник. Пошли!

— Куда?

— В музей. Посмотрим еще раз бронзовую птицу.

Мальчики вошли в музей и медленно, небрежно, так, чтобы их ни в чем не заподозрил служитель, прошли сквозь анфиладу комнат. Всегда, когда делаешь что-либо тайно, кажется, что тебя подозревают. Так и сейчас. Мише казалось, что служитель уселся на стуле у входа нарочно, чтобы следить за ними.

Дожидаясь, пока он уйдет, мальчики рассматривали экспонаты. Сторож дремал на своем табурете. Он клевал носом и через равные промежутки времени встряхивал головой.

Наконец сторож встряхнулся окончательно, сонными глазами посмотрел по сторонам, поднялся и побрел по комнатам.

Славка стоял в коридоре, готовый предупредить Мишу о малейшей опасности, Миша прошел в глубь отделения, решительно снял канат… как вдруг Славка подал ему знак. Миша быстро повесил канат обратно и отвернулся к стене, делая вид, что рассматривает картинки, изображающие быт помещиков XVIII столетия.

Подошли две девицы студенческого вида, в очках, коротко подстриженные. Вскидывая глаза на развешанные на стенах экспонаты, они что-то записывали в записные книжки, не обращая на мальчиков никакого внимания. Пришлось ждать, пока они пройдут коридор и завернут за угол. Наконец они исчезли. Миша снова взялся за канат, но появился сторож. Он шел, шаркая огромными рваными валенками, и меланхолически смахивал тряпкой пыль со всего, что попадалось ему на пути. А так как шел он по коридору, никуда не сворачивая, то на его пути мало что попадалось. Мальчики опять сделали вид, что внимательно рассматривают экспонаты. Для конспирации Миша рассказывал Славке о крестьянской реформе 1861 года. Весной он писал

о ней домашнюю работу, но многое позабыл, и его речь представляла набор следующих слов: надел, выкуп, Столыпин, дореформенная Россия, послереформенная Россия, компенсация, отруба, община, эксплуатация… Произносил он эти слова очень громко, и сторож попросил его объяснять потише.

Наконец сторож прошаркал за угол. Славка стал на свой пост. Миша поднял канат, подошел к бронзовой птице и начал ее ощупывать, отыскивая тайник. Но никаких признаков тайника он не нашел. Тогда он стал потихоньку трогать то голову птицы, то ее крылья, шею, лапы, пытаясь установить, что в ней отворачивается или открывается. Но ничего не открывалось и не отворачивалось. Миша крутил, дергал, нажимал, ничего не получалось. Тогда он попробовал приподнять ее — может быть, тайник в подставке. Но птица оказалась наглухо приделанной к подставке.

Раздался звонок. Музей закрывался.

Миша лихорадочно дергал птицу, но безрезультатно.

Славка опять сделал предупреждающий знак. Миша едва успел выскочить за канат. Шли девицы…

Когда они прошли, Миша снова поднял канат, но Славка опять подал знак. Да и Миша сам услышал шаркающие шаги сторожа.

— Закрывается, — сказал сторож и встал, ожидая, пока мальчики выйдут.

Им ничего не оставалось, как направиться к выходу.

Охая и вздыхая, сторож закрыл за ними дверь.

Глава 48
Снова лодочник

На улице уже темнело. Тяжелый выпал денек! Но зато сколько сделано! Отстояли лагерь — раз. Установили, что лодочник следит за «графиней», — два. Обнаружили, что старуха пользуется бронзовой птицей в музее как тайником. Тайника они не открыли, но это дело времени. Еще одна-другая попытка, и они его откроют.

Правда, они опоздали на поезд. Вечерний уже ушел, придется дожидаться утреннего. Но это мелочь. Ведь лето. Они могут переночевать под любым кустом.

Оживленно обсуждая события сегодняшнего дня, мальчики дошли до угла и остановились. Миша предложил пойти в городской парк и переночевать там на скамейках.

— Неудобно, — возразил Славка, — ведь мы не бродяги.

— Что ты предлагаешь?

— Переночевать на вокзале.

— Во-первых, там противно, а во-вторых, не пустят. А если тебе не хочется в парке, то пойдем

к собору. Возле него садик, мы и переспим…

— Ладно, — согласился Славка.

Мальчики повернулись и… застыли на месте. Перед ними стоял лодочник…

— Ба! — сказал лодочник, улыбаясь своей противной улыбкой. — Привет старым знакомым!

— Здравствуйте, — ответил Славка, вежливый даже по отношению к человеку, которого сам вывалил из лодки.

Миша промолчал, исподлобья поглядывая на лодочника.

— Гуляли? — продолжая улыбаться, спросил лодочник.

— А вам какое дело! — огрызнулся Миша.

Лодочник неодобрительно качнул головой:

— Ай-ай-ай… Зачем так грубо?! Вижу — земляки. Как не подойти. Или вы обижаетесь на меня?

— Ни на что мы не обижаемся, — проворчал Миша.

— А я думал, обижаетесь. И напрасно. Не вам надо обижаться, а мне. В реке искупали, а вот видите, не обижаюсь.

И он засмеялся одним ртом, в то время как глаза его продолжали настороженно смотреть на мальчиков.

— Обратно в лагерь?

— Да.

— Так ведь поезда кончились.

— Есть добавочный, ночной, — соврал Миша.

— Вот как? — притворно удивился лодочник. — А я и не знал. Думал, придется в городе ночевать. Отлично! Значит, уеду.

И вместе с Мишей и Славкой зашагал к вокзалу.

Мальчики не знали, как от него избавиться. Но, кроме вокзала, им некуда было идти. А ночного поезда нет. Да они все равно не поехали бы с лодочником. Шагай с ним ночью по лесу от полустанка к лагерю. Еще зарежет по дороге…

Тускло освещенный вокзал был пуст, только несколько пассажиров дремали на деревянных скамейках с высокими спинками, придерживая во сне руками узлы, мешки, чемоданы.

— Поезда, оказывается, нет, — сказал лодочник, тонкой усмешкой показывая, что ребята его напрасно обманывали: он хорошо знал, что поезда не будет.

— Значит, нет, — невозмутимо ответил Миша, усаживаясь на скамейке.

Рядом с ним сел и Славка.

— Что-то надо придумать, — с деланной озабоченностью проговорил лодочник. — Вот что: здесь поблизости живут мои знакомые, пойдемте. Они с удовольствием пустят нас переночевать.

— Нам и здесь хорошо, — решительно ответил Миша.

Лодочник убеждал их пойти с ним, то суля сытный ужин и мягкую постель, то угрожая тем, что все равно в двенадцать часов вокзал закроют и им придется ночевать на улице.

Но мальчики отказались наотрез, и было ясно, что они не сдвинутся с места.

Лодочник без них тоже не уходил.

Часы пробили девять, потом десять, одиннадцать, Дмитрий Петрович расспрашивал их об

отряде, о лагере, но мальчики, привалившись к жестким деревянным спинкам сидений, дремали или делали вид, что дремлют.

Изредка грохотали на путях скорые поезда и товарные составы. За большими окнами на платформе мелькали красные и зеленые огоньки, качались белые огни ручных фонарей. Слышались резкие свистки кондукторов, им отвечали протяжные гудки паровозов. В двенадцать часов служитель в черном неуклюжем пальто обошел зал, встряхивая за плечо дремлющих пассажиров и предлагая им очистить зал. Но никто не поднялся с места. А милиционер отвернулся в сторону, делая вид, что это его не касается.

Так прошло несколько томительных часов. Сквозь дремоту мальчики чувствовали на себе неусыпный взгляд лодочника. Он то сидел, то прохаживался по залу, выходил на площадь, на платформу, возвращался, но мальчики понимали, что он ни на минуту не выпускает их из виду.

Часы еще не показывали четырех, а уже за окном начало быстро светлеть. Сразу стали видны люди на платформе, смазчики, весовщики…

Вокзал постепенно заполнялся пассажирами. Рабочий поезд, которым мальчики могли доехать

до своей станции, отходил в шесть часов. Впрочем, они не собирались уезжать: охота им ехать вместе с лодочником! Через час будет еще поезд, они и уедут.

Часовая стрелка приближалась к шести. Лодочник становился все беспокойнее. Скрытый высокой спинкой сидений, он следил за входной дверью, иногда вставал и через окно смотрел на привокзальную площадь.

— «Графиню» дожидается, — тихо сказал Славка.

— Точно, — подтвердил Миша.

Появилась «графиня». Она пересекла зал и вышла на платформу. Лодочник незаметно последовал за ней. Наверно, чтобы увидеть, в какой вагон она сядет.

Вскоре лодочник вернулся:

— Поехали, ребята! Есть у вас обратные билеты?

— Они нам не нужны, — ответил Миша.

— Зайцы, — рассмеялся лодочник.

Раздался первый звонок.

— Мы не едем. У нас дела, — сказал Славка.

Лодочник нахмурился, исподлобья посмотрел на ребят:

— Как это не едете?.. Почему?

— Не едем, и всё, — сказал Миша. — И вообще, какое ваше дело? Чего вы к нам пристали? Вам нужно — и поезжайте!

Лодочник стоял с нахмуренным лицом.

Раздался второй звонок.

— Дело ваше!

Лодочник повернулся и пошел на перрон.

Глава 49
Полезный больной

Отряд ликовал. Не удалось их выгнать отсюда! Авторитет Миши вырос неизмеримо… Всем казалось, что он совершил нечто героическое: ездил в город, разговаривал в разных учреждениях… И с ним посчитались, как с настоящим, взрослым вожатым.

Вырос Миша и в собственных глазах. В отношении к ребятам у него появилась этакая добродушная покровительственность. Подражая Коле Севостьянову, он, разговаривая с ними, снисходительно улыбался, как улыбаются взрослые милому ребячеству детей. Он уже не спорил, не горячился, а терпеливо разъяснял тот или иной вопрос, именно так, как взрослые объясняют что-либо детям. При этом он покровительственно обнимал своего собеседника за плечи, как всегда делал Коля Севостьянов. Правда, Коля делал это с высоты своего большого роста, но Мише казалось, что и у него неплохо получается.

Впрочем, не всем так казалось.

Зина Круглова отозвала в лес Генку и Славку и

с тревогой сказала:

— Ребята, вы заметили, что с Мишей делается?

Генка и Славка поникли головами: они заметили, что делается с Мишей.

— Он задается, строит из себя большого начальника, — сказал Генка.

— У него появились элементы «вождизма», — добавил Славка.

— Но ведь он может оторваться от коллектива! — с ужасом проговорила Зина.

— Очень даже просто, — подтвердил Генка.

— «Вождизм» всегда приводит к отрыву от коллектива, — изрек Славка.

— Надо что-то делать, — в страшном волнении сказала Зина. — Мы не можем допустить, чтобы он на наших глазах погиб для общего дела. Его надо спасти.

Ребята задумались. Спасти, конечно, надо, но как?

— Может быть, поговорить с ним? — предложил Славка. — Объяснить ему, куда он катится.

Генка отрицательно замотал головой:

— Не послушает он тебя. Скажет, что это у него стиль руководства. Нет! Нужны сильные средства. Надо ударить так, чтобы сразу очухался. Тогда подействует.

— Что же ты предлагаешь?

— Поставить вопрос на комсомольском собрании.

— Сразу выносить на собрание? Давайте сначала поговорим с ним. А уж если не исправится, тогда вынесем на собрание…

Так ребята и решили. Но Миша ничего не знал об их разговоре и продолжал вести себя по-прежнему.

Со взрослыми он держался степенно, с сознанием собственного достоинства. Правда, и председатель сельсовета, и крестьяне не знали о его разговоре с секретарем губкома комсомола, но то, что Миша не подчинился приказу Серова, а Серов не настаивал на своем распоряжении, свидетельствовало, что за отрядом стоит какая-то сила и выселить отряд отсюда не так просто.

И в отряде дела шли как нельзя лучше. Происшествий почти никаких. Только вот Сева расхворался самым серьезным образом.

У него болела голова, першило в горле, ему было трудно глотать и даже дышать. Термометр показывал тридцать девять и девять десятых градуса.

Бяшка, известный знаток медицины (его мать служила в амбулатории няней), велел Севе от-

крыть рот, посмотрел и объявил, что у Севы ангина.

— Краснота и вообще все распухло, — сказал Бяшка. — У тебя гланды вырезали?

Сева отрицательно закачал головой.

— Может быть, тебе маленькому вырезали, а ты забыл?

Но Сева категорически отрицал это обстоятельство.

Бяшка снова посмотрел ему в рот и объявил, что миндалины действительно на месте, но сильно распухли и их необходимо удалить.

— В медицине существуют два направления, — сказал Бяшка, — одно за удаление миндалин, другое — за прижигание. Я сторонник первого.

Севу укрыли несколькими одеялами, дали горячего чая с добавочной конфетой и начали думать, что делать дальше.

В таком состоянии везти Севу в Москву опасно. До больницы не дойдет. Лошадь председатель теперь не даст. И Миша решил послать доктору записку с просьбой приехать в лагерь. Ведь ездит он к тяжелобольным. И лошадь в больнице есть.

Доктор приехал на маленьких открытых дрожках. В них была запряжена огромная лошадь, настоящий московский ломовой битюг. Доктор,

высокий, толстый, со своей взлохмаченной бородой и в пенсне с перекинутой за ухо черной ниткой, выглядел верхом на дрожках очень смешно. Казалось, что он двигается вслед за битюгом, только держась за вожжи, и зажал между ног крохотные дрожки.

Доктор сказал, что у Севы ангина (Бяшка обвел всех гордым взглядом). Ему надо удалить миндалины (Бяшка с еще большей гордостью посмотрел на всех). Но, добавил доктор, пока Сева не выздоровеет, операцию делать нельзя. Он должен принимать лекарства, и его необходимо перевести из палатки в дом.

— В какой же дом его положить? — недоумевал Миша. — Его дом в Москве.

— Неужели никто из крестьян не согласится подержать его у себя несколько дней? — сказал доктор. — Впрочем… Почему бы не положить его в барском доме? До сих пор, кажется, пустует.

— Разве она позволит? — возразил Миша.

— Кто — она?

— Ну, хозяйка, экономка…

— Гм! — Доктор нахмурился. — Идем со мной…

Когда они шли по аллее, Миша посмотрел на окна мезонина. Ставни за бронзовой птицей были открыты. Значит, «графиня» дома. Но сам дом,

как всегда, казался необитаемым.

По тому, как доктор уверенно шел по аллее и решительно поднялся на ступеньки веранды, было видно, что он хорошо знает и дом, и усадьбу. Но Миша был убежден, что из этой затеи ничего не выйдет. Старуха предъявит охранную грамоту, и дело с концом! Предстоящая встреча с «графиней» интересовала Мишу. Ему казалось невероятным, что сейчас вот они откроют дверь таинственного дома и войдут в него.

Только поднялись они на веранду, как дверь открылась и появилась старуха. Она поджидала их в своей обычной позе, закрыв глаза, высоко подняв голову, отчего ее длинный крючковатый нос казался еще длиннее.

Потом она открыла глаза. Миша знал, что она сейчас спросит: «Что вам угодно?»

«Графиня» действительно открыла рот и проговорила: «Что…» Но в это мгновение она посмотрела на доктора и сразу, смешавшись, замолчала. В глазах ее мелькнуло смятение. Не договорив фразы, она снова закрыла глаза. Некоторое время все стояли молча, потом доктор сказал:

— Софья Павловна, у этих молодых путешественников заболел мальчик. Ангиной. Лежать ему в палатке нельзя. Прошу приютить его дня

на три-четыре…

— А больница? — спросила старуха после некоторого молчания, по-прежнему не открывая глаз.

— Больница на ремонте.

— Кто же за ним будет ухаживать? — спросила старуха.

И Миша удивился тому, что она произносит самые обыкновенные человеческие слова и что ее зовут просто Софья Павловна.

— Кто-нибудь из них, — доктор кивнул на Мишу. — Я тоже буду наведываться.

Старуха помолчала, потом опять закрыла глаза.

— Вы считаете возможным являться в этот дом?

— Я исполняю свой долг, — спокойно ответил доктор.

— Хорошо, — после некоторого молчания проговорила старуха. — Когда привезут мальчика?

— Сейчас привезут.

— В людской ему будет приготовлено место. Но прошу никуда, кроме людской, не ходить.

— Ваше право, — ответил доктор.

Старуха повернулась и исчезла в доме.

Глава 50
Людская

Севу на носилках принесли к помещичьему дому. Дверь в людскую была открыта. Это означало разрешение войти. Ребята вошли.

Людская представляла собой большое, очень низкое помещение. Если подтянуться на носках, то рукой можно достать до потолка, срубленного из старых, почерневших от времени бревен, ровно стесанных, со множеством продольных трещин. Из таких же бревен, проложенных в пазах паклей, были выложены стены.

Все здесь старое, черное, прокопченное. Стол, длинный, узкий, опирающийся на расшатанные козлы, тянулся вдоль одной стены. Его крышка, сбитая из узких тонких досок, рассохлась. За столом виднелась прикрепленная к стене узкая лавка. Больше ничего в людской не было, если не считать подвешенной к потолку длинной, от стены к стене, палки. Для чего эта палка, было непонятно.

Низкая, широкая дверь с облупившейся краской соединяла людскую с остальным домом.

Когда Миша тронул ее, то оказалось, что она забита гвоздями, которые едва держались в своих гнездах. Если нажать посильнее, то они вылетят.

Ребята деятельно принялись за устройство «госпиталя», как перекрестил людскую Бяшка: выгребли мусор, все тщательно вымыли и вытерли, промыли окна, набросили на лавку еловых веток и уложили там Севу.

Чтобы не было столкновений со старухой, Миша запретил ребятам ходить по усадьбе и вообще запретил приходить к Севе кому бы то ни было, кроме дежурных. Но сам он приходил сюда несколько раз. Должен же он знать состояние Севы… И его интересовал дом. Он подходил к двери и прислушивался. Мертвая тишина стояла за ней. Иногда Мише казалось, что за дверью тоже кто-то стоит и прислушивается, что делается в людской. Почему ему так казалось, он и сам не знал. Уж слишком напряженной была тишина за дверью, слишком таинственен был дом. Когда Миша тронул дверь, пробуя, крепко ли держится она, ему казалось, что за стеной кто-то следит за ним. Он оставил дверь в покое.

На следующий день старуха уехала в город. Опять будет жаловаться Серову. И, конечно, Серов снова попытается их отсюда выжить. А Мише

очень не хотелось выселяться — находясь в доме, можно кое-что узнать. Надо во что бы то ни стало задержаться здесь. Конечно, хорошо, если Сева скорее выздоровеет, но если он выздоровеет, то ребят отсюда выгонят. И когда Миша спрашивал у Севы, как тот себя чувствует, то хотел услышать в ответ что-нибудь успокаивающее по части здоровья и в то же время обнадеживающее в том смысле, что Сева еще здесь полежит.

Но утром Сева сказал, что чувствует себя лучше, а к вечеру объявил, что ему надоело лежать и завтра он встанет.

— Только попробуй! — пригрозил ему Миша. — Ты встанешь, когда разрешит врач. А он скоро не разрешит: после ангины надо вылежать, иначе будет осложнение.

С такой же тревогой смотрел Миша на градусник. Как быстро падает температура! Вчера было 39,9, а сегодня утром 36,7. Хорошо хоть к вечеру опять поднялась до 37,2.

— Видишь, какая у тебя нестойкая температура, — сказал он Севе. — Это самое опасное, когда нестойкая температура. Правда, Бяшка?

Бяшке очень нравилось, что у него есть в подчинении госпиталь, и он подтвердил, что нестойкая температура самая опасная. Главное — вылежать.

Лежать и лежать.

Но рано или поздно Сева выздоровеет. И скорее рано, чем поздно. И тогда надо будет убираться из людской. Что же делать?

Но пока Миша думал, что ему предпринять, вернулась из города старуха. Вернулась она в отсутствие Миши, прошла в людскую, стала в дверях и спросила:

— Скоро выздоровеет ваш больной?

У Севы дежурили сестры Некрасовы. Они испугались и поторопились задобрить старуху:

— Ему уже лучше. Он завтра встанет.

«Графиня» повернулась и ушла.

Миша ужасно расстроился:

— Как вы могли это сказать? Откуда вы знаете, что Сева завтра встанет? А вдруг он не выздоровеет? Он не выздоровеет, а «графиня» будет требовать, чтобы мы его забрали. Вот что вы наделали своей болтовней!

— Мы растерялись, — оправдывались сестры Некрасовы, — мы боялись, что она скажет: убирайтесь отсюда вон…

— Я завтра уезжаю в город, — сказал Миша, — и, пока я не вернусь, Сева должен лежать в доме. Даже если врач скажет, что он здоров. Понятно?

Глава 51
Ночь в музее

Миша уезжал в город, чтобы вновь попытаться открыть бронзовую птицу. Днем это невозможно — то сторож ходит, то студентки, — а ночью никто не помешает. Они с Генкой спрячутся за портьеру, дождутся, когда закроется музей, и тогда спокойно займутся своим делом.

Мальчики пошли в музей за час до его закрытия. Расположение музея они знали теперь хорошо: два выхода — один на улицу, другой во двор. Сторож сначала закрывал наружную дверь, а потом уже со двора заднюю. Мальчики решили пробыть в музее всю ночь, а утром снова спрятаться за портьеру, дождаться, когда сторож откроет музей, и уже тогда выбраться на улицу или сделать вид, что они только что пришли.

Все шло как нельзя лучше. Музей был пуст. Мальчики дождались, когда сторож ушел на другую сторону музея, и спрятались за портьеру. И только теперь Миша понял, как трудно было здесь Славке: пыли столько, что невозможно дышать. Миша боялся, что Генка не выдержит и

чихнет. Но Генка держался стойко и не чихал.

Послышались шаркающие шаги сторожа.

Мальчики затаили дыхание. И как раз перед портьерой шаги сторожа стихли. Мальчики стояли ни живы ни мертвы…

Старик закашлялся. Что он делал в комнате, мальчики не видели… Потом снова раздались его шаркающие шаги. Все глуше и глуше… Послышалось звяканье у входной двери — сторож наложил большой металлический крюк. Потом раздался глухой удар — это деревянный засов, и наконец скрежет замка — дверь закрыта!

Опять послышались шаркающие шаги. Сначала они приближались, потом начали отдаляться… Миша раздвинул портьеру, прислушался. Хлопнула дверь. Послышалось скрипенье ключа в замке. Все! Мальчики одни! Немного выждав, они сняли ботинки, босиком подошли к задней двери и тихонько потрогали ее — дверь была заперта.

Ребята обошли музей. Редкий предвечерний свет едва пробивался сквозь складки занавесок. Таинственно темнели картины на стенах, блестели на столах стеклянные ящики футляров. Причудливо застыли чучела зверей и птиц.

Мальчики вернулись в отдел быта помещика. Генка остался в коридоре, готовый в случае опас-

ности предупредить товарища.

Миша снял канат. Спокойно, не торопясь, он исследовал бронзовую птицу.

Прежде всего Миша тщательно, сантиметр за сантиметром, ощупал ее, ища какую-нибудь скважину или дырочку: может быть, она открывается ключом? Но ни одного отверстия он не нашел. Под его пальцами была шероховатая бронза и больше ничего. Тогда он попробовал вращать голову, хохолок на голове, одно крыло, за ним другое крыло, лапу, потом другую лапу. Он пытался повернуть каждый коготь на ее лапах, каждое перо на крыльях. Ничего не вращалось, не открывалось, не двигалось с места.

Волнение охватило Мишу. Неужели они ничего не узнают? Неужели напрасно остались здесь на всю ночь, прятались, рисковали? Главное, ничего не видно… Зажечь карманный фонарик? Нет, опасно! С улицы могут заметить свет, и тогда будут страшные неприятности. Их обвинят в попытке что-нибудь украсть в музее. Позор и им, и всему отряду… Но главное, не волноваться. Спокойно. Надо взять себя в руки. Снова начать все сначала. Ведь открывается же она как-нибудь!

— Ну что? — тихо спросил Генка, подходя к Мише.

— Стой на своем месте и не разговаривай, — прошипел Миша.

Генка вернулся на свой пост. Миша снова принялся за исследование. А может быть, никакого тайника в птице нет? Нет, не мог Славка ошибиться… Славка зря никогда ничего не скажет, это не Генка. Вот Генка мог бы нафантазировать, а Славка нет.

Размышляя таким образом, Миша продолжал исследовать птицу… Он старался собрать все свое хладнокровие. Главное, не волноваться, не суетиться, исследовать ее сантиметр за сантиметром.

Миша возился очень долго. Генка уже несколько раз подходил и просил дать попробовать ему.

— Вот увидишь, Миша, — нетерпеливо шептал он, — я враз найду.

Миша прогонял его, но в конце концов уступил. Предоставив Генке искать тайник, он сам стал на его пост.

— Только, смотри, осторожно, — предупредил он, — а то сломаешь, и тогда все пропало…

— Не беспокойся, — проворчал в ответ Генка.

Хотя Генка сопел изо всех сил, тяжело дышал и поминутно бормотал: «Ага, вот, вот, есть, нащупал», он тоже ничего не нашел.

Опять взялся Миша, и опять безрезультатно. Уже первая полоска рассвета легла на пол. Миша посмотрел на свои огромные часы — пять часов утра. А музей открывается в девять.

Они снова начали лихорадочно искать. Теперь они взялись за подставку, небольшую круглую колонну из цветного камня. К ее вершине наглухо была прикреплена птица. Но колонна была совершенно гладкой. Они осторожно наклонили ее. И под колонной ничего не было.

Возможно, Славка ошибся и дело вовсе не в птице, а в чем-нибудь другом? Мальчики тщательно осмотрели стол, кресла, все предметы, которые были в комнате. Только шкафы они не могли исследовать — шкафы были заперты.

Но поиски не дали никаких результатов.

Миша посмотрел на часы. Половина девятого. В девять откроют музей. Сторож может прийти каждую минуту. Даже странно, почему он не приходит. Ведь надо убрать помещение.

Мальчики проверили, не осталось ли каких-нибудь следов их поисков, и снова спрятались за портьеру, ожидая прихода сторожа.

Глава 52
Вторая ночь в музее

Прислушиваясь к скрипу дверей, мальчики стояли в своем укрытии. Но все было тихо. Миша снова посмотрел на часы. Ровно девять. Что же это значит?

Миша поминутно смотрел на часы. Стрелка хотя и медленно, но неуклонно двигалась вперед. Вот уже четверть десятого. Вот уже половина десятого. В чем же дело? Ведь на табличке у входа в музей ясно написано: «Музей открыт с 9 до 7-ми. Перерыв на обед с 2-х до 3-х. Ежедневно, кроме…»

И вдруг Миша оторопело посмотрел на Генку:

— Генка, какой сегодня день?

— Как — какой? Понедельник.

— Это вчера, когда мы приехали сюда, был понедельник.

— Правда. Значит, сегодня вторник.

— Вторник, — повторил Миша. — Но ведь во вторник музей закрыт.

— Почему?

— Ведь на табличке написано: «Закрыт по вторникам».

— Вот так штука! — протянул Генка. — Вляпались!

— Черт возьми, как же я этого не учел! — сокрушался Миша. — Ведь я знал, что во вторник музей закрыт. Но мы поехали в понедельник, и у меня совершенно вылетело из головы, что мы здесь останемся до вторника. Как я не сообразил? Вот дурак, честное слово!

— Все потому, что ты делаешь и решаешь один, никогда ни с кем не советуешься, — сказал Генка.

Случай казался ему прекрасным поводом для того, чтобы начать с Мишей серьезный разговор о его отрыве от коллектива.

— Нашел время мораль читать! — рассердился Миша. — Что вы все мораль читаете? Славка, Зина, теперь ты!

— А они уже с тобой говорили? — удивился Генка.

— Говорили… Но не в этом дело. Надо выбраться отсюда. Ах, какой я дурак!

Они тихонько вышли из своего укрытия и отправились к задней двери. Она была заперта. Мальчики прислушались. Со двора доносились оживленные крики, смех. Видно, там играли ребятишки.

Затем они пошли к входной двери, отодвинули засов и сняли большой металлический крюк. Дверь не открывалась: она была заперта на замок. А ключ у сторожа. Значит, через дверь им не выбраться.

Мальчики задвинули засов, набросили крюк и вернулись в комнаты. Оставалась единственная возможность — окна. Но окна выходили на улицу, и между рамами была проложена металлическая сетка.

Потянулись томительные часы. Тревожная, бессонная ночь и голод совершенно измучили ребят. Миша еще кое-как держался, а Генка, присев на пол, дремал, уткнув голову в колени.

Тогда Миша решил, что они будут спать по очереди. Сначала Генка, потом он. Генка тут же завалился на диван и уснул.

Миша ходил по музею. Гнетущая тишина, спертый воздух одурманивали его. Но он мужественно боролся со сном. Он ходил не переставая, боясь присесть хотя бы на секунду.

Немного его развлек отдел фауны. Чучела зверей, птиц, под которыми рядом с русскими названиями стояли мудреные латинские. Насекомые и букашки за стеклом. Мышь полевая, мышь домашняя. И зачем? Мышь полевая еще туда-сю-

да, но мышь домашняя… Кто ее не видел?..

Прошло два часа. Мише хотелось спать. Но он не будил Генку. Если Генка не выспится, то обязательно заснет на дежурстве.

И еще добрых два часа Миша ходил, как в тумане.

Наконец он разбудил Генку. Тот долго потягивался, никак не мог сообразить, где он и что с ним.

— Через два часа разбуди меня, — сказал ему Миша, — а главное, не засыпай. Если уж очень захочешь спать, то лучше разбуди меня, понял?

— Ни о чем не беспокойся, — зевая и потягиваясь, ответил Генка.

Миша лег на диван и тут же заснул.

Он проснулся сам… Было уже темно. Миша посмотрел на свой «будильник»… Что такое?! Он проспал восемь часов! Миша вскочил. Где же Генка? Разыскивая его, Миша прошелся по коридору, затем по другому, обошел все комнаты. Генки не было.

Куда он делся? Не мог же он уйти! На всякий случай Миша осмотрел обе двери. Они, как и прежде, были заперты.

Куда же девался Генка? Миша стал волноваться. Может быть, он завалился куда-нибудь и спит?

Миша обшарил все углы — Генки нигде не было.

Миша стоял совершенно растерянный, как вдруг услышал храп. Миша прислушался. Храп доносился из комнаты, где помещался отдел «Религия — опиум для народа». Да, точно, слышен храп. Но где же Генка? Миша снова прислушался и похолодел: храп доносился из гроба, который стоял посреди комнаты. На нем было написано, что это рака. В ней якобы хранились чьи-то нетленные мощи, но каждый может убедиться, что никаких мощей в раке нет.

Дрожа от страха, Миша подошел к раке и приподнял крышку.

Так и есть! В раке преспокойно, подложив ладонь под голову, спал Генка.

Уйти с поста! Заснуть! Миша так толкнул Генку, что чуть не свалил всю раку…

— Что такого? — оправдывался Генка, вылезая из раки. — Все равно никто сюда сегодня не придет… А будешь ходить — могут шаги услышать… Зато мы оба отлично выспались.

— Но какое ты имел право оставить пост? — горячился Миша. — Уж если ты так хотел спать, то мог разбудить меня!

— Жалко было, — ответил Генка. — Понимаешь,

мне тебя было жалко. Ведь жрать у нас нечего, чем же нам заглушить голод? Только сном. И видишь, ничего не случилось.

Конечно, ничего не случилось, но все же для порядка Миша как следует отругал Генку.

Выспавшись, они почувствовали себя гораздо лучше. Если бы не мучительный голод, то было бы совсем хорошо.

И снова потянулись часы…

Опять захотелось спать. Ребята то ходили, то дремали, то ходил один Миша, а дремал Генка… В конце концов заснули оба…

Глава 53
Незнакомец

Проснувшись утром, Миша первым делом посмотрел на часы. Восемь часов. Он тут же разбудил Генку, и хорошо сделал: не прошло и нескольких минут, как звякнул замок задней двери и в музей вошел сторож.

Мальчики спрятались за занавеску. Генка, правда, предложил залезть в раку, но Миша воспротивился: здесь им все видно, а в раке они будут как в западне.

Мальчики стояли за портьерой. Они слышали шуршание веника и звяканье совка — сторож подметал пол. Задняя дверь была открыта, оттуда тянуло утренним свежим холодком, явственно слышались голоса детей со двора. Через эту дверь сторож несколько раз выходил, выносил мусор. Но парадная дверь оставалась закрытой.

Мальчики едва держались на ногах. Сказались эти две ужасные ночи. Дышать было нечем. Сторож, лентяй, даже форточек не открыл! И время двигалось страшно медленно.

Когда сторож подметал возле них, мальчики

не дышали. Они боялись, что сторож откинет портьеру, ведь здесь столько мусора. Но сторож, видно, решил, что если за портьерой не подметалось год, то какой смысл делать это сейчас?

Он даже прошелся веником по Мишиным ногам. Сейчас-то он обязательно откинет портьеру… Но нет! Шаркающие шаги старика удалились. Удалились звуки метлы и совка.

Девять часов! Сейчас сторож откроет музей. Миша лихорадочно отсчитывал минуты: как только старик откроет дверь и пройдет обратно, сразу же надо выходить на улицу.

Звякнул упавший крюк, стукнул откинутый деревянный засов, заскрипел ключ в замке, яркая полоса солнечного света упала на пол в конце коридора. Итак, дверь открыта. Приготовились! Сейчас старик пойдет обратно.

Вот послышались его шаги. Но что это? Он не один, он с кем-то разговаривает.

Миша выглянул в щелку. Впереди шел сторож,

за ним высокий человек в зеленом костюме. Он шел чуть прихрамывая, как будто волочил ногу. Шли они по направлению к отделу быта помещика. Туда, где за портьерой прятались Миша и Генка.

Сторож и человек в зеленом остановились против портьеры.

— Рисовать будете? — спросил сторож.

— Немного, — ответил человек в зеленом костюме, вынимая из кармана блокнот и карандаш.

— Прикажете стульчик?

— Спасибо. Не беспокойся. Иди по своим делам.

Сторож прошаркал дальше.

Незнакомец быстро водил карандашом по раскрытому блокноту.

Это был мужчина лет тридцати пяти — сорока, гладко выбритый, с туго приглаженными рыжеватыми блестящими волосами, подтянутый, в зеленом костюме и белом крахмальном воротнике.

Шаги старика стихли.

И тут случилось самое неожиданное…

Незнакомец положил блокнот в карман, снял канат, подошел к птице, поднял ее голову, вло-

жил туда маленькую записку, закрыл, повесил канат, вернулся на прежнее место и снова начал рисовать.

Он проделал все это очень быстро, но Миша заметил, что незнакомец поднял голову птицы левой рукой. Двумя же пальцами правой он нажимал в это время на глаза птицы. Вот почему она открылась!

Потом незнакомец положил блокнот в карман и пошел за стариком. Послышались их приближающиеся голоса. Мимо мальчиков они прошли к выходу.

— Всего хорошего, счастливо оставаться, — сказал незнакомец, пожимая сторожу руку и, видимо, что-то кладя в нее.

Старик изогнулся в подобострастном поклоне и, продолжая низко кланяться, проговорил:

— Благодарю, благодарю… И вам счастливого…

Старик опять прошаркал по коридору. Как только он зашел за угол, мальчики вышли из своего убежища, тихо прошли к входной двери, потом, делая вид, что только вошли, стукнули ею и, громко разговаривая, направились обратно к комнате.

Появился сторож, подозрительно посмотрел на мальчиков:

— Опять пришли?

— В субботу не успели всё закончить, — ответил Миша.

— В этот зал только и ходют, только и ходют, — покачал головой старик.

— Теперь все изучают помещичий быт, — объяснил Миша, — вот и ходят сюда.

— И помещиков-то давно нет, а все интересуются. Видно, жизнь-то ихняя поавантажнее была, — сказал старик и поплелся дальше.

— Старорежимный старикашка, — прошептал ему вслед Генка.

Сторож скрылся за поворотом.

Миша приподнял канат, подошел к птице и, подражая незнакомцу, левой рукой взялся за голову птицы, а двумя пальцами правой руки нажал ей на глаза… Птица не открылась.

Миша нажал сильнее — и вдруг голова птицы открылась.

В углублении лежала записка. Миша схватил ее и прочитал… Всего три слова:

«Будущая среда дневным».

Миша положил записку обратно, опустил голову птицы, повесил канат…

Мальчики вышли из музея и быстро зашагали к вокзалу.

Часть пятая
Тайна бронзовой птицы

Глава 54
Кит объелся

«Среда дневным»… Понять нетрудно: кто-то приедет в среду дневным поездом. И предназначается записка «графине». Тайник в музее служит для переписки между ней и человеком в зеленом костюме.

Среда… И Кузьмина убили в среду…

Но если есть тайник в маленькой птице, то почему не быть ему и в большой, той, что стоит в усадьбе? Надо проверить. Но как? Конечно, теперь, когда ребята проникли в людскую, их шансы подобраться к бронзовой птице увеличились. Но… Но Сева катастрофически быстро выздоравливал.

Миша заставлял его держать термометр по полчаса. Но столбик ртути никак не поднимался выше тридцати шести и шести десятых. Потом приехал врач и объявил, что Сева здоров и завтра может встать и выйти на улицу. Значит, надо покидать людскую. Что же делать?

Эх, если бы кто-нибудь заболел! Миша ходил по лагерю, с надеждой заглядывал каждому в

лицо и спрашивал, как кто себя чувствует. Но все чувствовали себя прекрасно. Никто ни на что не жаловался. Тогда Миша сказал Бяшке:

— Мы спохватываемся, когда кто-нибудь заболеет. А по правилам медицины надо предупреждать заболеваемость.

Бяшка обиделся:

— Я все время говорю о профилактике, а меня никто не слушает! И ты первый.

— Хорошо, хорошо, — не стал с ним спорить Миша, — но, пока нас не выгнали из госпиталя, надо им воспользоваться. Осмотри всех ребят и если найдешь кого-нибудь подозрительным, то сразу клади в госпиталь. А завтра мы вызовем врача. Осматривай как следует. Если ошибешься и уложишь в постель здорового, тоже не беда. Лучше ошибиться в эту сторону, чем в другую.

Бяшка ревностно принялся за дело. Всем была измерена температура. Эта процедура длилась долго, так как в лагере был всего один градусник. Пока один его держал, Бяшка другому осматривал горло. Он считал себя большим специалистом по горлу. Его мать служила няней именно в той больнице, где лечили ухо, горло и нос.

— Раздвинь-ка пошире пасть, — говорил Бяшка, заглядывая каждому в рот, а так как был мал

ростом, то вставал при этом на цыпочки.

Потом он глубокомысленно объявлял:

— Мда… Краснота… Плохо дело…

В каждого он готов вцепиться и тащить в госпиталь.

Но кому охота ложиться в госпиталь в такую жару! И настоящий больной не сознался бы в своей болезни. В конце концов всем это надоело. Надоел Бяшка, который своими бровями залезал в рот, надоел дурацкий термометр… И Миша видел, что эта затея ни к чему не приведет. Разве здорового человека уговоришь, что он больной? Миша махнул на все рукой. Ничего не поделаешь. Придется завтра освободить людскую. Придется расстаться с такой прекрасной возможностью проникнуть в дом и осмотреть бронзовую птицу.

И все же спаситель явился… Явился он в образе Кита, изможденного и страждущего, стонущего и держащегося за живот. Кит объелся!

Радости Миши не было границ. Кит, конечно, выздоровеет, не в первый раз объедается. Полежит денек-другой и встанет как ни в чем не бывало. Ясно, он объелся, когда ездил со Славкой в Москву за продуктами. Но Миша не стал допытываться, чем объелся Кит. Важно, что он действительно объелся, это самое главное и са-

мое приятное. Завтра приедет доктор, даст ему касторки или английской соли, а сейчас надо уложить его на место Севы, которого держали уже буквально силой.

Кит был немедленно водворен в людскую. Сева со всех ног бросился бежать от нее подальше.

Когда ««графиня» узнала, что взамен одного больного в ее доме помещен другой, она ничего не сказала. Повернулась и ушла. Но вскоре приехал доктор. А ведь Миша его не вызывал.

— Что опять приключилось? — спросил доктор. Он слез с дрожек и привязал лошадь к дереву, хотя при одном взгляде на тяжелого, ленивого коня было ясно, что он и сам не сдвинется с места.

— Еще один парень у нас серьезно заболел, — сообщил Миша.

— Посмотрим, — хмуро проговорил доктор, направляясь к дому.

Осмотр Кита подтвердил, что он действительно болен. Доктор даже предположил, что у него дизентерия. Но Миша объяснил, что подобные расстройства желудка у Кита случаются систематически, приблизительно в две недели раз.

Доктор выписал лекарство и предупредил, что больному есть почти ничего нельзя, чем поверг Кита в крайнее уныние.

Потом, еще больше нахмурившись, доктор вышел к «графине», ожидавшей его возле веранды.

О чем они там говорили, Миша не слышал. Через некоторое время доктор вернулся совсем мрачный и, уезжая, сказал:

— Мальчик пусть лежит, пока я не разрешу ему встать. Держите его на строгой диете. Он должен вылежать. А на всякие побочные обстоятельства не обращайте внимания.

Из этого Миша заключил, что «графиня» сама вызывала доктора и требовала, чтобы он удалил ребят из дома. Но ничего у нее не получилось.

На следующее утро «графиня» выехала в город. Ясно, чтобы нажаловаться на ребят и добиться изгнания их из усадьбы…

Ну что ж, пусть едет! Она думает, что Серов сильнее всех, но ошибается. А в ее отсутствие можно будет проникнуть в дом и осмотреть бронзовую птицу. Ничего предосудительного в этом нет. Ведь дом не ее собственность, а государственная. Она всего-навсего хранительница. Значит, это не жилье, а народное имущество. Вот и все.

Глава 55
В таинственном доме

Дежурными возле Кита назначили Славку и Бяшку. Бяшка будет сидеть в людской, а Славка — на улице. Обоим было приказано при малейшей опасности подать сигнал двумя короткими и одним длинным свистком.

Низкая массивная дверь с облупившейся темно-коричневой краской едва держалась на ржавых гвоздях и ржавых петлях. Мальчики открыли ее и увидели небольшой коридорчик, заваленный всякой рухлядью…

Кит тоже захотел посмотреть, что за дверью, но ему дали рисового отвара, и он отстал.

Итак, коридорчик был завален всякой рухлядью: сломанными креслами, покосившейся этажеркой, умывальником с треснутой мраморной доской и пустым черным овалом на том месте, где полагалось быть зеркалу, ящиками, корзинами, бочонками. Но Миша заметил, что середина коридорчика была очищена от старья и представляла собой узкую дорожку. Ее, конечно, проделала «графиня», чтобы бесшумно

подходить к двери и подслушивать, что делается в людской. Другой конец дорожки упирался в железные ступеньки винтовой лестницы.

На всякий случай ребята набросали схематический чертеж дома. Ниша с бронзовой птицей выходила на фасад, ближе к его левому углу, людская же находилась сзади дома, ближе к правому. Таким образом, им предстояло: первое — подняться в мезонин, второе — с задней стороны дома перейти на переднюю, третье — пересечь дом с правого угла на левый. Задача нелегкая, если надо тайком, неслышно пробираться по незнакомому дому.

Пока дверь в людскую была открыта, еще можно было различить набросанные здесь предметы, но, как только Миша закрыл дверь, коридорчик погрузился во мрак. Только чуть-чуть света проникало сверху сквозь узорные прорези чугунных ступеней винтовой лестницы. И оттого, что здесь, внизу, было темно, а наверху светло, казалось, что там есть люди, и страшно было подниматься туда.

— Может, проще сделаем? — прошептал Генка. — Вернемся обратно на улицу, залезем на веранду, потом по карнизу подберемся к нише. Ведь заплутаемся в доме.

— С улицы нельзя — увидят, — так же шепотом ответил Миша. — А если боишься, то оставайся.

— Ничего я не боюсь! — буркнул в ответ Генка.

Мертвая тишина стояла кругом. Не было слышно даже громкого чавканья Кита — видно, доел рисовый отвар.

Стараясь ничего не задеть в темноте, мальчики подошли к лестнице. Первым начал подниматься Миша, за ним Генка. Как только они встали

на чугунные ступеньки, лестница заходила и завизжала под их ногами. Если в доме есть кто-нибудь, то наверняка их услышит. Генке казалось, что лестница сейчас развалится: ведь непонятно, на чем она держится. Лестница была очень узкая, крутая, ступеньки представляли собой маленькие металлические треугольники. Генка оступился и ссадил коленку. Мысленно он проклинал помещичий строй, обрекавший дворовых людей подыматься по таким вот спиралям. Приходилось вертеться волчком, одно плечо упиралось в стену, другое — в железный столб, а голова стукалась непонятно обо что.

Наконец они поднялись на второй этаж. Здесь они опять увидели коридор, несколько больше нижнего. Широкое, во всю наружную стену, окно придавало ему вид галереи. Окно было в частых переплетах из разноцветных стекол, в большинстве поломанных. Мальчики увидели двор и сарай. Значит, они все еще на задней стороне дома.

В коридоре были две двери, высокие и когда-то белые, одна — в середине, другая — в конце.

Мальчики тихонько открыли первую. Их взору представился пустой зал, беспорядочно обставленный ветхой старинной мебелью.

Под потолком висела огромная люстра со множеством стекляшек. Высокие стрельчатые окна были местами забиты досками, местами завешены каким-то подобием гардин. Сквозь них виднелся парк, сад, река, а вот и флажок на мачте лагеря. Вид этого маленького остроугольного красного флажка, изредка и лениво вздрагивающего под слабым ветерком, сразу успокоил и даже развеселил ребят. Они уже не думали ни о какой опасности, им казалось, что они играют в веселую, захватывающую игру. Им было весело оттого, что они всё видят, даже лагерь, но никто не видит их… К тому же они выбрались теперь к фасаду, а это уже что-то.

В зале были три двери: одна — через которую мальчики вошли сюда, и две по бокам. Но боковые двери были заперты. Ребятам пришлось вернуться в коридор и открыть вторую дверь.

Она вела в третий по счету коридор, размером со второй, но только с одним круглым окошком и небольшой одностворчатой дверью справа.

Мальчики открыли ее и увидели две небольшие смежные комнаты. Первая была пуста, вторая заперта. Мальчики посмотрели в замочную скважину и увидели кровать с неубранной постелью, ночной столик, шкаф, бюро с полукруг-

лой крышкой и два больших мягких кресла. Там была, по-видимому, спальня «графини».

В той комнате, где сейчас стояли ребята, подымалась вверх лестничная клетка. Зашитая со всех сторон досками, она имела вид огромной деревянной коробки. Несомненно, она вела в мезонин. Но начиналась лестница в спальне «графини», а спальня была заперта. Значит, «графиня» нарочно устроила здесь свою спальню, чтобы никто не мог подняться по лестнице в мезонин.

Мальчики попытались открыть дверь в спальню, но она не поддавалась. В прорезь двери было видно, что она закрыта на два замка. Не взламывать же ее!

Тогда они попробовали, крепка ли деревянная обшивка на лестничной клетке. Доски едва держались. Чуть-чуть нажать ломиком — и они отойдут вместе с гвоздями… Но у мальчиков не было с собой никакого инструмента. Миша велел Генке спуститься по винтовой лестнице вниз, в нижний коридор, и поискать там ломик.

— Даже не ломик, а какую-нибудь железяку, — сказал Миша, — чтобы можно было ее просунуть под доски. Только осторожно, тихо…

Вскоре Генка вернулся с каминными щипцами в одной руке и большим, хотя и сломанным,

утюгом — в другой. Мальчики вставили щипцы между досками и, тихонько постукивая по ним утюгом, оторвали две доски.

Через образовавшееся отверстие они вскарабкались на лестницу. Она была деревянная, прямая, довольно широкая и приводила в мезонин — низкое квадратное помещение, заваленное всякой рухлядью. И, так же как внизу, среди этой рухляди была проложена узенькая дорожка к окнам.

Их было три: два крайних — застекленные, а среднее — закрытое ставнями. Ставни запирались простым ржавым крючком. Мальчики откинули его, распахнули ставни. В нише стояла бронзовая птица.

Птица стояла к ним спиной. Высота ее была приблизительно около метра, размах крыльев — метра полтора.

Отсюда отлично просматривалась вся окрестность, все подходы к дому.

Лагерь был как на ладони. Виднелись фигуры ребят, и было совершенно очевидно, что они бездельничают: одни без толку снуют взад и вперед, другие занимаются чем-то совершенно непонятным, прохаживаются, куда-то бегут. Их поведение казалось нелепым и смешным.

Но не следует отвлекаться. Надо поскорее от-

крыть бронзовую птицу.

Как и тогда, в музее, Миша двумя пальцами правой руки сначала осторожно, а потом сильнее нажал ей на глаза.

Есть! Голова птицы откинулась назад. Значит, и здесь тайник. Все предусмотрено правильно, все точно!

Миша засунул руку в тайник, нащупал там бумажку и вытащил ее.

Это был свернутый трубкой чертеж, нанесенный на обыкновенную кальку. Мальчики развязали ленточку и развернули чертеж. На нем были нанесены какие-то линии и цифры…

Но разбираться сейчас в чертеже не было времени. Надо взять его с собой, перерисовать и до возвращения «графини» положить обратно.

Мальчики закрыли птицу, накинули крючок на ставни, спустились во второй этаж, вставили на прежнее место доски лестничной клетки и по винтовой лестнице добрались до людской.

Здесь они плотно закрыли дверь, стараясь загнать гвозди на их прежние места. Иначе «графиня» догадается, что дверь открывали.

Глава 56
Чертеж

Кит давно съел свой рисовый отвар и лежал теперь, сладко зажмурив глаза и томно потягиваясь. В людской было темно и пыльно. Сквозь низкие оконца на пол падали узкие, короткие солнечные лучи, в них роились тысячи пылинок.

— Пошли, Славка, — сказал Миша и незаметно кивнул ему в знак того, что все в порядке, — а ты, Бяшка, оставайся здесь. Сейчас мы пришлем тебе замену.

— Пришлите чего-нибудь пожрать, — простонал Кит.

— Хочешь ты выздороветь или нет? — рассердился Бяшка. — Неужели ты не можешь один день, всего один день, пробыть на диете!

— Не могу, — со вздохом признался Кит.

Оставив их препираться по этому поводу, Миша, Генка и Славка вышли из людской.

Позабыв о своем обещании прислать Бяшке замену, они обогнули лагерь, вышли в поле, забрались в маленькую рощицу, уселись там и начали рассматривать чертеж.

Это была калька размером в обыкновенный лист писчей канцелярской бумаги. По ее сторонам были обозначены страны света: С., Ю., З., В., то есть север, юг, запад, восток.

Над буквой «Ю» был нарисован фасад помещичьего дома. От него вверх, строго на север, подымалась прямая линия, которая сворачивала сначала на северо-запад, потом на запад и затем снова подымалась на север. Там, где линия кончалась, были нарисованы четыре дерева.

Над каждым отрезком пути стояла цифра «1», а под каждым поворотом был обозначен его угол: 135 градусов, еще раз 135 градусов и, наконец, 90 градусов. Ничего больше на чертеже не было, если не считать рисунка бронзовой птицы в правом верхнем углу. Но птица обозначала всего лишь графский герб.

Мальчики молча разглядывали чертеж, потом переглянулись. Они не знали, верить или нет. Неужели тайна в их руках? Ведь по чертежу они несомненно всё найдут!

Первым нарушил молчание Генка. Совершенно спокойно, как само собой разумеющееся, он сказал:

— Все в порядке. Можем хоть сейчас отправляться за кладом.

— В порядке-то в порядке, — заметил Славка, — только непонятно, в каких единицах здесь обозначена длина отрезков. «Один», а что означает «один»?

Генка снисходительно улыбнулся:

— В верстах. Ведь раньше всё обозначали в верстах.

— И в аршинах и в саженях… — возразил Славка.

— Чудак, — рассмеялся Генка, — если в аршинах или в саженях, тогда это было бы рядом с домом. А здесь нарисован лес, а лес отсюда как раз в четырех верстах. Впрочем, — Генка пожал плечами, — можно сначала проверить и в четырех аршинах, и в четырех саженях. Но я уверен, что это версты. Уж прятать так прятать подальше.

Миша предложил не спорить, а рассуждать логично.

— Будем рассуждать логично, — сказал он. — Значит, так: отсчет надо начинать от дома, по-видимому, прямо с того места, где стоит бронзовая птица. Согласны?

Мальчики были согласны.

— Итак, — продолжал Миша, — от дома нужно идти строго на север одну версту.

— Или аршин, сажень, а может быть, метр или

километр, — не уступал Славка.

— Возможно, — согласился Миша, — хотя я на стороне Генки: обозначено, конечно, в верстах. И будем рассуждать в верстах, условно, конечно.

— Если условно, тогда другое дело, — согласился Славка.

— И не перебивай, — кротко заметил Генка. — Давай, Миша, рассуждай дальше.

Миша продолжал:

— Будем рассуждать дальше. Значит, проходим строго на север одну версту и поворачиваем на северо-запад, под углом в сто тридцать пять градусов.

— Повернули… — подсказал Генка.

— Повернули, — продолжал Миша, — и прошли еще одну версту…

— Здесь опять повернули, — подсказал Генка.

— Да, здесь повернули строго на запад под углом опять в сто тридцать пять градусов и прошли еще одну версту. И уже здесь…

— …повернули в последний раз, — громко и нетерпеливо проговорил Генка.

— Да, повернули в последний раз под углом в девяносто градусов и пошли строго на север еще одну версту и…

— …подошли к четырем деревьям, — восклик-

нул Генка, вскакивая со своего места, — воткнули лопаточки в землю, подрыли и нашли все, что нам нужно. И, может, даже знаменитый алмаз Панси.

— Не Панси, а Санси, — поправил его Славка.

Мальчики пришли в веселое и даже несколько буйное настроение.

— Подумать только, — хохотал Генка, — эти дурачки там ищут, ищут, роют, роют… Вспотели, бедняги, исхудали, всё роют, роют, а где надо рыть, не знают. А мы знаем.

Миша не прыгал и не бесновался, как Генка. Он лежал на спине и, самодовольно улыбаясь, говорил:

— Да, теперь дело в наших руках. Конечно, неизвестно, что там такое. Вряд ли алмаз Санси-Панси. Но если так здорово зарыли и так упорно все ищут, то бесспорно что-то очень ценное.

А Генка продолжал хохотать:

— Нет! А «графиня»-то, «графиня»! Бережет этот чертеж, хранит его, лелеет, все ждет, когда свергнут советскую власть и вернется ее графин. А чертежик уже у нас…

При упоминании о «графине» некоторое смущение овладело Мишей. Если по чертежу так просто найти клад, то почему «графиня» этого не

сделала? Ведь парни-то в лесу роют с ее ведома, ведь она посылала им какие-то мешки.

То же самое подумал и Славка.

— Странно, почему этот клад до сих пор не нашли, — сказал он. — Чертеж лежит самое меньшее шесть лет после революции, «графиня» о нем знает. Значит, знают и лодочник, и парни. А ведь они-то как раз и копают в лесу.

— Она их водит за нос! — закричал Генка. — Неужели не понятно? Ведь мы сами видели, как лодочник следил за «графиней». Значит, он ей не доверяет. А почему? Потому что она ему все время показывает не те места и даже не говорит, что у нее есть чертеж.

— А почему сама не выкопает?

— Разве такая старуха справится? Разве она сумеет выкопать? А если бы и смогла, то не хочет. Зачем ей? Куда она денется с ценностями? «Графиня» их обязана сберечь до приезда графина.

Славка согласился, что Генка, пожалуй, прав. Миша тоже согласился. В душе у него оставались кое-какие сомнения, но так хотелось верить, что клад теперь у них в руках, что их усилия увенчались успехом! Ему не терпелось убедиться в этом. Он встал.

— Не будем терять времени и пойдем сейчас по

этому маршруту.

Ребята охотно согласились. Им тоже не терпелось увидеть место, где зарыт клад.

— У меня шаг ровно один аршин, — сказал Миша, — так и будем отмеривать. Только вы меня не сбивайте со счета.

— А лопаты? — воскликнул Генка. — Надо лопаты с собой взять, иначе чем же мы будем копать?

Но Миша решил не брать лопат. Если их с лопатами заметит лодочник, то все пропало. Копать они будут ночью. А сейчас они хорошенько запомнят место и дорогу.

— Ну и зря! — проворчал Генка.

Ему очень хотелось немедленно копать.

Глава 57
Кладоискатели

У дверей людской они увидели Бяшку и только сейчас вспомнили, что обещали прислать ему замену.

— Безобразие! — кричал взбешенный Бяшка. — Полтора часа жду! Это подлость по отношению к товарищу. Другой на моем месте давно бы сбежал. А вы пользуетесь моей добросовестностью. Порядочные люди так не поступают! Издевательство!

Миша кое-как успокоил Бяшку, отпустил его в лагерь и велел прислать Игоря. Продолжая возмущаться, Бяшка ушел.

Из людской доносились стоны голодного Кита. Но мальчики не обратили на них никакого внимания.

Миша положил компас на ладонь и стал перед фасадом лицом к северу. Стрелка стояла перпендикулярно к дому.

— Условие, — сказал Миша, — пока не дойдем до поворота, ни слова не говорить. А теперь пошли!

Мальчики зашагали. Миша шел впереди. Он

отсчитывал шаги, стараясь идти именно тем шагом, который равнялся у него одному аршину. Это был нормальный ровный шаг, при котором он шел без всякого напряжения и в то же время чувствовал, что если он хоть чуточку увеличит шаг, то это напряжение появится.

Перед собой он держал компас. Впрочем, сама аллея вела мальчиков точно на север.

Вскоре аллея перешла в полевую дорогу. Но и она, как показывал компас, вела строго на север.

За точность отсчитываемых шагов Миша мог не беспокоиться. Генка и Славка шагали за ним и сосредоточенно бормотали цифры. Это монотонное бормотанье мешало Мише, но он молчал, боясь сбиться со счета. В конце концов, когда Миша объявил, что отсчитал полторы тысячи, то у Генки оказалось двенадцать шагов лишних, а у Славки восьми недоставало.

Но дорога сама поворачивала на северо-восток.

Мальчики замерили угол — сто тридцать пять градусов, полтора прямых угла. Да, не силен был на выдумки старый граф. Сказалось аристократическое вырождение…

Мальчики пошли дальше. Опять за Мишиной спиной послышалось монотонное бормотанье. Дорога шла точно на северо-восток. Казалось, она специально проложена к тому месту, где зарыт клад. Это была именно та дорога, по которой они с Жердяем шли на Голыгинскую гать.

Прошли еще версту. Дорога свернула на запад и опять под углом в сто тридцать пять градусов.

Генка стер со лба пот:

— Все идет как по маслу. Граф точно все расписал.

— Маршрут довольно примитивный, — заметил Славка, — прямо по дороге.

— И правильно. Не захотел бить свои графские ножки по ямам и рытвинам.

Мальчики прошли еще версту на запад. Дорога круто, под прямым углом, повернула на север.

Наконец они прошли последнюю версту. Дорога кончалась у самой опушки. Дальше стеной стоял лес. Тот самый лес, по которому они шли на Голыгинскую гать.

— Ясно, — сказал Генка, показывая на дере-

вья, — клад зарыт под этими четырьмя березами.

Миша и Славка тоже смотрели на березы. Да, по-видимому, здесь. Во всяком случае, на этой поляне. Она была неровной, в буграх и холмиках. У Миши на минуту закралось подозрение, что здесь уже копали, но нигде не было видно свежих следов земли, все бугорки и холмики поросли травой. Может быть, здесь когда-то корчевали пни. Во всяком случае, в чертеже указано именно это место. Значит, под одним из холмиков. Ничего, всем отрядом они здесь всё перероют. А граф-то, оказывается, не так прост! Все ищут в лесу, а он закопал на самой опушке, на самом видном месте, где никто и не догадается искать.

Мальчики присели на траву. В лесу шумели верхушки деревьев, свистели и верещали птицы. Где-то далеко слышался лай собаки.

Генка хмыкнул и прошептал:

— А эти дурачки на болоте ищут. Эй, кладоискатели!

— А все же странно, что они роют именно в этом лесу, — сказал Славка.

— И ничего странного, — возразил Генка. — Они слышали звон, да не знают, где он. В лесу! А где в лесу?

— А когда мы будем копать? — спросил Славка.

— Я думаю, откладывать не следует, — вставил Генка, — ведь в среду должен приехать этот тип в зеленом костюме. А сегодня уже пятница.

— Откладывать нельзя, — согласился Миша, — но делать надо с умом. Прежде всего надо перерисовать чертеж и положить его на место. Иначе «графиня» заметит и примет меры предосторожности.

— Согласен, — сказал Генка. — Но рыть-то когда?

— Рыть надо со свидетелями и с представителями власти. Мало ли что там может быть, — объявил Миша.

Генка был вне себя. Как! Рассказать председателю сельсовета? Ведь он немедленно передаст Ерофееву, а Ерофеев — лодочнику.

— О таком деле не скажет, — успокоил его Миша. — Кроме того, мы вызовем представителей из уезда или из губернии. Ведь клад — это государственное имущество. Все должно быть сделано законно.

Генка огорчился:

— Всегда так! Мы проводим всю работу, подвергаем свою жизнь опасности, и в итоге приходит чужой дядя и пожинает лавры. Неправильно

это!

Глава 58
Рассказ врача

Мальчики вернулись домой хотя и усталые, но очень веселые. Не всем удается раскрывать такие вот секреты, а они уже раскрывают второй раз: тогда — с кортиком, теперь — с бронзовой птицей.

Они дошли до помещичьего дома. Миша велел Генке и Славке идти в лагерь, а сам зашел в людскую узнать, как чувствует себя Кит, и вообще проверить, что там делается.

У Кита сидел доктор. Увидев Мишу, он сказал:

— Хорошо, что ты пришел. Ему, — он кивнул на Кита, — можно встать. Но он должен соблюдать строжайшую диету.

Вот так штука! Выпускать отсюда Кита вовсе не входило в Мишины планы. Это значило бы лишиться людской и, следовательно, возможности еще раз проникнуть в дом. А ведь надо положить обратно чертеж. Миша сразу сообразил ответ:

— Он встанет и тут же обожрется. Мы его хорошо знаем. Если нужно соблюдать диету, то пусть лежит.

— Такой обжора?

— Ужасный.

— Неужели ты не можешь удержаться? — спросил доктор Кита.

— Не могу, — со вздохом признался Кит.

— Все же надо выпустить его на улицу, на чистый воздух, — сказал доктор, — а диету пусть соблюдает в порядке дисциплины.

Миша с отчаянием проговорил:

— Если он встанет, то все пропало.

— Что пропало?

— Вообще… — спохватился Миша. — Опять заболеет, а положить будет некуда. Сюда, в людскую, нас больше не пустят. Придется его держать в палатке. А вы сами говорите, что больному в палатке нельзя.

— Всегда найдем, куда больного положить, — ответил доктор, — а ему хватит лежать.

— Можно встать? — спросил Кит, откидывая одеяло.

— Конечно.

Не говоря ни слова, Кит поднялся и, не глядя на Мишу, вышел из людской. Через минуту его громкий голос уже слышался возле костра, где варился обед.

Миша и доктор тоже пошли к лагерю; врач

оставил там свою лошадь.

Пройдя несколько шагов по аллее, врач обернулся. Миша перехватил его взгляд: он смотрел на бронзовую птицу.

— Что означает эта бронзовая птица? — спросил Миша. — Торчит и торчит здесь.

Доктор снял пенсне, протер его, снова надел, забросив за ухо крученую черную нитку.

— Знаменитая птица, — засмеялся доктор. — Из-за нее много людей посходило с ума.

— Неужели? — спросил Миша и затрепетал от радости: доктор что-то знает.

— Давняя и длинная история, — сказал доктор, — и, по правде сказать, малоинтересная.

— Расскажите, пожалуйста, — попросил Миша. — У нас ребята интересуются стариной. Спрашивают, что за птица, а я ничего не могу ответить.

— Длинная, длинная история, — повторил доктор. — В другой раз.

— Я вас очень прошу, расскажите, — умоляющим голосом проговорил Миша, — ну хоть пока мы дойдем до вашей лошади.

— Ладно, — согласился врач, несколько задерживая шаг. — История, в общем, довольно глупая. Смесь барского самодурства с уездным роман-

тизмом. Надо тебе сказать, что графы Карагаевы — старинный, но захудалый род. Древо свое будто бы ведут от татарского мурзы, выехавшего в Россию из Золотой Орды. Но обеднели, оскудели, особенно после того, как Елизавета казнила одного графа с сыном и велела бросить их в болото.

— Значит, про Голыгинскую гать это правда? — изумился Миша.

— Да, — подтвердил доктор, — исторический факт. Казнены и затоптаны в гать… Поместья их были отобраны в казну, вообще род подрублен под основание. Но благодаря удачной женитьбе одного из графов на дочери Демидова род Карагаевых снова поднялся, графы стали владеть поместьями и рудниками на Урале.

— Про это я что-то слыхал, — сказал Миша.

— Так вот, — продолжал доктор, — в роду у них была страсть к драгоценным камням, просто мания. Особенно у последнего графа. Большой был охотник. И камни хорошо знал. Но фантазер и мистификатор. Он широко вел уральские разработки, но находил мелочь. А мелочи и цена небольшая. Стоимость алмаза возрастает с его величиной чуть ли не в геометрической прогрессии. Находил он мелочь, а слухи распускал, будто нашел нечто выдающееся. На поверку все

это оказывалось блефом. До того изолгался, что ему не только перестали верить, но даже чуть было не притянули к суду за какую-то подделку. Вообще вся его деятельность грозила разорением. Вот тогда и начался этот процесс. Сын попытался объявить старика сумасшедшим. Даже меня хотели использовать для этого, но не удалось. Я все дело чуть не испортил. Так и боятся меня с тех пор. Впрочем, нашлись люди, которые помогли сыну оттягать наследство раньше, чем отец умер. Старый граф уехал за границу. Но он не остался в долгу и изрядно посмеялся над своим неблагодарным наследником.

Доктор и Миша дошли до дрожек. Доктор сел на них, закурил и продолжал:

— Наследничек его, надо тебе сказать, был хотя и балбес, но порядочный негодяй. Довольно неприглядную роль в деле сыграла и эта особа, — доктор кивнул на дом.

— «Графиня»?

— Какая она «графиня»? Впрочем, в свое время — красавица. — Доктор на минуту замолчал, какая-то тень пробежала по его лицу. — Красавица, — повторил он, — только от красоты уже ничего не осталось… Да, так вот, молодой граф… Его тут крестьяне называли Рупь Двадцать… Он

немного хромал от рождения, хотя мужчина видный. И вот как отец его наказал…

Доктор опять помолчал, как бы вспоминая всю эту историю, потом продолжал:

— Самое удивительное то, что старый граф рассказывал не только басни. Перед самым процессом он объявил, что нашел два алмаза размером чуть ли не по пятьдесят каратов каждый. И даже показывал эти алмазы. Никто ему, конечно, не верил. А алмазы-то оказались настоящими. Это подтвердили голландские ювелиры. И вот граф прислал сыну письмо приблизительно следующего содержания:

«Один алмаз я увез с собой, второй спрятал. Если у тебя хватило ума выгнать меня из дому, то посмотрим, хватит ли у тебя ума на то, чтобы найти этот бриллиант. На место, где он спрятан, указывает наш родовой герб». Вот приблизительно, что написал старый граф. Это была жестокая месть. Поиски алмаза стали бичом и несчастьем этой семьи.

Искали его до самой революции, всё тут перерыли, перессорились, посходили с ума, поотравлялись и пострелялись.

— И не нашли его? — волнуясь, спросил Миша. Он едва удержался от того, чтобы не крикнуть:

«Я знаю, где этот тайник! Я знаю, где спрятан алмаз!»

Доктор отрицательно качнул головой:

— Тут такое было… Но нет, ничего не нашли…

Стараясь не выказывать своего волнения, Миша спросил:

— Но ведь граф написал, что это связано с родовым гербом. Что же он имел в виду?

Он спросил это, не поднимая глаз: боялся, что выдаст себя.

Доктор перекинул ноги через дрожки, уселся на них верхом, взял в руки вожжи, вынул из кожаного кармашка торчавший там кнут.

— Что он имел в виду? Герб. Вот этого самого орла, — кнутом доктор показал на фасад барского дома, где в лучах заката золотилась бронзовая птица. — Этот орел и должен был дать ответ.

Деланно смеясь, Миша спросил:

— Как орел может указать? Он же безгласная птица.

— Да, конечно, но внутри этой бронзовой птицы есть тайник…

— Что вы сказали? — пролепетал Миша.

Доктор посмотрел на него:

— Что с тобой?

— Нет, я просто так, — пытаясь овладеть собой,

неестественно улыбнулся Миша. — Я никак не мог предположить, что внутри птицы может быть тайник.

— Да, тайник, — подтвердил доктор, — и очень простой. Нужно нажать птице на глаза, и голова ее откидывается. Самая обычная пружина…

Миша ошеломленно смотрел на доктора, а тот спокойно, не замечая его состояния, продолжал:

— В этом тайнике лежал план, чертеж. По нему получалось, что алмаз зарыт в лесу, тут недалеко, верстах в четырех… Вот и перерыли весь лес, и до сих пор есть чудаки — роют… Сейчас, правда, немного поуспокоились, но есть еще, роют…

— И все знают про этот план? — пролепетал несчастный Миша.

— Да, конечно. Одно время держали в секрете, но все видели, что они копают в лесу. Потом это перестало быть тайной. Копии чертежа были чуть ли не в каждой избе…

— Но, может быть, может быть… это не настоящий план, — убитым голосом проговорил Миша.

— План один. Его тут все наизусть знали. Версту на север, еще версту на северо-запад, потом версту, кажется, строго на запад, не помню уже, давно было. Этот план тут все наизусть знали, даже частушки про него распевали:

Версту пройдешь —
Алмаз найдешь,
Другую пройдешь —
Бриллиант найдешь,
Третью пройдешь —
Ничего не найдешь…

Что-то в этом роде… — Доктор тронул вожжи. — Вот и вся история… Ну ладно… Значит, вы своего больного попридержите, не давайте ему много есть. Пусть диету соблюдает.

— Диету… да… конечно… — ничего не соображая, повторял Миша, тупо глядя вслед доктору, на его широкую спину в черном сюртуке, вздрагивавшую на ухабах и рытвинах дорог, и на громадную лошадь, которая тяжело шагала и лениво отмахивалась хвостом от мух и слепней…

Глава 59
Неужели все потеряно?

Ничего не понимая и не соображая, вернулся Миша в лагерь.

Там была обычная вечерняя суета. Ребята готовились к ужину, умывались перед сном, мыли ноги, складывали гербарии и альбомы, готовили постели в палатках. Девочки правили тетради своих ликбезовцев. Было то вечернее время, когда все устали за день, но не хотят, чтобы день кончился, когда особенно оживленно, потому что весь отряд в сборе, день догорает и надо успеть воспользоваться его последним светом.

Свои обязанности Миша выполнял механически. Мысль о постыдной неудаче не выходила у него из головы. Так опозориться! Значит, всё они делали зря. И эти томительные ночи в музее, и ночной поход на Голыгинскую гать, и поиски бронзовой птицы в помещичьем доме, и открытие тайника, и похищение чертежа — все это было ни к чему, бесполезная трата времени. А он-то воображал, что оказался умнее всех… Только бы никто не узнал! Генка и Славка, конечно,

никому не разболтают — сами тоже опростоволосились. Но как сказать им правду? Ведь его авторитет будет подорван навсегда.

А Генка и Славка, ни о чем не догадываясь, были в самом прекрасном расположении духа. Они ходили в обнимку, таинственно перешептывались, с добродушной снисходительностью поглядывали на остальных ребят: наивные ребятишки, играют себе и не знают, какая громадная, удивительная, потрясающая тайна скоро будет им открыта!

Потом они подошли к Мише. Генка таинственно прошептал, что в одной книге они нашли листок папиросной бумаги, каким в хороших книгах закладываются рисунки, и если этот листок наложить на чертеж, то все очень точно перерисуется. Миша молча кивнул головой в знак того, что он разрешает изъять листок из книги и перенести на него чертеж.

Генка добавил, что в этой книге не один, а три таких листка и хорошо бы сделать три копии. Тогда каждый из них будет иметь по чертежу. На случай потери. И вообще полезно. В таком опасном предприятии могут быть всякие неожиданности. Ко всему надо быть готовыми.

Миша согласился и на это.

Потом Генка сказал, что сейчас уже темно. Чертеж они перерисуют завтра утром, когда все уйдут в деревню. Миша согласился. Славка заметил, что его и Генку надо будет завтра освободить от работы в клубе. Миша не возражал и против этого. Он ни против чего не возражал. Все равно все бесполезно. Но сказать ребятам правду у него не хватало духу. Пусть уж занимаются чем-нибудь, только бы не задавали вопросов.

Проснулся Миша на следующее утро с головной болью, в том расслабленном состоянии, которое бывает после бессонной и беспокойной ночи… Но, как всегда, он после завтрака выстроил отряд и отправился с ним в деревню. Генка и Славка остались дежурными. Специально для того, чтобы на свободе перерисовать чертеж.

Мрачные мысли не оставляли Мишу и в клубе. Ни в чем не принимая участия, он сидел и грустно посматривал на будущих пионеров. Они были уже разбиты на звенья, знали законы и обычаи, выучили текст торжественного обещания, но никак не могли научиться ходить в строю. Каждый знал, где правая и где левая сторона, но при команде «Напра-во!» — обязательно поворачивался налево, а при команде «Нале-во!» — направо. При команде «Кругом!» — все сталкивались, и полу-

чалась «куча мала». Ходить в ногу и то не умели. Чего, казалось бы, проще: «Левой, правой, левой, правой». Так нет, обязательно собьются. У одного шаг большой, у другого маленький, один бежит вприпрыжку, другой волочит ноги, как инвалид, третий только тем и занимается, что наступает переднему на пятки.

А как они стоят в строю?! Один выпятил живот, другой выставил носки на пол-аршина. Прикажешь убрать живот — перегнется в три погибели. Кто пришел босой, а кто в валенках, в такую-то жару! Дашь команду «Равнение направо!» — вместо линии получается полукруг: каждый залезает вперед так, чтобы хорошо рассмотреть правофлангового, хотя и объясняешь, что надо видеть только пятого от себя.

А команда «По двое рассчитайсь!»... Еще не было случая, чтобы рассчитались без ошибки. Тот снова повторит «первый», тот повторит «второй», а этот вовсе молчит. «Ну, говори же!» А он молчит и, застенчиво улыбаясь, смотрит на тебя. Особенно девочки. Стесняются они, что ли?

Но сколько ни смотрел Миша на смешные и неуклюжие повороты ребят, они не могли отвлечь его от мысли о чертеже.

Хорошо, пусть чертеж оказался ерундой. Но

ведь что-то есть. Ведь не только он, а и другие искали и даже до сих пор ищут. «Графиня», допустим, сумасшедшая, спятила с ума из-за алмазов, но человек в зеленом костюме — это факт, его тайная переписка с «графиней» тоже факт. Убийство Кузьмина тоже факт… Пусть нет никакого клада, но ведь никаких алмазов ребятам и не нужно. Им нужно только реабилитировать Николая, доказать, что он ни в чем не виноват. Разве они откажутся от этого только потому, что попались на ту же удочку с кладом, на которую уже попадались десятки людей?

Размышляя таким образом, Миша продолжал смотреть на лужайку, где занимались ребята. Почему они с таким трудом осваивают строй? Вот, например, Муха. Он всегда нормально ходит, быстро бегает, а в строю почему-то хромает, волочит ногу, припечатывает один шаг. Настоящий Рупь Двадцать, как сказал доктор про молодого графа.

Одну минуту!

Миша даже привстал.

Но ведь человек в зеленом костюме тоже прихрамывает и волочит ногу. Тот самый человек в зеленом костюме, которого они видели в музее… Который тайно переписывается с «графиней»…

Неужели это и есть молодой граф Карагаев? Но ведь все графы удрали в Париж… А может быть, не все? Может быть, он все еще надеется найти алмаз, который так здорово запрятал его отец… Вполне возможно! Поэтому он и не появляется здесь — боится, что его узнают. А в среду приедет…

Глава 60
Копии

Тем временем Генка и Славка приступили к снятию копий.

Прежде всего надо было найти гладкую доску, чтобы наложить на нее чертеж.

— Подумаешь! — сказал Генка. — Зачем такая точность? Ведь мы уже даже место знаем. Перерисуем для формальности, и всё.

Но Славка был педант. И он хорошо чертил. Генке пришлось уступить. Гладкой доски они не нашли, зато отыскали картонную папку с надписью «Дело», положили ее на пень и укрепили по углам камнями. На папку положили чертеж, на чертеж — лист папиросной бумаги.

Славка начал перечерчивать. Стоя у него за спиной, Генка следил за движением карандаша, подавал советы и всячески торопил Славку… И зачем такая скрупулезность?! Раз-раз — и готово! Но Славка не обращал на него внимания и чертил очень аккуратно. Когда он начал перечерчивать изображение бронзовой птицы, Генка сказал:

— Зачем ты птицу перечерчиваешь? Она ровно

ничего не обозначает.

— Она нанесена, значит, я ее должен перечертить, — ответил Славка, продолжая работать.

А именно с птицей было больше всего возни. Остальное было просто: линии, углы, повороты. А птица на чертеже была изображена хотя и мелко, но очень тщательно. Точь-в-точь такая же, как и на помещичьем доме.

— Знаешь, сколько ты с этой птицей провозишься, — настаивал Генка, — и совершенно зря. Ведь она нарисована условно, просто как герб.

— А может быть, и не условно.

— Говорю тебе, что условно. И незачем с ней возиться. Ведь мы уже и так всё знаем.

Но добросовестный Славка аккуратно перечерчивал птицу.

— Делай как знаешь, — проворчал Генка, — но на чертеже, который ты будешь делать для меня, пожалуйста, не изображай. Не нужен мне этот орел.

И он с большим неудовольствием следил за Славкиной работой. Возиться с орлом целый час! И это только на первом чертеже! Сколько же он со всеми тремя копиями прокопается?

Наконец Славка перерисовал орла и начал заштриховывать его.

— Зачем ты его заштриховываешь? — разозлился Генка.

— Потому что на чертеже заштриховано.

— Так ведь он не весь заштрихован, — закричал Генка, — а ты его всего заштриховываешь!

— Правда, — растерянно проговорил Славка, рассматривая чертеж.

Действительно, у орла было заштриховано только туловище. Голова же была замазана сплошной черной краской, а лапы, наоборот, не закрашены и не заштрихованы.

— Это я из-за папиросной бумаги прошляпил: плохо видно под ней, — огорченно проговорил Славка. — Придется перерисовывать.

Генка попытался удержать его. Зачем перерисовывать?! Ведь все равно орел изображен условно и совершенно не нужен. Какая разница, заштрихован он или нет? А если Славка хочет перерисовывать, то пусть отдаст эту испорченную копию ему, Генке, а остальные может перерисовывать как угодно.

— Пожалуйста, — сказал Славка, откалывая испорченную копию, — можешь взять, остальные я сделаю правильно. Точно так, как на чертеже.

— Ну и делай на здоровье!

Генка небрежно сложил полученную от Славки копию и опустил в карман.

— Поосторожнее, — заметил Славка, — если потеряешь, то могут быть большие неприятности.

— Не беспокойся, пожалуйста, я еще никогда ничего не терял.

Глава 61
Орлы

Славка кончил перечерчивание как раз к тому времени, когда ребята вернулись из деревни.

После обеда Генка и Славка возвратили чертеж Мише и показали ему копии.

Миша молча посмотрел на никому теперь не нужные листки. Бедный Славка, трудился над ними полдня. И как аккуратно все перерисовал!

— А где же третья копия? — спросил Миша только для того, чтобы выиграть время.

— Она у меня, — ответил Генка, — я взял себе испорченную.

— Чем же она испорчена? — спросил Миша, все еще не решаясь сказать ребятам правду.

Генка положил свою копию рядом с другими, показал, чем она испорчена.

— Впрочем, — сказал он, — испорчена она по

мнению Славки. Этот орел не имеет абсолютно никакого значения. Просто эмблема графского рода, как и бронзовая птица.

— Да, — подтвердил Славка, — возможно, штриховка не имеет значения, но поскольку она есть, я решил точно перерисовать.

Миша между тем пристально рассматривал чертеж. Действительно, птица здесь ровно ничего не обозначает: ни места клада, ни дороги к нему. Дорога изображена линией и поворотами. Они вчера проверили эту дорогу, и все оказалось правильным. Да и, как рассказывал доктор, уже сотни людей по чертежу пытались найти клад, значит, изучили чертеж вдоль и поперек. Все это так… Но почему птица по-разному закрашена? Как ни мало ее изображение, как ни стерся чертеж, а все же ясно видно, что раскраска разная: голова черная, туловище заштриховано, лапы белые. Что это значит?

— Чего ты так рассматриваешь? — спросил Генка, с любопытством и даже с некоторым беспокойством следя за выражением Мишиного лица.

— Думаю: что значит птица? Для чего она здесь и почему по-разному закрашена?

— Но, Миша, — Генка даже скривился от неудовольствия, — какое это может иметь значение?

Этим гербам та же цена, что и орлам на царских пятаках: эмблема! Хоть копейка, хоть две, хоть пятак, а всюду двуглавый орел… Ни о чем не говорит и ничего не значит… И чего тут думать? Ведь мы уже знаем, где зарыт клад… Надо не думать, а пойти и вырыть его. Вот и всё!

— Ты в этом уверен? — спросил Миша.

— В чем?

— В том, что мы знаем, где зарыт клад.

Генка развел руками:

— Но ведь мы там вчера были…

Миша помолчал, потом со вздохом сказал:

— Никакого клада там нет.

Генка и Славка воззрились на него.

— Да, да, — повторил Миша, — нет, не было и не будет!

Генка и Славка продолжали смотреть на Мишу — Генка ошеломленно, Славка вопросительно.

— Чего вы уставились на меня? — спросил Миша. — Нет там никакого клада, вот и все…

— Да… но… как же чертеж, и «графиня», и вообще все? — пролепетал Генка.

— Никакая она не «графиня»! — презрительно ответил Миша.

— Но откуда ты знаешь, что там ничего нет? — спросил Славка.

— А вот откуда…

И Миша передал друзьям рассказ доктора.

Такой жестокий удар! Мальчики казались самим себе жалкими, ничтожными дураками, глупыми фантазерами… Как они теперь посмотрят всем в глаза? Правда, никто ничего не знает, но все видели, сколько многозначительной таинственности они на себя напускали…

И неужели надо расстаться с мечтой раскрыть тайну, раскрыть секрет, который никто до них не мог раскрыть? Это было ужасно!

И как только Миша все рассказал, у него стало легче на душе. Выговорился наконец…

— Да, очень обидно, — сказал Славка. — Впрочем, этого надо было ожидать: если все ищут, и давно ищут, то почему именно мы должны найти?

Миша пожал плечами:

— Так всегда бывает. Все не могут найти, а потом кто-то находит. Так могло быть и с нами. Но не получилось.

Генке никак не хотелось расставаться с мыслью о кладе. Он чуть не плакал.

— Но ведь клад-то есть, ведь алмаз-то действительно спрятан! Значит, надо его искать.

— Где же его искать?

— Где?.. А хотя бы в лесу, — неуверенно ответил Генка.

— Лес уже весь перерыт. Живого места нет. Если алмаз существует, то он спрятан только не в лесу. Возможно, конечно, что «графиня» и этот человек в зеленом костюме знают место… Да, вы знаете, кто этот человек в зеленом?

Миша высказал свои подозрения насчет человека в зеленом костюме.

— Ну конечно, — загорелся Генка, — это графский сын! Ясно как шоколад. Приехал за алмазом. И действует заодно с «графиней».

Славка, внимательно слушавший своих приятелей, сказал:

— Если бы «графиня» знала, где спрятан алмаз, то давным-давно вырыла бы его. Алмаз помещается в желудке, значит, поместится и в кармане. Нет! И «графиня» не знает, и графский сын, если он действительно графский сын, тоже ничего не знает. Они ищут, как лодочник и все другие. Но никто не может найти. И мы вряд ли найдем. Чертеж был нашим единственным шансом. И этот шанс отпал.

«Да, это верно, — думал Миша, — никто не знает, где зарыт алмаз. Никто не сумел отгадать загадку, заданную старым графом. Но загадка-то

отгадывается! Все руководствовались чертежом, линиями, а линии ничего не значат, они не более как ложный след. И дело, может быть, не в них, а в орле. Ведь указать тайник должна именно птица. А никто на нее не обращал внимания. Вот и не находили. А ведь в таких планах не должно быть ничего лишнего, ничего случайного. Все должно иметь свой смысл».

— Чего ты разглядываешь чертеж? — спросил Генка. — Ведь теперь ясно, что он липа.

— Липа, — согласился Миша, — но все же странно: почему орел по-разному закрашен? Очень странно.

Мальчики опять воззрились на орла. Но он им ничего не говорил. Орел как орел.

Миша вспомнил слова Бориса Сергеевича об этой птице, сомнение Коровина по тому же поводу.

— Между прочим, не все уверены, что это орел. Например, Коровин сомневается, а он родился и вырос на Волге, где водятся орлы. И Борис Сергеевич утверждает, что это не орел, а гриф. Вернее, он сказал, что у птицы голова грифа.

Генка нехотя согласился:

— Голова — может быть. А во всем остальном — орел. Не беспокойся, уж кто-кто, а я-то знаю.

Генке действительно можно было верить. Если не считать физкультуры, то биология была единственным предметом, по которому он хорошо занимался. Он был даже старостой биокружка и работал в школьном живом уголке.

— Самый обыкновенный орел, — продолжал Генка, — правда, немного больше степного. Значит, беркут. Беркут-халзан.

— Ладно, — сказал Миша, — что бы там ни было, другого выхода у нас нет. Маршрут оказался неправильным. Значит, надо разгадать штриховку. Чертеж есть у каждого. Будем думать.

Генка жалобно проговорил:

— У меня штриховка неправильная. Как же я буду думать?

Глава 62
Халзан

Мальчики начали думать. Впрочем, думал весь отряд. Не про штриховку, а про бронзовую птицу: кого именно она изображает? Этот вопрос поставил Миша. Ведь в отряде есть очень знающие ребята, могут надумать что-либо существенное. Да и трудно все держать в секрете. Пусть уж займутся птицей.

Вскоре весь отряд разделился на две партии.

Одна, возглавляемая Генкой, утверждала, что это орел. Правда, у него не совсем обычная голова, но это не более как вольность художника.

Другая партия, предводительствуемая Бяшкой, считала, что птица из семейства грифов. Правда, у нее несколько коротковатое и коренастое для грифа тело, но это результат неосведомленности того же художника.

— Посмотрите на форму головы, — говорил Бяшка, — разве у орла бывает такая длинная шея и такая большая, плоская, плешивая голова? Это может быть и кондор, и стервятник, просто черный гриф или сип белоголовый. Конечно,

будь птица в натуре, хотя бы чучело, можно было бы определить по оперению и по окраске. Но голова определенно указывает на то, что птица из семейства грифов, а не из семейства орлов.

— Ах ты, Бяшка, Бяшка! — возражал Генка. — Где ты видал таких маленьких кондоров? У кондора размах крыльев достигает до трех метров, а у этого и двух нет. Согласен, голова странноватая. Но во всем остальном орел. Так называемый «орел настоящий». К этому роду относятся: беркут, он же халзан, орел-могильник, он же карагуш, чуть поменьше беркута, затем степной орел, он же орел-курганник. Есть еще подорлики, канюки, сарычи, но они маленькие. Так что, бесспорно, это орел настоящий.

Обе партии спорили с утра до вечера. Приводили в доказательство внешний облик птиц, их образ жизни, способы гнездования, воспитания птенцов, питания. Добрались даже до романов, в которых рассказывалось, как птицы уносят в когтях не только детей и ягнят, но даже лошадей и охотников в полном охотничьем снаряжении.

Спорили ожесточенно. Тем более что во главе партий стояли самые ярые спорщики: Генка и Бяшка. Они чуть не передрались. Генка обозвал Бяшку сипом белоголовым, Бяшка Генку — хал-

заном.

— Эй, сип белоголовый, — кричал Генка, — иди сюда, поспорим!

— Катись подальше, халзан несчастный! — отвечал ему Бяшка.

— Как вам не стыдно! — убеждал их Миша. — Неужели нельзя дискуссировать спокойно? Мы ведем серьезное исследование, а вы переходите на личности. Представьте, что настоящие ученые так же бы ругались. Во что бы превратилась Академия наук!

— Зачем он меня сипом обозвал? — оправдывался Бяшка.

— А кто первый? — возражал Генка. — Ты же меня первый обозвал халзаном. Целый день тычешь: халзан, халзан… Какой я тебе халзан!

…Халзан… Халзан… Знакомое слово… Миша посмотрел сперва на Генку, потом на Бяшку… Халзан… Халзан.

— Ты говоришь — халзан? — переспросил Миша.

— Да, халзан, — ответил Генка.

— Это беркут?

— Ну конечно. Беркут, или халзан.

Халзан! Но ведь так называется речушка… Та самая, на которой убили Кузьмина… Халзан!

Отсюда и Халзин луг… Тот самый, куда ездили Кузьмин с Николаем…

Миша так опешил от неожиданности, что Генка с тревогой спросил:

— Ты что? Заболел?

— Халзан, — пробормотал Миша. — Халзан…

— Ну конечно, халзан, — недоуменно повторил Генка, во все глаза глядя на Мишу.

А тот продолжал бормотать:

— Халзан… Халзан… Река…

Генка развел руками:

— Что ты бормочешь? Халзан, ну и хал…

И Генка вдруг сам оторопело посмотрел на Мишу. Потом он прошептал:

— Халзан…

Голос его постепенно повышался:

— Халзан… Халзан…

Он подпрыгнул и ударил себя по коленкам:

— Халзан! Черт возьми! Халзан!

Но Миша уже пришел в себя:

— Спокойно! Без паники! Значит, халзан?

— Ну конечно, халзан, — таинственно зашептал Генка. — Я сразу подумал: орел — халзан и речка — Халзан.

— Сразу ты, положим, ничего не подумал. А сейчас, глядя на меня, догадался. И не хвастайся.

Генка даже обиделся:

— Но ведь первый-то я сказал про халзана. А этот сип белоголовый, — он презрительно посмотрел на Бяшку, — долдонит про своих грифов, только и долдонит…

Итак, найдено первое звено, может быть, самое важное. Секрет бронзовой птицы в ней самой, а не в ложном маршруте, обманувшем стольких людей.

И есть первое указание — река Халзан. В районе реки зарыт клад. Теперь ясно, почему на Халзином лугу убит Кузьмин. Убийство связано с кладом. И это доказывает невиновность Николая Рыбалина — ведь никакого алмаза Николай не искал. Правда, это снимает подозрение и с лодочника — ведь он ищет в лесу и, наверно, ничего не знает про Халзан. Ну что ж… В конце концов, главное — оправдать Николая. А найти истинного виновника — уже второй вопрос. Может быть, он обнаружится, когда они разыщут клад. Но где искать на реке? Она хоть и мелка, но довольно длинна. На новых картах едва обозначена, а на старых тянется далеко, через несколько уездов.

Значит, бронзовая птица должна дать еще какие-то указания, безусловно связанные с названиями орлов, так же как и река Халзан.

Генка, познаниям которого Миша теперь очень доверял, снова перечислил всех известных ему орлов. Некоторые очень подходили. Особенно орел степной, он же курганник. Если это название имеет то же значение, что и халзан, то получается такая цепь: — река Халзан — степь — курган. Честное слово, здорово! Ай да Генка, разбирается в птицах! Не то что Бяшка. Значит, возле реки, в степи, есть курган, в нем спрятан клад. Великолепно, просто здорово!

— Абсолютно правильно, — авторитетным тоном подтвердил Генка, — абсолютно правильно и логично. Халзан — степь — курган. А всякие грифы здесь ни при чем. Мало-мальски грамотный орнитолог[1] никогда не смешает два эти вида. Орел есть орел, гриф есть гриф. Халзан — восточное название беркута, но мы знаем, что Карагаевы вышли из Золотой Орды. Монголы жили в степях и, наверно, возводили курганы. Следовательно, и с точки зрения зоологии, и с точки зрения этнографии все абсолютно правильно. Надо идти на Халзан.

Но всегда сомневающийся Славка возразил:

— Допустим, что все так. Реку мы знаем —

---

[1] Примечания: 1

Орнитолог — специалист по птицам.

Халзан. Но степь? Никакой степи здесь нет. Предположим, что равнина и есть степь. Ладно. Но курган? Какой курган? Их здесь много, но мы их видели только на правом берегу Утчи. И все они давным-давно раскопаны. Даже экспедиции перестали ездить.

— Задача, конечно, нелегкая, — согласился Миша, — но в таком деле и не бывает легких задач. Завтра рано утром отправимся на Халзан.

— Учти, что завтра вторник, а в среду приезжает этот тип, Карагаев.

— Вот и постараемся все отыскать до его приезда.

Глава 63
Халзан – степь – курган

Едва дождавшись утра, мальчики отправились на Халзан. Конечно, они ничего не боялись. Но идти по месту, где недавно убили человека, было страшновато.

День выдался пасмурный. Порывистый ветер гнал по небу мохнатые, разреженные тучи, гнул верхушки деревьев, прижимал к земле траву. Временами он дул так сильно, что трудно было идти… Но мальчики шли по топкому лугу вдоль берега Халзана.

Это была обмелевшая, почти высохшая речушка. Весной она разливалась широко, тем более что протекала по низменности. Но сейчас превратилась в ничтожный ручеек, сильно заросший, совсем незаметный меж кустов и высоких трав. Только в некоторых, очень затемненных местах было видно, как по дну его течет светленькая струйка воды.

Вид такого ерундовского ручейка совсем не вязался ни с его громким названием, ни с таинственной и роковой ролью, которую он играл

во всей истории. Но мальчиков это не смущало. Особенно Генку. Он уверенно шагал по лугу и посматривал по сторонам зорким и глубокомысленным взглядом человека, от познаний которого зависит успех предприятия. В сущности, если бы не он, то ничего бы не вышло. А еще говорят, что он неровно учится. Что ж из того, что неровно? Истинно одаренный человек не может ровно учиться: его талант направлен в одну сторону в ущерб другим сторонам. Вот Миша и Славка хорошо занимаются почти по всем предметам, а все же когда надо было разобраться в орлах, то разобрался не кто иной, как он, Генка.

Так размышлял Генка, внутренне пыжась и надуваясь от сознания своей незаурядности. Это сознание было так велико, что он даже не высказывал его вслух, считая, что такому человеку, как он, особенно в данную минуту, приличествует солидное молчание.

Миша, который не был так, как Генка, уверен в успехе экспедиции, все же не терял надежды. Душа его жаждала успеха, но, чтобы не разочаро-

ваться, он готовил себя к худшему. Всегда надо готовить себя к худшему. Они могут ничего сегодня не найти. Но не все еще потеряно. Они будут искать. Важно искать и не терять надежды.

Славка был настроен скептически. Он считал себя реалистически мыслящим человеком. Всякие тайны, загадки, таинственные истории казались ему пришедшими из потустороннего мира. А так как в потусторонний мир он не верил, то относил многое за счет кипучей фантазии своих друзей. Но он не отставал от друзей потому, что он был хорошим товарищем.

Мальчики прошли уже версты три. Местность постепенно повышалась, грунт становился суше, каменистее, ручей обозначился резче. Попадались большие валуны и камни. Но, насколько хватал глаз, не было видно ни одного кургана.

Когда они прошли еще версты две, путь им преградила большая скала. Это был одинокий утес, огромный валун, неожиданно вставший на этой сравнительно ровной местности. У его подножия лежали большие обросшие мохом камни. Но сразу же за утесом ручей пропал, как будто ушел под землю.

Мальчики вскарабкались на утес. В темноватой дымке пасмурного дня перед ними открылась

однообразная, тоскливая панорама бескрайней равнины. Поля, поля, поля… Если даже считать эти поля степью, то все равно: на ней не было ни одного кургана…

— И все-таки где-то здесь есть курган, — категорически объявил Генка.

— Нет, нигде нет, — возразил Славка.

— Значит, надо идти вперед.

Славка опустил руку к подножию утеса.

— Смотри, ручей кончился. Может быть, Халзан вытекает из-под скалы, может быть, здесь его исток. Куда же мы пойдем?

Некоторое время мальчики молча стояли на вершине утеса. Ветер то стихал, то снова налетал, подвывая и высвистывая.

Наконец Миша сказал:

— Ты, Славка, не прав. Я видел карту. Исток Халзана гораздо дальше. По-видимому, здесь он сильно обмелел или течет под землей, а за утесом опять выбивается на поверхность…

Генка ухватился за эту мысль:

— Правильно. Может быть, клад зарыт в земле где-нибудь поблизости.

— А как же курган? — спросил Славка.

— Да, правда… Я и забыл про курган.

— Так вот, — продолжал Миша, — если мы

пройдем дальше, то наверняка снова наткнемся на Халзан. Но… но беда в том, что здесь, у утеса, по-видимому, кончаются бывшие графские владения. Помните карту в музее? Графская земля лежит между Утчей и Халзаном. Не тянется же она до бесконечности. И ясно, что граф зарыл алмаз на своей земле. А на его земле нет ни одного кургана. Вот в чем беда. — И Миша печально добавил: — Славка прав: дальше идти нет смысла.

Чувствуя себя виноватым перед приятелями в том, что он оказался прав, Славка высказал такое предположение:

— Возможно, граф имел в виду не орла-курганника, а орла-могильника. Тогда надо только найти могилу на Халзане.

Но с вершины утеса не было видно ни могилы, ни кладбища.

Глава 64
Коммуна

Неудача очень огорчила мальчиков. Неужели они ошиблись и с орлом? А уже кончается вторник. Завтра появится человек в зеленом костюме, а они ничего не нашли.

В лагере их ожидала новость: приехал Борис Сергеевич с распоряжением из Москвы о передаче усадьбы коммуне.

Вместе с ним приехали Коровин и еще два детдомовца, будущие коммунары.

Отвоевали все-таки усадьбу! Миша побежал разыскивать Бориса Сергеевича. Но он нашел только Коровина. Борис Сергеевич ушел в сельсовет.

Коровин и оба детдомовца обмеривали рулеткой сараи.

— Ну как, — приветствовал их Миша, — отвоевали все-таки усадьбу?

Коровин засопел, потом ответил:

— А то как же… Забрали, и всё. Наркомпрос распоряжение дал.

— А дом?

— И дом. Только старуха попросила Бориса Сергеевича подождать до четверга.

— Зачем?

— Кто ее знает… Попросила, и всё. Борис Сергеевич согласился. Он ей и работу в коммуне предложил. Пусть, говорит, работает.

— И что она?

— А ничего.

— Останется?

— Куда же ей, старой, деваться…

— Почему же она все-таки попросила отложить до четверга? — продолжал допытываться Миша.

— А кто ее знает, — пожал плечами Коровин. — Ну, давай, ребята, тяни шнур… Нам сараи сегодня закончить надо, завтра будем землю обмеривать.

И детдомовцы взялись за прерванную работу.

Миша отлично понимал, почему старуха затягивает передачу дома. Завтра должен приехать Карагаев, вот она и хочет посоветоваться: а может быть, надо что-нибудь вынести из дома.

Но о своих предположениях Миша не сказал ни Коровину, ни Борису Сергеевичу. Когда Борис Сергеевич пришел из сельсовета, Миша только спросил у него:

— Как же вам удалось побороть Серова?

— Уж этот Серов! — Борис Сергеевич покачал головой. — Шило!

— Какое шило?

— То, которое про вас заметки писало.

— Значит, он?

— Он самый… Обыкновенный взяточник. Кулаки не хотели коммуны. Понимали, что придется отдать землю, которую они незаконно захватили, вот и подкупили Серова. За взятку он выдал охранную грамоту на усадьбу, хотя никакой исторической ценности она не представляет. В общем, Серова уже прогнали из губоно.

— Вот что… — протянул Миша. — Значит, дело рук Ерофеева. А я думал, что «графини»…

Борис Сергеевич пожал плечами:

— «Графиня»… Она тоже была заинтересована. По-видимому, хотела сохранить усадьбу для старых хозяев. Но она-то как раз и свела Ерофеева с Серовым. Дело в том, что жена Серова — ее родная сестра.

Только сейчас Миша сообразил, кого напоминала ему жена Серова. Ну конечно же, «графиню». Точно! Только эта старая, а та помоложе…

Миша подумал о том, как хорошо он сделал, что не поддался уговорам и угрозам Серова. Ведь если бы он его послушался и увел отсюда отряд,

то объективно помог бы кулакам и бывшим помещикам. А ведь он сразу разгадал Серова, сразу почувствовал его неискренность и враждебность. Значит, у него, у Миши, есть политическое чутье. Ведь и Ерофеева он тоже разгадал, сразу сообразил, куда гнут кулаки… Но, конечно, все гораздо сложнее, чем ему представлялось. Тут цепь: Серов, Ерофеев, «графиня», лодочник, Карагаев… Возможно, что у каждого из них своя цель, но они объединены общими интересами. И, конечно, все это имеет отношение и к убийству Кузьмина, и к обвинению Николая Рыбалина.

Рассказать Борису Сергеевичу о Карагаеве или нет?

Конечно, для Бориса Сергеевича важно знать, что здесь появился бывший хозяин усадьбы. Но вдруг этот человек в зеленом вовсе не графский сын, вовсе не Карагаев? Мальчики уже столько раз ошибались. Миша боялся просчитаться еще раз, боялся наболтать чего-нибудь лишнего. Лучше завтра убедиться, что это действительно граф, и тогда уж рассказать.

— Имейте в виду, — сказал он, — Ерофеев и другие кулаки все равно будут мешать коммуне.

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Мы и не рассчитываем на их симпатии. И не

нуждаемся в них. И мы их не боимся. Это они нас боятся. Они отлично понимают, что им придется расстаться с тем, что они захватили разными незаконными махинациями. И командовать здесь, в деревне, мы им не дадим. Они это отлично понимают и поэтому сопротивляются и будут сопротивляться. Если хочешь, сможешь в этом сегодня убедиться.

— А что сегодня? — спросил Миша.

— Сегодня вечером сходка. Приходи со своими ребятами. Получите наглядный урок классовой борьбы.

Глава 65
Сходка

Отряд явился на сходку в полном составе. Всем было интересно. К тому же сходка происходила в клубе, хозяевами которого ребята себя до некоторой степени чувствовали: ведь они его построили.

Обычно на сходку собирались только мужчины, теперь же пришла вся деревня: и мужчины, и женщины, и дети. Было душно, но многие сидели в полушубках и валенках. Облачки сизого махорочного дыма уходили под деревянные стропила. Потолка не было. В сущности, это был большой сарай.

На сцене стоял маленький стол, покрытый красной материей. За ним сидели председатель сельсовета Иван Васильевич и Борис Сергеевич. Председатель встал, потребовал тишины и сказал:

— Граждане! — Он всегда на сходках почему-то говорил не «граждане», а «гражданы», видимо, для торжественности. — Гражданы! Начнем собрание. Есть постановление центральной власти.

Значит, в бывшей барской усадьбе организовать трудовую коммуну для детей из числа бывших беспризорных товарищей. Значит, слово для информации имеет директор Борис Сергеевич. И просьба, граждане, не курить.

Но все продолжали курить.

Борис Сергеевич вышел к рампе. Все замолчали и воззрились на него.

— Товарищи, — сказал Борис Сергеевич, — коммуна организуется из числа бывших воспитанников детского дома. Все они в прошлом беспризорники, а некоторые даже и малолетние преступники. Говорю вам об этом прямо, чтобы все были в курсе дела…

Он замолчал. В зале нарастал глухой шум. Сначала это был тихий, сдержанный говор многих людей в разных местах клуба. Потом все заговорили разом, зашумели, заволновались. И наконец раздался истошный женский крик:

— Они и нас тут всех пограбят да перережут…

Это крикнула женщина с ребенком на руках, вся точно обернутая большим цветастым платком.

— Да, товарищи, некоторые из них были малолетними преступниками, — продолжал Борис Сергеевич, — но это было когда-то. За несколько

лет, проведенных в детском доме, ребята стали совсем другими. Они овладели разными профессиями, знают и любят свое дело, научились уважать коллектив. Короче говоря: я ручаюсь за каждого. И вот увидите: у вас с коммунарами установятся самые лучшие отношения. Вы не будете на них в обиде, и я надеюсь, что и коммунарам не придется обижаться на вас.

Но по мере того как говорил Борис Сергеевич, шум опять нарастал. Миша внимательно наблюдал за собранием и видел, что кулаки хотя и не кричат, но будоражат всех. Они сидели вокруг Ерофеева и лавочника маленькой, но сплоченной и злой кучкой, сознавая, что симпатии большинства собравшихся на их стороне, потому что все не хотят здесь коммуны, боятся ее, боятся коммунаров, про которых им наговорили всякие ужасы.

И Мише было жаль Бориса Сергеевича, одиноко стоявшего на сцене лицом к лицу с враждебным собранием, которое не хотело его слушать и прерывало на каждом слове злобными и насмешливыми выкриками. Он всей душой сочувствовал Борису Сергеевичу, но ничем не мог помочь ему…

А собрание шумело, кипело, бурлило. Особенно

волновались женщины.

— Не надо нам вашей коммуны! — кричали они. — Все равно прогоним бандитов! Убирайтесь, откуда пришли!

Председатель Иван Васильевич поднялся и крикнул:

— Спокойствие, граждане, спокойствие! Выслушаем товарища, а потом будем обсуждать. Бабы, тихо! А то выведу!

Ему ответил задорный женский голос:

— Попробуй выведи!.. Мы тебя самого выведем!..

Раздался взрыв хохота. Но шум не утихал, наоборот — еще больше усилился…

Борис Сергеевич стоял на сцене, даже не пытаясь что-либо сказать, только обводил собрание строгим взглядом из-под очков…

И тогда Миша, Генка, Славка и все остальные ребята сделали то, что они обычно делали на школьных собраниях, когда подымался такой же невообразимый шум: они начали хором скандировать:

— Ти-ши-на!.. Ти-ши-на!.. Ти-ши-на!

Сначала их голоса терялись в общем шуме, но, когда к ним присоединились остальные ребята, не только из лагеря, но и многие деревенские,

они перекричали всех.

Это было так ново и неожиданно для собрания, что все замолчали и в недоумении уставились на ребят. Они скандировали: «Ти-ши-на!.. Ти-ши-на!..» — а все с удивлением смотрели на них.

Потом, по знаку Миши, ребята перестали кричать так же внезапно, как и начали…

Борис Сергеевич воспользовался тишиной, наступившей вследствие общего замешательства, и сказал:

— Ведь и у вас есть дети. Вот они сидят рядом с вами. — Он обвел внимательным и укоризненным взглядом сидевших впереди женщин с детьми и продолжал: — Ваши дети сидят возле вас. Вы их любите и заботитесь о них. После собрания они придут домой, где у них есть и пища, и постель, и над головой крыша, и есть ласковая, заботливая материнская рука. Почему же вы так жестоко относитесь к тем, кого война, разруха и голод лишили всего — и крова, и семьи, и отца, и матери? Я спрашиваю: почему вы так жестоки и несправедливы к ним? В чем они провинились перед вами?

И он замолчал, ожидая ответа на свой вопрос.

Но ответом ему было общее молчание. Все избегали взгляда Бориса Сергеевича. А у некоторых

женщин даже слезы навернулись на глаза. Но они скрывали эти слезы и делали вид, что сморкаются.

Мальчики торжествовали. Здорово он сказал! Крепко получилось!

Строгим и внушительным голосом Борис Сергеевич продолжал:

— Страна наша бедна. Но советская власть сделала все, чтобы вернуть детей к жизни, воспитать из них честных тружеников. И в этом большом и благородном деле никто не сумеет нам помешать. Ни те, кто надеются на возвращение помещиков и берегут для них усадьбы, ни те, кто незаконно завладели землей и эксплуатируют других крестьян. — И он строго посмотрел в ту сторону, где сидел Ерофеев.

И все, кто был в зале, тоже обернулись туда.

— Короче говоря, — заключил Борис Сергеевич, — организация коммуны — дело решенное. И никому не удастся это решение изменить. Оно окончательное. Я пришел сюда не для того, чтобы испросить вашего согласия, а для того, чтобы нам всем подумать о том, как мы будем вместе жить и вместе работать. Хотите вы обсуждать этот вопрос — пожалуйста. Не хотите — я могу уйти. Но коммуна будет.

Слово попросил Ерофеев. Он вышел к сцене, снял фуражку, обнажив плешивую голову, и сказал:

— Очень правильно сказал товарищ представитель насчет ребятишек. И мы тоже хотим, чтобы все было по-божески, по справедливости. Чтобы, значит, и мы никого не обидели, и нам чтобы ни от кого обиды не было. А вот насчет земли товарищ представитель ничего не сказал. А с землей-то как будет — вот вопрос.

— Ни на чью землю коммуна не претендует, — ответил Борис Сергеевич, — коммуне отойдет та земля, которая принадлежит государству и которой незаконно пользуются гражданин Ерофеев и некоторые другие граждане. Разве вам, гражданин Ерофеев, полагается владеть почти сотней десятин земли?

— Не я, а все общество пользуется, — ответил Ерофеев и широким жестом обвел зал, показывая, что все здесь сидящие пользуются этой землей.

Но та самая женщина в платке, которая кричала про коммунаров, выкрикнула:

— Ты чего на нас показываешь? Мы этой земли и не нюхали! Всю заграбастал!

Не обращая на нее внимания, Ерофеев спокойно продолжал:

— Владеем по закону. На то и бумага из губернии есть.

Борис Сергеевич строго посмотрел на Ерофеева и сказал:

— Мы знаем, гражданин Ерофеев, сколько вам стоила эта бумага.

Ерофеев метнул на него настороженный взгляд, потом развел руками:

— Про это нам ничего не известно.

— Значит, будет известно, — коротко ответил Борис Сергеевич и, обращаясь к залу, спросил: — Граждане, кто еще пользуется этой землей, просьба встать.

Никто не встал. Все молчали. Только один старик вполголса проговорил:

— Кто же ею пользуется… Известно кто…

Ерофеев неожиданно протянул вперед руки, повернул их ладонями вверх и сказал:

— Этими руками земля обработана. Разве я не трудящийся?

Женщина в платке вскочила со своего места и закричала:

— Какой ты трудящийся? Ты этими руками только деньги считаешь! Закабалил всех, а теперь трудящимся прикидываешься!

Опять заговорили все сразу. Но теперь общее

негодование обрушилось на Ерофеева, на лавочника и на других кулаков. Выкладывались давние обиды, вспоминались несправедливости и унижения, которые терпели все от местных богатеев. Миша смотрел на мать Жердяя: вот кому бы выступить и рассказать, как Ерофеев подбивал ее предать собственного сына. Но Мария Ивановна молча сидела в углу, поворачивая печальное лицо к тем, кто выступал, но сама ничего не говорила.

Председатель Иван Васильевич ладонью постучал по столу:

— Граждане! Довольно пререкаться! Вопрос ясный: быть здесь трудовой коммуне из числа бывших беспризорных товарищей. А то, что некоторые свою шкуру защищают, так это их личное дело. Все трудящееся крестьянство, и которые бедняки и которые середняки, горит способствовать общему делу. А потому просим Бориса Сергеевича доложить, как мыслится работа коммуны. В каком, значит, направлении и какая от нас требуется помощь.

Борис Сергеевич рассказал, чем будут заниматься коммунары, что они будут сеять, какие сады разобьют, какие у них будут мастерские и подсобные предприятия, какую выгоду от этого

получит окрестное население.

Все молча и внимательно его слушали. Может быть, он и не привлек всех на свою сторону, но большинство чувствовали, что настоящая правда — на его стороне, а не на стороне тех, кто эксплуатировал их.

А ребята торжествовали. Речь Бориса Сергеевича казалась им прекрасной. Он нарисовал такую заманчивую картину развития коммуны, что, слушая его, им хотелось тоже стать коммунарами, остаться здесь и создавать на новом месте новое хозяйство, «нового, — как выразился Борис Сергеевич, — коммунистического типа»…

Глава 66
Орел-ягнятник

Собрание кончилось. Уже наступила ночь. Дождь прекратился. Небо очистилось от туч, на нем сверкали мириады звезд. И только когда ребята задевали в темноте деревья и кусты, на них сыпались капли дождя, застрявшие на листьях и ветках.

Борис Сергеевич и Миша шли позади всех. Впереди, из темноты, доносились крики и ауканье ребят, громкий смех Зины Кругловой, обиженное бормотанье Кита, негодующий голос Бяшки.

— Скажите, Борис Сергеевич, — спросил Миша, — если бы вдруг появился бывший владелец усадьбы, мог бы он помешать коммуне?

Борис Сергеевич засмеялся:

— Как же он помешает? Усадьба конфискована и принадлежит государству.

— А вы не знаете, где они, бывшие графы?

— Старый граф еще до революции уехал за границу, а молодой неизвестно где. Впрочем, какое это имеет значение?

Мише очень хотелось рассказать, какое это

имеет значение, но он удержался. Вот если завтра он убедится, что человек в зеленом и есть граф Карагаев, тогда он и скажет.

— А вы не интересовались их гербом? — спросил Миша. — Вернее, я хотел спросить: какая именно птица изображена на гербе?

— На гербе изображен орел. И если судить по голове, то это орел-ягнятник, он же орел-бородач. Нечто среднее между орлом и грифом, так сказать, переходный вид. Правда, специалисты, к которым я обращался, утверждают, что туловище — обыкновенного орла, но голова определенно орла-ягнятника. Вот, — он вытащил записную книжку, — у меня записаны приметы: «Голова большая, плоская спереди, выпуклая сзади. Покрыта щетинистыми и пухообразными перьями. Клюв большой, длинный, согнутый острым крючком. Основание клюва окружено пучком щетинок, который прикрывает нижнюю половину клюва. Поэтому орел называется как ягнятник, так и бородач».

Миша внимательно слушал Бориса Сергеевича. Но это опять ничего не давало. Ягнятник, бородач… Полуорел, полугриф… Нет, ничего не дает… Вот халзан, курганник, могильник — это о чем-то говорит. А бородач ни о чем не говорит.

Неужели они ошиблись и с орлом? Неужели орел изображен просто так и их догадкам та же цена, что и показанному на чертеже маршруту?..

Все же сообщением Бориса Сергеевича Миша решил поделиться с Генкой и Славкой. Когда лагерь затих, он тихонько вызвал их из палатки, отвел в сторону и сказал:

— Так вот, ребята, Борис Сергеевич говорит, что у этой птицы голова орла-бородача, или ягнятника.

— Ну и что? — нетерпеливо возразил Генка. — Я ведь тоже говорил, что голова у птицы особенная, не такая, как у настоящего орла. Возможно, что ягнятника, не возражаю. Но какое это имеет значение? Ведь в целом это орел обыкновенный.

— А чертеж? — настаивал Миша. — Ведь на чертеже голова орла совершенно черная, в отличие от туловища и ног. Значит, голова имеет какое-то особое значение. А голова — ягнятника.

Генка опять нетерпеливо передернул плечами:

— Не знаю, не знаю… При чем здесь ягнятник? У нас в России он почти не водится. Иногда только встречается на Кавказе и у Гималайских гор. Если ты хочешь знать, то ягнятник живет выше всех горных птиц, в области ледников и вечного снега. Откуда здесь, в средней полосе России, может

взяться ягнятник? И гнездятся они только на скалах. А какие здесь скалы? Нет ни одной скалы…

— Как же нет? А скала, на которую мы сегодня залезали?

Генка рассмеялся:

— Какая это скала? Ты пойми: они гнездятся на неприступных скалах.

— Это не имеет значения, — решительно объявил Миша, — зато как здорово получается… Орел изображает реку Халзан, его голова — скалу на Халзане, а лапы могильника — могилу на скале. Понимаешь? Халзан — скала — могила.

Славка громко зевнул. Ему очень хотелось спать. И, если говорить правду, он устал от догадок и не верил в них. Один орел, другой, и так до бесконечности… Если бы дело было в орлах, то алмаз давным-давно уже нашли бы. Искали тоже, наверно, не дураки.

— Ведь мы были сегодня на скале и никакой могилы там не видели, — сказал Славка и снова зевнул.

— Да, не видели, — горячо ответил Миша, — но ведь мы ее и не искали. Надо пойти и как следует обшарить всю скалу.

— Когда пойти? — испуганно спросили Генка и Славка.

— Сейчас. Немедленно.

Но мальчики наотрез отказались идти сейчас на скалу. Что они там ночью увидят? Ровным счетом ничего. Бесполезная трата времени. Только не выспятся. А ведь завтра приедет человек в зеленом, и надо быть бодрыми и готовыми ко всему.

— Значит, не пойдете? — грозно спросил Миша.

— Нет! — решительно ответили Генка и Славка.

— А если я прикажу?

— Не имеешь права, — ответил Славка. — Если бы это касалось отряда, то ты имел бы право приказывать. А здесь, в конце концов, частное дело.

Некоторое время они горячо спорили о том, имеет ли право Миша приказывать или не имеет. Каждый остался при своем мнении, но идти на скалу Генка и Славка отказались решительно.

Миша взывал к их разуму, укорял в трусости, обещал верный успех, грозился пойти один, доказывал, что завтра, может быть, уже будет поздно, потому что граф опередит их.

Все было напрасно. Генка и Славка ни за что не хотели идти на Халзан. Славка вообще уже ни во что не верил, Генка не хотел признавать

никакого орла-ягнятника, он просто дрожал от бешенства, когда слышал про грифов. И им обоим хотелось спать.

Скрепя сердце Миша уступил. Но он потребовал от друзей обещания, что завтра они обязательно пойдут с ним на скалу. Генка и Славка торжественно обещали пойти.

— Но, — добавил Генка, — учти, что всякие Бяшкины грифы здесь ни при чем.

Глава 67
Граф Карагаев

Среда!

Борис Сергеевич, Коровин и колонисты ушли обмеривать землю. Ребята под предводительством Зины отправились в клуб. Миша, Генка и Славка бдительно следили за усадьбой.

«Графиня» в город не уехала. Значит, ее встреча с человеком в зеленом костюме должна произойти здесь. Он приедет дневным поездом, то есть в два часа. Миша велел Генке точно к этому времени быть на станции.

Приблизительно в половине второго «графиня» вышла из дому.

Миша и Славка осторожно двинулись за ней.

Миновав парк, «графиня» краем небольшого лесочка вышла к берегу реки, гораздо выше и деревни и усадьбы.

Почти одновременно к реке подошел человек в зеленом костюме. Но Генки не было. Значит, человек в зеленом сошел с поезда не на их полустанке, а на следующем.

Он был похож на прогуливающегося дачни-

ка. На нем был легкий летний костюм зеленого цвета, желтые ботинки «джимми» и большое светлое кепи. В руках он держал букетик полевых цветов.

Человек в зеленом костюме поздоровался с «графиней». Разговаривая, они берегом реки пошли в противоположную от усадьбы сторону. Единственное, что оставалось Мише и Славке, это тихо передвигаться по берегу так, чтобы не упустить их из виду. Но слышать, о чем они говорят, мальчики не могли.

Той же тропинкой «графиня» и человек в зеленом костюме вернулись обратно и остановились недалеко от мальчиков.

— Когда вы вернетесь? — спросил человек в зеленом костюме.

— Минут через сорок.

«Графиня» пошла к лодочной станции. Человек в зеленом костюме скрылся в прибрежных кустах. Там он разделся и бросился в воду. Было слышно, как он плескался, фыркал и бил ладонями по воде. Мальчики притаились в кустах.

Потом незнакомец вышел на берег. За кустами послышалось шелестенье газеты, потом все стихло.

Мальчики лежали не шевелясь. Время тяну-

лось томительно долго. Солнце уже начинало склоняться к западу. В траве стрекотал кузнечик. Высоко в небе кувыркался жаворонок.

Незнакомец поднялся. Наверно, одевается…

Наконец показалась «графиня». Незнакомец, уже одетый, с блестящими мокрыми, тщательно приглаженными волосами, пошел ей навстречу. Они остановились совсем близко от мальчиков. Незнакомец стоял к ним спиной. Лицо «графини» было хорошо видно.

— Он согласен, — сказала «графиня».

— Сколько людей?

— Он и еще двое в лесу.

— Когда смогут быть на месте?

— Через два часа.

Незнакомец задумался, посмотрел на солнце, затем на часы.

— Пусть будут через три.

— Хорошо, передам.

— С ломами и лопатами.

— Хорошо… я им уже послала два мешка инструментов. Только… Алексей… я хотела предупредить: лодочник вас подозревает.

— В чем?

— Ну… в этом… с Кузьминым.

— Откуда он знает, что я — это я?

— Возможно, он этого не знает. Но он сказал: «Кузьмина убил человек, с которым вы встречаетесь в музее».

— Он следил за вами?

— Да. Он был уверен, что я скрываю от него настоящее место. Он очень умный и очень опасный человек.

— Я сам опасный.

— Алексей! С этим крестьянином… Кузьминым… как получилось?

Мальчики напряженно прислушивались, боясь пропустить хотя бы одно слово. Сейчас он скажет самое главное!

Карагаев передернул плечами:

— Мы столкнулись с ним лицом к лицу. Он меня узнал. Мог выдать. Что оставалось делать? Одним мужиком на свете меньше.

— Но Рыбалина освобождают.

— Против него нет улик. Но их нет и против меня. Конечно, надо все быстрее кончать. Сегодня же.

— Вы уверены, что это настоящее место?

— Бесспорно. И подумать: столько лет он нас обманывал! Скотина!

«Графиня» ханжеским голосом проговорила:

— Не говорите так, Алексей! Он мертв, и он ваш

отец. Господи, когда я подумаю…

— Ах, оставьте свои причитания! — с досадой проговорил Карагаев. — Лучшие годы я отдал поискам этого камня. Остался в России. Черт возьми! — Он ударил себя по лбу. — И как это я не догадался открыть склеп на скале? Идиот!

Миша бросил быстрый, но очень укоризненный взгляд на Славку. Оказывается, правильно: скала — склеп… Вот тебе и орел-ягнятник…

Славке ничего не оставалось, как только виновато замигать глазами.

— Все же лучше без лодочника и без его людей, — сказала «графиня».

— Склеп завален. Мне одному не справиться. Я уже пробовал.

— Может быть, позвать других?

— Например?

— Ерофеева, еще кого-нибудь.

— Нет! Предпочитаю бандитов. Легче сговориться, дешевле и наверняка не продадут.

— Но они могут вас убить.

— Я вооружен.

Они помолчали.

Потом Карагаев сказал:

— Теперь идите. Предупредите его: через три часа.

Глава 68
Склеп

Итак, надо действовать! Действовать немедленно и решительно!

Миша ни в чем не укорял приятелей. О чем теперь говорить? Только когда скрылись из виду и Карагаев и «графиня», он повернулся к Славке:

— Ну как — «частное дело»?

— Нет, не частное, — ответил пристыженный Славка.

То же самое признал и Генка. Он поджидал ребят в лагере. Человека в зеленом Генка на станции не видел, но с поезда сошел следователь. Однако куда он делся, Генка не заметил. Следователь сошел с поезда и исчез.

— Да, — сказал Миша, — жалко, что он не зашел в лагерь. Ведь убийца налицо. Шутить нельзя. Беги, Генка, побыстрее в деревню и узнай, нет ли там следователя.

Генка побежал в деревню. Но следователя там не оказалось.

Мальчики были очень взволнованы. Что им делать? Идти на скалу нет смысла. Теперь они

уже не опередят графа. Остается только одно: рассказать все Борису Сергеевичу.

Борис Сергеевич внимательно выслушал мальчиков. Их рассказ звучал необычно. Но Борис Сергеевич ничем не показал, что сомневается в нем. Он поднялся и сказал:

— Надо идти!

На Халзин луг отправились всем отрядом. Даже Кит категорически отказался дежурить на кухне.

По дороге Борис Сергеевич пригласил с собой председателя сельсовета и двух крестьян-понятых.

Но весть о том, что сейчас на Халзином лугу должны найти клад, мгновенно облетела всю деревню.

Отряд еще не дошел до утеса, как их догнала большая толпа крестьян. Среди них шагал даже доктор. Значит, новость уже дошла и до соседнего села.

Вскоре утес был окружен плотной толпой. Совершенно неожиданно для себя Миша увидел в толпе лодочника и обоих парней из леса. Но человека в зеленом костюме не было.

Солнце уходило за горизонт. Последние лучи его освещали одинокий утес и взволнованную толпу людей вокруг него.

Одна сторона скалы была отвесной. Другая, отлогая, была усеяна разной величины камнями. Почти у самой вершины лежало три огромных валуна. Для того чтобы взобраться на верхушку утеса, надо было их обойти. Осмотрев валуны, Борис Сергеевич и Миша увидели под ними свежие следы лопаты или кирки: кто-то пытался сдвинуть камни с места.

Борис Сергеевич подозвал председателя сельсовета и нескольких крестьян. Быстро заработали ломы и лопаты. Валуны были подрыты. Борис Сергеевич велел толпе раздвинуться. Один за другим все три валуна скатились с утеса.

Показалась каменная могильная плита. Она заросла мохом и травой, даже трудно было сразу разобрать, что это плита. Но когда наконец вокруг нее расчистили землю, ее очертания выступили совершенно отчетливо.

— Могилку портют, — вздохнул Ерофеев. — Не по-божески.

Кто-то из крестьян засмеялся:

— Могилка-то не на месте. Ей полагается на кладбище быть, а она эвон куда забралась.

Плиту подрыли, затем поддели ее ломами и приподняли. Открылось небольшое углубление. Толпа прихлынула к яме. Всем хотелось увидеть,

что там есть.

— Отойдите, граждане, — сказал председатель, — всем покажем.

И в эту минуту к скале подошли «графиня» и Карагаев. Никто из толпы не обратил на них внимания: все были заняты склепом. Только

Миша и лодочник неотступно следили за ними. И Ерофеев, видно, сразу узнал молодого графа и не спускал с него глаз.

В углублении под плитой лежала черная металлическая шкатулка. Борис Сергеевич поднял ее. Она была заперта. Ударом камня Борис Сергеевич сбил замок и открыл шкатулку. Там лежала брошь, усыпанная блестящими камнями. В середине ее сверкал большой бриллиант… Борис Сергеевич высоко поднял брошь и показал ее толпе.

И вдруг, расталкивая толпу, к Борису Сергеевичу подошел Карагаев.

За ним следовала «графиня».

— Эта шкатулка принадлежит мне, — сказала «графиня».

— Возможно, — вежливо ответил Борис Сергеевич, не отдавая шкатулки.

— Дайте ее, — сказала «графиня», протягивая руку.

Но Борис Сергеевич не отдал ей шкатулки.

— Я не могу вам ее отдать. Она будет сдана органам власти, а уж затем вы можете предъявить на нее свои права.

И здесь случилось самое неожиданное: Карагаев выхватил шкатулку из рук Бориса Сергеевича.

Это было так дерзко, что все растерянно и неподвижно стояли на своих местах.

Борис Сергеевич побледнел и шагнул к Карагаеву:

— Что это значит? Верните немедленно!

Карагаев вытащил из кармана пистолет… Толпа шарахнулась в сторону. Карагаев, держа в одной руке пистолет, в другой шкатулку, медленно отступал к подножию скалы… И тут его застиг резкий окрик, прозвучавший, как команда:

— Сдать оружие!

Карагаев оглянулся. Сзади стояли следователь и два красноармейца. И возле красноармейцев стоял Николай Рыбалин. Он посмотрел на Мишу и улыбнулся ему своей приветливой улыбкой.

Глава 69
Итоги и недоделки

Каждый день прибывали новые группы трудколонистов. Со станции на подводах доставляли инвентарь. Коммунары ремонтировали дом, строили сараи, навесы, оборудовали мастерские.

А нашему маленькому отряду уже было пора уезжать. Август золотил листья на деревьях, ночи становились длиннее, спать в палатках было уже холодно.

Да и все дела были, в сущности, закончены. Николай Рыбалин оправдан. Тайна бронзовой птицы раскрыта. Усадьба принадлежит трудкоммуне. Обучено грамоте двенадцать человек. Пионерский отряд в деревне создан.

Последние дни ребята деятельно помогали коммунарам. Кит — тот просто не вылезал из кухни. Но все понимали, что пора уезжать.

Коммунары заново планировали сад. Из деликатности они не говорили, что палатки отряда им мешают, но ребята это отлично понимали. Конечно, можно переставить палатки на другое место, но уж если сниматься с обжитого места,

то совсем.

А жалко расставаться с усадьбой, с деревней, с коммунарами…

— Вы обязательно к нам на будущий год приезжайте, — улыбаясь, говорил Николай Рыбалин. — Опять будем плотничать. Новый клуб соорудим, теплый, чтобы и зимой им пользоваться.

Ерофеев лицемерно вздыхал:

— Да уж, поработали ребята, спасибо им, помогли обществу. И невинного человека защитили.

Но глазки его смотрели подозрительно и настороженно, и никто не верил ему.

Художник-анархист объявил, что он тоже едет в Москву.

— Больше там простору для талантливого человека, — говорил он, — есть где развернуться. Театры, вывески, фасады. Вам, ребята, если что потребуется в школе оформить, то пожалуйста, с полным удовольствием.

Миша поспешил его заверить, что в их школе уже все давно оформлено.

Ребята уезжали в Москву вечерним поездом. Они уже свернули палатки, скатали одеяла, сложили вещи. Перед отъездом разожгли большой прощальный костер.

На костер пришли коммунары во главе с Бори-

сом Сергеевичем и деревенские ребята.

Миша открыл сбор следующими словами:

— Это наш последний костер. Полагается подвести итог всему, что мы здесь сделали. Но мы будем говорить не о том, что мы сделали, а, наоборот, о том, что мы не успели сделать. Это будет полезно для тех, кто здесь остается. Кто хочет высказаться?

Первым взял слово Славка:

— Мы организовали здесь отряд. Но в него вступило всего тридцать два человека. Мало! Надо, чтобы все ребята в деревне стали пионерами.

— Плохо мы работали по ликвидации неграмотности, — сказала Зина Круглова, — обучили всего двенадцать человек. А надо, чтобы вся деревня стала грамотной.

— В деревне нет больницы, — сказал Бяшка, — приходится ходить в соседнее село. Это несправедливо. Медицина — могучее средство в борьбе с религиозными предрассудками.

— Как-то слаба у нас интернациональная связь, — объявили Игорь и Сева, — всего только два письма послали немецким пионерам. А фашизм подымает голову. Надо обратить на это самое серьезное внимание.

Когда все выступили, Миша сказал:

— Все правильно. И мы надеемся, что коммунары доделают. Лучше, чем мы.

Борис Сергеевич от имени трудкоммуны заверил, что все не доделанное ребятами будет доделано коммунарами.

— Теперь всё, — объявил Миша. — Можем отправляться.

Но Генка вдруг закричал:

— Нет, не всё! Есть еще одно недоделанное дело!

— Какое?

— Помните, Миша читал нам свои стихи. Стихи, в общем, неплохие. Но там не хватало последних двух строчек. Я их сочинил.

— Давай говори, — сказал Миша, — только поскорее.

Ему стало очень стыдно, когда Генка заговорил о стихах. Миша надеялся, что все про них давно забыли.

— Так вот, — Генка отставил назад ногу. — Так вот, последняя строфа Мишиного стихотворения начиналась так:

Борьба лишь начата, и нам передан молот,

Цепями все еще опутан шар земной…

И на этом обрывалось. Я предлагаю закончить так:

Но мы сильны, и дух наш молод,
Вперед, товарищи, за мной! —

И он выбросил руку вперед, призывая всех идти за собой.

Но такой конец ребятам не понравился.

— Почему именно за тобой? — сказали одни. — Разве ты заслужил, чтобы все шли именно за тобой?

— Смахивает на плагиат, — говорили другие. — Первая строчка содрана из песни «Мы кузнецы...». Там «дух наш молод», и здесь «дух наш молод», и рифма одна: молот — молод...

— Еще хуже, чем у меня, — сказал Миша. — Впрочем, над этими строчками поработаем в Москве. Конечно, у кого будет желание. А сейчас поторопимся, иначе опоздаем к поезду.

Борис Сергеевич предложил подводу, которая довезла бы вещи до станции.

Но ребята отвергли это предложение. Они не маменькины сынки и умеют ходить в полном походном снаряжении.

Ребята погрузили на себя свое незатейливое имущество. Отряд выстроился и зашагал к стан-

ции.

Москва
1955–1956

